

РЕЧЕ

1984

16

Вече

Независимый русский альманах

16

Четвертый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

**© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1984
München**

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	
Епископ Марк . Ответ один...	5
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ	
И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой	11
РУССКИЙ САМИЗДАТ	
Е. Пашнин. Исповедь	35
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ	
М. Каратеев. Норманская болезнь в русской истории	59
Н. Воейков. Униатство и украинский сепаратизм в свете исторической правды	73
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
Св. Моисей Тарасевич. Отец Павел Флоренский	83
Н. Нефедов. Российский Марко Поло – Афанасий Никитин	91
Трибуна «ВЕЧЕ»	
О. Поляков. О положительном национальном идеале	103
В. Тихонов. Еще раз о врагах и о друзьях	111
С. Солдатов. Нарращивать мощь или жить по справедливости	125
Н. Нефедов. Озлобление и предубедительность	143
ЗАБЫТОЕ И УНМАЛЧИВАЕМОЕ	
И. А. Бунин. Миссия русской эмиграции	149
ДОКУМЕНТЫ	
Письмо графа Б. Коковцева генералу А. Кутепову	159
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
О. П. О разведческой педагогике и идеологии	169
НЕЗАБЫВАЕМОЕ	
А. Шпарэнго. Новый год	177
Воззвание к русской эмиграции	189
Обращение к бывшим военнопленным	193
Сообщение РНО в ФРГ	196

Редакция поздравляет
подписчиков, читателей и друзей
альманаха «Вече» с

**РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ**

и желает всего доброго
в наступающем
1985 году

† М а р к,
Епископ Берлинский и Германский

Ответ один...

(по поводу статьи „Семь вопросов и ответов
о Русской Православной Церкви)

„Если Россия, русский народ, российские народы не вернутся к Церкви, никакого возрождения, обновления и освобождения России не произойдет. Все останется так, как есть, и даже еще хуже. Общество будет продолжать деградировать и нравственно, и физически,“ – эта светлая и совершенно правильная мысль высказана в анонимном документе из России, опубликованном в журналах «Вестник РХД» № 137 и «Синтаксис» № 11/1983. К сожалению, этот документ – сумбурный и преисполнен невежеством, даже обскурантизмом.

Мы давно привыкли к подобного рода статьям из порабощенной атеистической властью России. Авторы таких материалов нельзя осуждать за то, что они не имеют возможности углублять свои знания и поэтому порой высказывают совершенно нелепые взгляды. Они, так или иначе, в плену безбожной диктатуры, и мало кто способен в подобных обстоятельствах не заразиться теми или иными ложными представлениями, порожденными этой системой. Но когда мы видим, что даже на Западе распространяются подобные, глубоко не-православные и антирусские, взгляды, направленные на разложение Св. Церкви – мы, свободные члены Русской Православной Церкви, не можем молчать.

Когда люди, выросшие вне ограды Св. Церкви или без православно-здорового восприятия Церкви, пишут о Ней, то они часто исходят из того, что этот Богочеловеческий организм – лишь одна из многих форм человеческого общества. На самом же деле, Церковь существенно отличается от любого человеческого общества: Она есть Богочеловеческое общество и все члены Её связаны между собой не механической, а органической взаимной любовью как члены одного Тела. В наше время, когда народы и расы перемешаны на всех континентах, иным кажется неприемлемым, что есть только Одна Апостольская Церковь – именно Православная.

Некоторые современники желают присвоить название Церкви и другим обществам, забывая, что в Символе Веры, принятом всей Вселенской Церковью 1600 лет назад, они исповедуют веру во „Едину Святую Соборную Апостольскую Церковь“. Вспомним, однако, что св. Киприан Карфагенский совершенно недвусмысленно отрицает за всеми стоящими вне Церкви даже право называть себя христианами. Вследствие такого ясного понятия о границах Церкви св. Киприан требовал „при приеме в Церковь крестить даже новатиан, хотя они были только раскольниками“. По св. Василию Великому, отступивший от Церкви – уже не христианин. Он лишен благодати Святого Духа, а поэтому лишен и надежды на спасение. Отделившиеся от Церкви не имеют любви, по блаж. Августину, и добрыми быть не могут, ибо самое отделение от Церкви делает их злыми. Нет места для „христианства“ без Церкви, или Церкви без исповедания Православия.

От этих установок, принятых Церковью, мы отказаться не можем, ибо это значило бы отказаться от самой ЦЕРКВИ. Именно такого отказа многие от нас и добиваются, применяя самые разные способы. На Западе так называемое экуменическое движение явно имеет целью затемнить истину в отношении сущности Церкви. Здесь внушают всем, что как будто в каждом „вероисповедании“ есть какая-то „доля истины“, а совершенной истины

нет. В России же происходит смешение понятий на основе недостающей информации и сознательной дезинформации, пустившей корни даже в духовных школах.

На таком фоне надо рассматривать сумбур, предлагаемый нам анонимным автором в статье „Семь вопросов и ответов о Русской Православной Церкви“.

В первую очередь, нас в этой статье удивляет запутанность терминологии. Может быть её автор сознательно желает запутать читателя? Он пишет например: „Вопросы, о которых пойдет речь, занимали и другие поместные церкви, как западные, так и восточные“. Термин „поместная церковь“ применяется только к православным церквям. Таковых, однако, на Западе нет – здесь имеются только части, отдельные епархии „в рассеянии сущие“ (или, как ныне принято говорить, в диаспоре) поместных Православных Церквей. С другой стороны, термин „Восточная Церковь“ обычно употребляется только в единственном числе. Он обозначает Православную Церковь в целом – как в прошлом веке еще принято было говорить: „Восточная греко-кафолическая Церковь“. Под термином „Западная Церковь“ подразумевается преимущественно римо-католическая, а порой и протестантские вероисповедания, поскольку они присваивают себе это наименование. Хотя это и принимается условно, речь о них, как о „поместных церквях“, никак не возможна без искажения самого существа дела. Однако подобное смешение понятий проходит через всю статью. Очевидно у автора в этом коренном вопросе нет ясности. Его исходная позиция – неопределенная. Как будет он, стоя на такой шаткой основе, ставить свои вопросы и предлагать ответы о Русской Православной Церкви?

От таких запутанных исходных представлений анонимный автор переходит к еще менее православным взглядам, когда он говорит о „мировом христианстве“. Это понятие он отождествляет с „Апостольской Церковью“, частью которой он признает и Русскую Православную Церковь. Чтобы уйти от обличения, он нападает на православных, упрекая их в „изоляциялизме“, а рус-

скую православную Церковь в „замкнутости в самой себе“. Такие „православные братья наши“, – пишет он, – „крепко замыкая двери православия, чтобы к ним не проникла свежая струя, зачастую сводят свое христианство к соблюдению буквы, устава, какой-нибудь второстепенной традиции (иногда даже и не традиции вовсе!). При подобной позиции часто отрицается богословское образование, деятельность в миру, иногда культура вообще“.

Против чего, собственно, восстает этот автор? Неужели он против самого себя? Искжая самые элементарные понятия, он отрицает самые основы богословского образования: он выступает против тех православных, которые „прочие исповедания объявляют... еретическими“. Западную Церковь же без раздумий называет „братской“. Не понимает ли он слово „ересь“ слишком поверхностно, на уровне светского приличия? Но следует вспомнить, как обличали Святые Отцы лжеучения о Христе, о Святом Духе, о Церкви. Дело не в том, что „ересь“ – слово обидное, а в том, что этим словом выражается горькая истина об отступлении от полноты Единой Церкви через лжеучение. Нельзя не болеть о том, что большинство мирового населения не принадлежит к Единой, Святой, Соборной Апостольской Церкви. Мы призваны проповедывать слово Божие, молиться и убеждать наших братьев, чьи отцы отказались от единого потока жизни во Христе, вернуться в Православную Церковь. Но ради самого этого возвращения их, **мы не имеем права** молчать о том, что они находятся в еретических обществах. Наша христианская любовь не позволяет отрицать факта ереси, потому что этим мы закрыли бы людям, находящимся в пагубной ереси, путь к Истине. „Дипломатичность“ в вопросах веры, бывает, затемняет суть и тем самым препятствует человеку в нахождении истинного пути. Нельзя говорить и об „изоляционизме Русской Православной Церкви“, когда её члены выступают в защиту чистого Православия. По поводу утверждаемой им „замкнутости Русской Православной Церкви в самой себе“ автор не приводит ни одного примера. Такие голословные

утверждения способствуют лишь распространению диких и необоснованных предрассудков о нашей Святой Церкви. Из них явствует предвзятое отношение автора данного документа к любому чистому Православию.

С другой стороны, анонимный автор также выступает против тех, кто переходит из „русской поместной общины Единой Вселенской Церкви“ в „юрисдикцию папы“. Автор вроде бы и не замечает, что он и ему подобные способствуют такому развитию уже тем, что создают недопустимую экклезиологическую путаницу. Понятие юрисдикции и другие вышеприведенные понятия свидетельствуют о том, что автор считает Св. Православную Церковь и римо-католическую церковь частями Единой Вселенской Церкви. Подобные высказывания встречались уже не раз даже на страницах Журнала Московской Патриархии – например, в статьях священника А. Меня. Он и его единомышленники считают, что разница между Православной Церковью и иными вероисповеданиями сводится лишь к разным видам благочестия. Так и анонимный автор пишет: „Наконец, я прямо считаю, что сведение всего многообразия Церкви к одному типу благочестия, богомыслия и организации есть обеднение и в этом смысле искажение замысла Иисуса Христа о нас“. Кто знаком хотя бы с русским и греческим видами благочестия, знает великолепно, что это совершенно разные формы благочестия. Они развились у двух православных народов. Никто не захочет свести их к „одному типу благочестия“. Но в вопросе различия между Церковью и вероисповеданиями дело отнюдь не в „типах благочестия“, а в вере и в таинствах.

Что же касается „богомыслия“, то в данном контексте это весьма расплывчатое понятие. Настоящее богомыслие, по учению Свв. Отцов, возможно только в Церкви при живом участии в Её животворных таинствах. „Организация“ Церкви основана Самим Спасителем и Его свв. Учениками. И в этом вопросе представители „вероисповеданий“ далеко отошли от учения Церкви – это видно, например, по экуменическому съезду в Лиме.

Характерно для автора-анонима, когда он пишет о „замысле Иисуса Христа о нас“. Замыслы имеют светские учителя, а Богочеловек Иисус Христос заботится о нас Своим Промыслом.

Дальнейшие свои размышления, в частности о братствах в Русской Православной Церкви, автор-аноним явно черпает из православных источников. Но и здесь надо ему сказать недвусмысленно, что братства с высшими духовными целями возможны только в Св. Православной Церкви, а не в каком-нибудь конгломерате.

Как мы видим по этим немногим примерам, автор статьи „Семь вопросов и ответов о Русской Православной Церкви“ совершенно не знаком с истинным учением Святой Церкви. Ему чужда мысль о Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, которую каждый православный христианин ежедневно исповедует в Символе Веры. Надеемся, что он пишет в этом духе по неведению, но что его сердце открыто для исправления. Те же, кто сознательно распространяют лжеучения, отлучают тем самым себя от Святой Церкви. Это подтверждает и анафематизм произносимый в Неделю Православия:

„Нападающим на Церковь Христову и учащим, яко она разделися на ветви, яже разнятся своим учением и жизнью, и утверждающим Церковь не сущу видимо быти, но от ветвей, расколов и иноверий соединитися имать во едино тело; и тем, иже не различают истинного священства и таинств Церкви от еретических, но учат, яко крещение и евхаристия еретиков довлеют для спасения; и тем, иже имут общение с сими еретиками, или способствуют им, или защищают их новую ересь экуменизма, мняще ю братскую любовь и единение разрозненных христиан быти; Анафема“.

Мы надеемся, что таковых не много, и усердно возносим свои смиренные молитвы ко Всевышнему, дабы он их вразумил и открыл им путь к возвращению в Православную Церковь, – Единую, Святую, Соборную и Апостольскую.

И. А. Ильин

О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ *

1

Когда окидываешь взором развитие русской духовной культуры за XIX век, то неизбежно приходишь к выводу, что из трех великих духовных потоков – религии, философии и искусства – философия стояла на самом заднем плане. Русская философия за весь XIX век не шла дальше заимствований и домашне-обывательского резонерства. Заимствовали обычно с Запада – мы имели гегельянцев, шеллингянцев, материалистов, кантианцев и т.д. – и еще на моих глазах каждый молодой философ, чувствуя свои силы созревающими, ехал в Европу, чтобы там найти себе или памятник прошлого, или, по выражению гоголевского городничего, – „если не памятник, то хотя бы просто забор“, на который он мог бы опереться, чтобы оказаться последователем какого-нибудь немецкого, французского или итальянского новоявленного мудреца.

Наряду с таким подражанием мы имели только домашне-обывательское резонерство и безответственную газетно-журнальную публицистику; безответственную в том смысле, что она писалась без обязательства **доказывать** высказанное и без строгого научно-философского суда над ней. Люди писали по самым ответственным и страшным вопросам – без руля и без ветрил – „субъектив-

*Лекция, прочитанная для русской молодежи в Риге 9 марта 1931 г. Печатается впервые. Подготовка к печати Н. Полторацкого. Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections. Copyright © 1984 by Nikolai P. Poltoratzky.

ную философию“ – „субъективную социологию“ – „субъективную религию“ – и притом иногда такую, которая с корнем менялась каждые два-три года.

Ставились неверные вопросы, которых вообще так ставить не следовало: ибо при такой постановке на них можно было дать только неверный ответ. Некоторые ответы на неверные вопросы принимались за что-то вроде откровения, с темпераментом заострялись – превращались в парадоксы, – и эти ложные решения нравились их авторам тем более, чем парадоксальнее они оказывались. Достаточно нескольких примеров для того, чтобы показать всю болезненность и уродливость этого философствования и этих воззрений, – всю вредность и пагубность этой атмосферы.

Вот Бакунин, который от любви к неверно понятой свободе, проповедует всеобщее разрушение и возлагает все свои надежды на русских каторжников и разбойников. Вот князь Кропоткин, который настолько верит в человеческую доброту, что хочет немедленно отменить всякий государственный порядок и для этого проповедует со своими последователями „пропаганду фактом“ – право анархиста заколоть любого буржуа, бросить бомбу в кафе, взорвать театр и т.д. Вот В. В. Розанов, для которого религиозное состояние души совпадает с половым возбуждением, который всю жизнь упорно проповедует и практикует сексуализацию религиозности и религиозную святость секса. А вот и его школа в публицистике, в поэзии и в литературе. Вот Бердяев, выпускающий в 1916 году книгу „Смысл творчества“, в которой проповедуется, что Бог есть существо двуполое и что человек тем ближе к Богу, чем более он подобен гермафродиту. Или Булгаков, в том же году напечатавший в журнале „Вопросы философии и психологии“ статью, в коей он давал новое откровение о Св. Троице – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой имеют общую возлюбленную Св. Софию, они по очереди истощают себя в любви к ней и она от них зачинает и родит видимый мир. Вот поэты Блок, Вяч. Иванов и другие, которые неустанно воспевают проститутку как

Пречистую Деву и прилагают эпитеты растленности к Святому.

Стоит ли перечислять весь этот музей уродливых явлений – все это богатство извращений? Указывать ли на аналогичные явления в музыке, в живописи, в нравах? Так всегда было, так всегда будет: философия, ставши безответственным и нечистым умствованием, ничего кроме растления и распада сеять не могла. Не случайно из среды этих же людей раздавались в 1915 г. голоса, что Распутин великий мистик, ведущий Россию.

Отдельно от перечисленных мною имен – по размерам художественного дарования мировой гений и титан, но по уровню своего философствования, не выходящий за пределы домашне-обывательского резонерства – стоит Лев Толстой. Ложность его проповеди и вредность его воззрений превосходит во многих отношениях все то, что сделали все остальные, взятые вместе. Его философия – слагавшаяся из сентиментального умиления и отвлеченного рассудка – выносила и выдвинула настоящий духовно-культурный нигилизм, отрицавший государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность – ради сентиментально понятой и истолкованной добродетели. Он выдвинул такое понимание добра и зла, которое религиозно сводилось к отвержению мира, а практически к непротивленчеству. И, так как это непротивленчество отвечало целому ряду склонностей и слабостей русского национального характера (на которые я указывал в одной из моих предшествующих лекций), – то это учение его получило особое значение в жизни и в судьбах русской интеллигенции.

О составе этого учения, его религиозно-философских корнях, о его аргументах и ошибках я высказался подробно в главах 9,10,11 и 12 моей книги о сопротивлении злу силой, вышедшей в 1925 году. Я не могу повторить здесь всего сказанного. Но если выразить кратко самое главное, то надо будет сказать: если русский человек для строительства России нуждается в чем-нибудь, то прежде всего и больше всего – **в воспитании волевого**

характера – в личности и в массах, в школе и в политике, в быту и в суде; если что-нибудь могло и может повредить этому делу и ослабить его в жизни, – то идеи мироотвержения, непротивленчества и аполитизма.

Религиозность, не умеющая принимать Божий мир, благословлять его и облагораживать, – есть религиозность неверная, вредоносная; в христианстве – это есть ересь; в православии – это есть ложный уклон и искажение. Религиозность, проповедующая непротивленчество, ведет человека к преданию самого себя, своего народа, и всего дела Божьего на земле в руки зла и злодеев, которые не замедлят „попирать все это ногами и, обернувшись, растерзать“ и самих непротивленцев и преданных им малых сих. Религиозность, отвергающая государственное дело (ныне тезис – „государство есть вообще изобретение диавола“ – из среды людей янк-менского исповедания), – или не ведает, что творит, или слишком хорошо знает, кому она помогает.

Ныне, после всего испытанного Россией и виденного нами, пришло время крепко, до корня, раз навсегда пересмотреть идею непротивленчества и договорить здесь все до конца. Здесь идеологическая гангрена: не справившись с нею, русские люди – нынешнего поколения и грядущих поколений – не возродят, не построят Россию.

2

Тот, кто хочет верно разрешить вопрос о сопротивлении злу силой, тот должен позаботиться прежде всего о верной **постановке** этого вопроса. Надо помнить, что неверная постановка вопроса нередко обеспечивает ложный ответ. Таковы особенно почти все дилемматические постановки вопроса, например: эта вещь или металл, или минерал – а она, может быть, растение; или: что мне делать – заняться торговлей или поступить на военную службу, – а вы, может быть, поэт по призванию. Фран-

цузская поговорка гласит: на нелепый вопрос бывает нелепый ответ. И так во всем.

Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, – не сопротивляться злу силою и, когда необходимо, то и мечом? Исследовать эту проблему надо прежде всего отложив в сторону все и всякие предрассудки – политические, партийные, идеологические, религиозные и т.д. Нельзя исследовать этот вопрос, отправляясь от того, что, например, наша партия или наша организация постановила поддерживать непротивленчество и изо всех сил компрометировать и чернить всякого, кто будет возражать (это будет не исследование, а предвзятая и злобная пропаганда, не останавливающаяся перед клеветой и инсинуацией); или что: мы боимся, как бы идеология меча не повредила коммунистам в их грандиозном мировом опыте – националисты поверят этой идеологии, устроят в России переворот и диктатуру и заставят страну виселицами. **Психологически** я могу понять, что кто-нибудь так думает и чувствует, и потому поддерживает непротивленчество – то в газетах, то в кружках, салонной клеветой и личным бойкотом. Но таким деятелям и писателям – далеко до философии и до честного философского исследования; они не коснутся и края ризы его, и их писания перед лицом мирового философского дела и русского национального дела – просто не весят.

Однако в философской постановке вопроса бывают и гораздо более тонкие ошибки, непреднамеренные и не политиканские.

Исследовать проблему о допустимости сопротивления злу посредством физического понуждения и пресечения имеет смысл лишь при наличии известных условий. Зло и добро – суть состояния душевные и духовные, внутренне, возникающие и созревающие в таинственной глубине личной души, и потому не вынудимые и не искоренимые извне; быть добрым и стать добрым можно только

свободно, по формуле: „не мешай – я сам, и не принуждай – я сам“. Зло есть злая воля и злое чувство; и лишь потом – злое внешнее дело и система злых внешних поступков. **Победить** зло значит в последней инстанции – умирить его, растворить его, преобразить его. **Победить** зло, не значит пресечь его внешние проявления или испугом, угрозой, тюрьмою удержать злую волю от внешних проявлений. Христианину это ясно уже 2000 лет; здесь нет и не может быть для него сомнений и неясностей. И тем не менее здесь-то как раз и возникает, и ставится проблема во всей её остроте и сложности.

Человек, признавший это, слишком часто видит себя поставленным перед следующими условиями, в наличии коих он должен удостовериться:

а) Во-первых, он должен удостовериться, что ему дано **подлинное зло**.

Не подобие его, не тень, не призрак; **злая воля, злое чувство, злое дело**, а не бедствие, страдание, заблуждение, слабость – ибо все это люди тоже часто называют „злом“. Налицо должна быть **злая человеческая воля**, изливающаяся во внешнем деянии. Это будет воля, направленная против **духа и его свободы**, против **живого и любовного единения людей**.

Всюду, где такая противодуховная и противолюбовная воля изливается намеренно во внешние деяния, – встает вопрос о сопротивлении злу посредством пресечения. И там, где духовное воздействие, внутреннее понуждение оказывается бессильным, и злая воля выступает в качестве внутренне-одержимой внешней силы, где она проявляется как духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, бесстыдная, безбожная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающаяся – сопротивление злу пресекающей силой, становится не **правом** человека, а его обязанностью. Это пресечение не умирит и не растворит злую волю, но или даст ей основание вернуться в себя и пересмотреть свою природу, свои мотивы и побуждения – или лишит её возможности дове-

ршать свою внутреннюю злобность, соответствующими внешними деяниями.

Толстой пытался обосновать свое непротивленчество тем, что истолковывал наличное зло как недуг, заблуждение, слабость, случайное падение. Этим он не разрешал основную проблему, а **снял** её; он не отвечал на вопрос, а скрыто уклонялся от ответа на него. У него выходило так: **Вопрос** – следует ли мне бороться со злом посредством физического пресечения, если зла нет, а то, что кажется злом, есть страдание и слабость? **Ответ** – конечно нет, не следует. Но ведь это же есть мнимый ответ на неверный вопрос, который к тому же сам себя упраздняет.

б) Вторым условием правильной постановки вопроса является наличие **верного восприятия** зла, восприятия, не переходящего в его **приятие** и **одобрение**.

Пока зло никем не воспринято, пока ни одна душа не увидела внешнего деяния и не прозрела в скрытую за ним и осуществившуюся в нем злобу, – никто не имеет ни основания, ни повода ставить и разрешать наш основной вопрос. Именно поэтому многие люди, заранее тяготясь предчувствуемой необходимостью ответа – **отвертываются** от зла и предпочитают **не видеть** его: они то уклоняются от сообщаемых сведений; то начинают делать натяжки, чтобы „доброжелательно“ истолковать их; то начинают ссылаться на непозволительность судить ближнего; то начинают исповедовать и проповедовать, что зло вообще не присуще людям. Именно так делал и советовал делать Толстой и отчасти Кропоткин.

Понятно, что отвернувшийся человек, не видящий, не воспринимающий, не испытывающий, не может разрешить проблему, – ибо он погашает её **в себе самом**, он освобождает себя от её бремени, притупляет её остроту и мучительность, а самого себя лишает права участвовать в её обсуждении. И вследствие этого – все суждения его оказываются некомпетентными, как, например, суждения слепорожденного о цветах или дальтониста об оттенках не различаемых им красок.

Надо увидеть **реальное зло** – без этого нет компетентного вопроса и ответа. Но кто воспринял и испытал его; кто получил и унес в себе его дьявольские ожоги; кто не отвернулся, но погрузил свой взор в зрак сатаны; кто позволил образу зла подлинно и верно отобразиться в себе и вынес это не заразившись; кто **воспринял** зло, но не **принял** зла, – тот заключил в своем духовном опыте его природу – и приобрел **силу видения** и **обязанность** судить.

У Толстого же выходило так: следует ли мне бороться со злом посредством внешнего сопротивления, если я не вижу зла, и не знаю в чем именно оно состоит – и бывает ли оно вообще и, если бывает, то есть ли оно сейчас и где именно? Я отвернулся – не воспринимаю, не сужу, не хочу видеть и не буду судить. Ответ один: пока не видишь и не находишь – конечно, **не** следует. Но какую же цену имеет такой успокоительный ответ на вопрос наивного ребенка или взрослого, сознательно организуя себе наивность?

в) Третьим условием правильной постановки проблемы является **подлинная любовь к добру** в вопрошающей и решающей душе. Проблема наша не только теоретическая, но практическая. Она предполагает, что человек не только воспринимает поступки других, но связывается с ними живым отношением, оценивает, одобряет, предпочитает, выбирает и соединяет с избранным и предпочтенным свои радость и горе, жизнь и судьбу. Здесь мало воспринимать, – тут надо любить и вступать в живое общение; мало мыслить – надо искренно и подлинно чувствовать; мало констатировать – надо радоваться и негодовать. Человек, **безразлично** относящийся к судьбам добра и зла; индифферент, не различающий и ничего не любящий, – не сумеет ни поставить вопроса, ни разрешить его. Вся проблема открывается только тому, кто берет её главным, центральным чувствилищем своей души – из главного и по главному, для кого вопрос о победе добра над злом есть вопрос его личного бытия и небытия. Подлинное сопротивление злу ставит человека перед вопросом о жизни и смерти; требует от него ответа

– стоит ли ему жить при наличии победы зла, и как именно он будет жить для того, чтобы этой победы не было. Если торжество насилия, кощунственной противодуховности и озлобленного мучительства – не душит человека, не гасит свет в его очах – то это значит, что он не чувствует нашу проблему и не имеет почвы для её верного разрешения.

Проблема наша формулируется так: „что следует делать тому, кто любит стихию духа, свободы и любви и, вот, присутствует при её намеренном опорочении, извращении и угашении?“ Компетентен ли нелюбящий судить о трагедии нелюбимого предмета? Что может сказать холодный и теплый тому, кто горением души – на жизнь и на смерть – приемлет дело Божие на земле? Имеет ли смысл допытываться у безразличного, что он будет делать, если увидит гибель того, к чему он безразличен?

Вот почему, когда духовный нигилист, отрицающий родину, национальную культуру, науку, искусство, Церковь, – как делал Толстой, – ставит проблему о сопротивлении злу, то он **снимает** самую проблему и дает ей мнимое разрешение. Он ставит вопрос так: „следует ли мне сопротивляться злу пресечением, если действие зла ничему не вредит, или вредит только неценному, нелюбимому, такому, что на самом деле не заслуживает ни обороны, ни поддержки и к чему следует относиться безразлично?“ Ответ один: **нет**, не следует. Но какое же значение имеет этот расчетливо-верный ответ на испуганно-отрекающийся вопрос?

г) Четвертым условием верной постановки вопроса является наличие **волевого отношения к мировому процессу** в спрашивающей и отвечающей душе.

Здесь нужна не только и не просто любовь к тому, что оказывается под угрозой и ударом, но еще и способность к **волевому действию** и притом к волевому действию не только в пределах собственной личности, как у аскета, но и **за** её пределами – в отношении к другим людям, к их злой деятельности и к тому мировому историческому про-

цессу, в который они включены. Этот процесс есть великая борьба, в которой живой и здоровый дух уже участвует и не может не участвовать: он не может не любить, не решать и не напрягаться, содействуя одному и препятствуя другому.

Нелепо спрашивать, что следует делать в этой борьбе человеку, органически безвольному (если бы таковой был возможен), или человеку, обрекающему себя на искусственное безволие. Человек, сознательно извлекающий свою волю из участия во внешнем мире, или удерживающий свою волю от влияния на других людей, – не имеет основания ставить нашу проблему. Потому, что он с самого начала угадает или отводит в себе ту душевную способность (волю) и то духовное направление (на чужую волю), которые только и могут осмыслить эту проблему. Такому человеку и не стоит ставить весь вопрос, потому что он для него не существует; ему не стоит и решать его, потому что он уже предрешен для него, и притом в отрицательном смысле. Если он хочет быть последовательным – то пусть воздержится от обсуждения и суждения по этому вопросу.

Толстой тяготел к мироотвержению, он склонялся к воззрению Афинагора – презирай мир и помышляй о смерти; он извлекал свою волю из путей и судеб человечества и советовал делать то же самое и другим. Тогда вопрос слагался так: „следует ли мне бороться со злом посредством внешнего воздействия и пресечения – если воля моя мертва для всего внешнего и права в этой своей мертвости, если она не имеет никаких целей и заданий вне моей собственной души и не призвана ни к чему внешнему?“ Ответ ясен: нет, не следует. Но ведь ясно также, что вопрос убит самою постановкою, и что мертвый ответ уже заложен в мертвом вопросе.

д) Наконец, в-пятых, – проблема сопротивления злу внешним пресечением действительно возникает и верно ставится только при том условии, если у человека отсутствуют внутренние мотивы воздержаться от злодеяния и внешние уговоры оказываются бессильными.

Физическое воздействие должно испытываться как необходимое, т.е. как практически единственно действительное средство при данном стечении обстоятельств.

Самая сущность проблемы в том, что человеку практически даются всего **две** возможности, всего **два** исхода: или потакающее злу бездействие, или физическое сопротивление. В первом случае он прекращает борьбу совсем и отходит в сторону (моя хата с краю) или же он продолжает применять лицемерно то средство, которое заведомо обречено на неудачу. Мечет бисер перед свиньями, надеясь, что ему как-нибудь удастся не быть растерзанным – может быть прямо надеясь на то, что в роковой час он сошлется на то, что ведь он не сопротивлялся, а лишь кротко метал бисер. Во втором случае – он решается приступить к внешнему воздействию и вступает в пресекающую борьбу. Тот, кто выдвигает при этом третий исход – именно, что буйствующий сам постепенно опомнится, надо только дать ему волю и не мешать его насилию; или он будет буйствовать, а мы будем его уговаривать, – тот не разрешает проблему, а угашает её: он доказывает **ненужность** внешнего пресечения; а проблема начинается там, где оно становится **единственным и необходимым** средством.

Так ставил вопрос и Толстой: „следует ли мне бороться со злом посредством пресечения, если столь же действительны или еще гораздо более действительны ласка, уговоры, доказательства, или обращение к стыду и совести?“ Ответ ясен: конечно, не следует. Но ведь этот ответ не относится к нашему вопросу: нужна ли операция, если она не нужна? Этот ответ – игнорирует трагическую глубину той дилеммы, о которой вопрос умолчал.

Такова верная постановка вопроса.

Было время, когда наши философы и публицисты, мирно укрытые под сенью русской государственности, огражденные русской национальной властью – министрами, армией, полицией и судом – подходили к разрешению нашей проблемы, избавив себя от этих основных условий: не из опыта зла; не из предметной любви и

воли; наивно идеализируя человеческую природу и умиляясь на эту собственную идеализацию: если я такой милый и хороший, что вижу во всех одну доброту, то наверное и все такие же милые и хорошие и видят во всех одну доброту.

Толстой иногда прямо спрашивал: „да где же это они такие особенные злодеи, которых надо арестовывать, наказывать и судить, – их нет“. А если их нет – то насильники не они, а те, кто арестовывают, наказывают и судят. Буквально: „признание необходимости сопротивления злу насилем – есть не что иное, как только оправдание людьми своих привычных, излюбленных пороков: мести, корысти, зависти, честолюбия, властолюбия, гордости, трусости, злости“. И еще: „сенатор, министр, монарх – гаже и хуже палача и шпиона, ибо прикрываются лицемерием“. Или еще: „Злые всегда властвуют над добрыми и всегда насилуют их“.

История уже произнесла свой суд над этим воззрением. Она дала нам опыт зла в невиданном масштабе. **Отвертывайтесь от него, если можете.** Она заострила нашу проблему до неслыханной, непредставимой степени, – **смягчайте, замазывайте эту остроту, если смеее.** Она показала нам, что история – не идиллия, и не экосез, и не водевиль, а **трагедия**, требующая зоркости, воли и поступков. И никакие силы не снимут с нашей души этого видения, этого бремени и этой ответственности. Нет криводушия и празднословия, которые могли бы усыпить русскую совесть и русскую честь. Мало того: **общечеловеческую честь и совесть.** Властною рукою истории вопрос поставлен верно, точно и неумолимо. Смеем ли мы молчать об этом? Нет, не смеем! И если мы умолкнем – то вот возопили уже камни!

3

Когда в 1925 году, выносив в себе нашу проблему на протяжении 20 лет, потрясенный и подкрепленный трагедией нашего крушения и ходом русской революции, я

опубликовал мою книгу „О сопротивлении злу силою“ – скажу не обинуясь, научное исследование, честное и прямое, – случилось то, что я предвидел заранее.

Русская зарубежная публицистика – та самая, о которой я говорил в начале первого часа лекции, – подняла на мою книгу целое гонение. Из города в город нашего рассеяния – из Праги в Париж, из Парижа в Берлин и Ригу, и даже в Иерусалим – люди списывались, сговаривались и выступали устно и печатно против моей работы и против меня лично. Бердяев, Зеньковский, Гиппиус, Чернов, Степун, Демидов, Милюков, Айхенвальд – и еще анонимы и псевдонимы – пытались изобразить меня кровожадным погромщиком, софистом насилия, неслыханным гордецом, Торквемадою. Госпожа Гиппиус договорилась до того, что я помешанный, помешательство которого вот-вот будет констатировано врачами; другой публицист договорился до того, что я по-карамазовски сладострастно сюсюкаю при виде крови.

Признаюсь, что я прочел не все эти литературные эксцессы, и отвечал лишь два раза суммарно – не для врагов, а для друзей. Однако все, что я прочел, свидетельствовало о том, что **ни один** из возражавших не читал моего исследования. Это был просто *mot d'ordre*, данный из определенных, мне известных центров: идеология Ильина должна быть скомпрометирована, ибо она грозит такими политическими группировками и такими лозунгами, которые сведутся к казням и погромам. Эту агитацию я предвидел заранее и был готов к ней. Она психологически понятна. Но именно она-то и дает мне основание сказать, что книгу мою я писал не столько для моих современников, потрясенных, ослепленных и перепуганных русским крушением, сколько для молодых поколений России. Я знал и знаю, что они придут, и может быть, уже пришли, – люди со спокойною совестью, – ибо они не повинны в русском крушении; люди с несомненной волею, с неисчерпаемой верою в Россию и с неутолимою любовью к ней. Они увидят, уразумеют и решат многое. Для них я написал мое исследование, им я

пытался показать верное, христиански-православно верное, и философски доказательное решение вопроса. И они увидят то, что в моей работе просмотрели мои эмигрантские критики, просмотрели потому, что ими владели политические страхи и интеллигентские предрассудки. И вот об этом, просмотренном, я бы хотел сказать вам на прощание несколько слов.

Именно, – утвердив и показав, что человечеству нельзя жить без государственно-организованного понуждения и пресечения, – я считал и считаю необходимым договорить, что угроза, тюрьма и казнь **не суть средства святые и праведные**; что они не преображают злой воли; что они допустимы только тогда, когда по совести считаются необходимыми и единственно целесообразными; и наконец, что душа человека, прибегающего к ним, должна постоянно заботиться о своем внутреннем, духовном очищении.

Отвергающие путь меча настаивают на том, что путь меча есть несправедливый путь. Это верно – в смысле абсолютной нравственной оценки; это неверно – в смысле указания практического исхода. Понятна **мечта** о том, чтобы для нравственно-совершенного человека не было неодолимых препятствий в чисто духовном поборании зла, так чтобы он мог остановить и преобразить всякого злодея одним своим взглядом, словом и движением. Эта мечта понятна: она есть отображение двух скрестившихся идей – идеи богоподобия нравственно-совершенного человека, и идеи всемогущества Божия; она как бы ссылается на то, что истинно добродетельный человек приближается к божественному совершенству, от которого увеличивается его духовное могущество, так, что перед этим духовным могуществом злодею становится все труднее устоять. Это – благородная, но наивная мечта. И несостоятельность её обнаруживается тотчас же, как только её пытаются превратить в универсальное правило поведения. Эта мечта несостоятельна **духовно** потому, что обращение и преображение злодея должно быть его личным, самостоятельным актом, пламенем его

личной свободы, а не отблеском чужого совершенства, и если бы это могло быть иначе, то он давно уже преобразился бы от дыхания уст Божиих. Эта мечта несостоятельна и **исторически**: духовная сила праведника имеет свой предел перед лицом сущего злодейства. И казалось бы, что именно христианину не подобало бы переоценивать эту мечту, имея перед глазами образы многого множества святых, замученных не обратившимися и не преобразившимися злодеями...

Путь меча есть несправедный путь; но кто же этот человек, который пугается этой несправедности, объявляет её „злодейством“ и бежит от нее? Это тот самый человек, который в течение всей своей жизни не только мирился со всевозможною несправедностью, поскольку она ему была „нужна“ или „полезна“, но и ныне постоянно грешит со спокойною душой, грешит „в свою пользу“ и даже не вспоминает об этом. И вдруг, когда необходимо принять на себя бремя государственности, служение, которое по глубокому слову Петра Великого, есть подлинно „дело Божие“ и потому не терпит „небрежения“, – тогда он вспоминает о том, что он непременно должен быть безгрешным праведником, пугается, аффектированно объявляет эту несправедность „грехом“ и показывает себя „в нетях“...

Да, путь меча есть несправедный путь; но нет такого духовного закона, что идущий **через** несправедность идет **ко греху**... Если было бы так, то **все** люди, как постоянно идущие через несправедность и даже через грех, были бы обречены на безысходную гибель, ибо грех нагромождался бы на грех и неодолимое бремя его тянуло бы человека в бездну. Нет, жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в несправедность, идя **через** нее, но не **к** ней, вступая **в** нее, чтобы уйти **из** нее.

Да, путь силы и меча не есть праведный путь. Но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, который уже раскрыт выше, как путь предательства слабых, соучастия со злодеем, „сови-

новности“ с пресекающим и, в довершение, – наивно-лицемерного самодовольства? Конечно, этот путь имеет более „спокойную“, более „приличную“, менее кровавую внешнюю видимость, но только легкомыслие и злая тупость могут не чувствовать, какой ценою оплачены это „спокойствие“ и это „приличие“.

Тот, кто перед лицом агрессивного злодейства требует „идеального“, по своему совершенству, нравственного исхода и не приемлет никакого иного, тот не понимает основной жизненной трагедии: она состоит в том, что из этой ситуации **нет идеального исхода**. Уже простая наличность противолюбовной и противодуховной ожесточенной воли в душе другого человека – делает такой безусловно-праведный исход до крайности затруднительным и проблематичным: ибо как не судить и не осудить? как выйти из полноты любви и не возмутиться духом? как не оторваться и не противостоять? Но при наличности подлинного зла, изливающегося во **внешние злые деяния**, идеально-праведный исход становится **мнимым, ложным** заданием. Этого исхода нет и быть его не может, ибо дилемма, встающая перед человеком, не оставляет для него места. Она формулирует то великое столкновение между **духовным призванием** человека и его **нравственным совершенством**, которое всегда преследует человека в условиях его земной жизни. Божие дело должно быть **свободно** узрено и добровольно принято каждым из нас; но мало утвердить себя в служении ему, надо быть еще сильным **в обороне его**. Всегда возможно, что найдутся люди, может быть – кадры, союзы, организации людей, – которые „свободно“ отвергнув Божие дело, утвердятся в противоположном и поведут нападение. И вот, злодей, поправший духовное призвание человека и понуждающий к тому же других людей, ставит каждого, прижавшего Божие дело, перед дилеммой: предать дело Божие и изменить своему духовному и религиозному призванию, соблюдая свою „праведность“; или пребыть верным Богу и призванию, избирая и осуществляя несправедный путь. Из этого положения нет

праведного исхода: ибо предающий дело Божие и изменяющий своему духовному призванию – только по недомыслию может считать свой исход праведным. И это отсутствие нравственно-совершенного образа действий перед лицом наступающего злодея – необходимо понять и продумать до конца.

При объективном отсутствии праведного исхода самая проблема его оказывается ложною и самое искание его становится безнадежным делом, за безнадежностью которого иногда с успехом укрывается робость и криводушие. Напротив, мужество и честность требуют здесь открытого приятия **духовного компромисса**.

Если в повседневной жизни и в обычном словоупотреблении компромисс состоит в расчетливой уступке человека, блюдущего свой личный (или групповой) интерес и надеющегося, что меньшая жертва спасет большую выгоду, – то устанавливаемый нами **духовный компромисс** совершается не в личном интересе и не стремится спасти никакую выгоду. Это есть **бескорыстное приятие своей личной неправедности в борьбе со злодеем**, как врагом Божьего дела. Тот, кто приемлет духовный компромисс, думает не о себе, а о Предмете; и если думает о себе, то не в меру своего житейского интереса, а в меру своего духовного и нравственного напряжения; и если думает все-таки о себе, то меньше чем тот, кто, укрываясь дрожит над своей мнимой праведностью. Компромисс меченосца состоит в том, что он **сознательно и добровольно** приемлет **волею нравственно-неправедный** исход как духовно-необходимый; и если всякое отступление от нравственного совершенства есть неправедность, то он берет на себя **неправедность**; и если всякое сознательное, добровольное допущение неправедности волею – создает вину, то он приемлет и **вину** своего решения. Если ему, до того, было доступно величайшее счастье – жить, приближаясь к требованиям совести, то теперь он отказывает себе в этом счастье, как в невозможном. Перед лицом сущего злодея совесть зовет человека к таким свершениям, которые доступны только Божеству и Его всемо

гуществу, и для которых ни мысль, ни язык человека не имеют ни понятий, ни слов. Эти свершения, если бы они были возможны, отрицали бы самый способ разъединенного бытия, присущий людям на земле, и предполагали бы возможность того, чтобы праведник, оставаясь собою, вошел в душу злодея и стал бы им, злодеем, не становясь им до конца, для того, чтобы в нем перестать быть злодеем и выйти из него, обратив его в праведника... Но эти свершения по силам не человеку, а Богу; и мечтание о них остается на земле практически бесплодным.

Перед лицом этой невозможности, сопротивляющийся должен решиться на духовно необходимый, хотя и неправедный путь. Он должен принять наличную нравственную безвыходность и изжить её чувством, волею, мыслью, словом и поступком. Желая блага, преданный благу, он видит себя вынужденным во имя своей религиозно-верной цели – взять на себя неправедность и, может быть, вину и как бы отойти от блага; и притом с полным сознанием того, что он свершает. Положение его является **нравственно-трагическим** и понятно, что выход из него оказывается по-плечу только сильным людям. Но сильный человек утверждает свою силу именно тем, что не бежит от конфликта в мнимо-добродетельную пассивность, и не закрывает себе глаза на его трагическую природу, впадая от малодушия в криводушие; сильный человек видит трагичность своего положения и идет ей навстречу, чтобы войти в нее и изжить её. Он берет на себя неправедность, но не для себя, а во имя Божиего дела. И то, что он делает в этой борьбе, является его собственным поступком, его собственной деятельностью, которую он и не думает приписывать Богу. Это есть его **человеческий** исход, который он сам осознает, как духовный компромисс, и который есть в то же время его **подвиг**: ибо это есть великое, предметное напряжение его, ведущей борьбу за благо, воли. Подвиг здесь не только в ведении самой борьбы, но и в том духовном напряжении, которое необходимо для открытого и выдержанного **приятия** возможной **вины**. Напряжение духа нужно здесь

не только для того, чтобы убить злодея, но и для того, чтобы вынести свой поступок и пронести через жизнь совершённое дело, не роняя своего поступка малодушным отречением от его необходимости, но и не идеализируя его нравственного содержания.

Трагедия зла и борьбы с ним разрешается именно через приятие и осуществление этого **подвига**. И самый подвиг оказывается тем выше, чем живее в совершающем его остается способность освещать его лучом Божественного совершенства. Надо видеть не только необходимость своего напряжения и делания, но и ту человеческую безвыходность, которая его породила. Нужен не целесообразный психический **механизм** меча, но духовный **организм**, зрячий в своем решении и сильный до того, чтобы вынести эту зрячьсть: чтобы не только совершить поступок, но и осветить его потом Божиим лучом; и, увидев несправедность его, снова увидеть его духовную необходимость, и снова свершить его, в меру этой необходимости; и принять все это не из личных побуждений, а в религиозном порядке.

Борьба со злом требует всегда **героизма**. Не только тогда, когда она ведется в форме внутренних усилий, воспитывающих человека и взращивающих его духовные крылья; но и тогда, когда она ведется в форме понуждающего и пресекающего меча. Героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страданий, но и в том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях для ограждения своего личного духовного Кремля: ибо его героизм есть **героизм сознательно и убежденно принятой несправедности**. Мало того: человек, берущийся за меч, в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он **подъемлет этим бремя мира**. Поставленный перед основной трагической дилеммой, не оставляющей для него нравственного исхода, он **религиозно** приемлет эту безвыходность; и избирая наименее несправедный и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь как **свою судьбу**.

Религиозное приятие своей судьбы есть тот основной героизм, к которому призван каждый из людей; не к приятию судьбы в смысле квиетизма, или детерминизма, или безволия, или фатализма: но к **волевому, жизненно-деятельному и религиозно-преданному** приятию, которое созерцает жизнь как **служение**, освещает её лучом **призвания** и вливает **всю личную силу** в религиозное служение этому религиозному призванию. Судьба человека в том, чтобы в жизни на земле иметь дело с буйством неуговоримого зла. Уклониться от этой судьбы нельзя; есть только две возможности: или недостойно отвернуться от нее и недостойно изживать её в слепоте и малодушии; или же достойно принять её, осмысливая это принятие как служение и оставаясь верным своему призванию. Но это и значит принять меч во имя Божьего дела.

В этом приятии своей судьбы и меча человек „полагает свою душу“ – но утверждает свой **дух** и его достоинство. Он полагает свою душу не только в том низшем смысле, что соглашается отдать свою земную жизнь в борьбе со злодеем; но еще и в том высшем смысле, что берет на себя совершение дел, бремя которых он потом несет, быть может, через всю жизнь, содрогаясь и отвращаясь при непосредственном воспоминании о них. Он принимает не только **бремя смерти**, но и **бремя убийства**; и в бремени убийства, не только тягостность самого акта, но и тягость решения, ответственности и может быть вины. Его духовная судьба ведет его к мечу; он принимает её; и **меч становится его судьбой**. И в этом исходе, в этом героическом разрешении основной трагической дилеммы – он не праведен, но **прав**.

Христос учил не мечу; Он учил любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил он меча, ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела. И уже первые ученики его, Апостолы Петр и Павел (Петра, II, 13-17; Римл., XIII, 1-7) раскрыли положительный смысл этого неосуждения. Правда, Апостолам было дано указание, что меч не их дело и что „все, взявшие меч, мечом

погибнут“ (Мтф. XXVI, 52); и воинствующей обороны для Себя – Христос не восхотел; но именно в этом отказе от обороны, и в вопросе об уплате подати (Мтф. XXII, 17-21; Мрк. XII, 14-17), и в разговоре с Пилатом (Иоанна, XVIII, 33-38; XIX, 9-11), веет тот дух свободной, царственной лояльности, который позднее утверждали Апостолы и который не постигли и утратили в дальнейшем такие миро-отрицатели, как Афинагор, Тертуллиан и другие. И вот, **земная гибель** от взятого меча остается высшею Евангельскою „карою“, предначинанной для меченосца.

Христос учил любви; но именно любовь подымлет многое: и жертву неправедности, и жертву жизни. Да, взявшие меч погибают от меча, но именно любовь может побудить человека принять и эту гибель. Взявший меч готов убить, но он должен быть готов к тому, что убьют его самого: вот почему приятие меча есть приятие смерти, и тот, кто боится смерти, тот не должен браться за меч. Однако в любви не только отпадает страх смерти, но открываются те основы и побуждения, которые ведут к мечу. Смерть есть не только „кара“, заложенная в самом мече, она есть еще и живая **мера** для приемлемости меча. Ибо браться за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле. Бессмысленно браться за меч тому, кто не знает и не имеет в мире ничего выше самого себя и своей личной жизни: ибо ему вернее бросить меч и спастись, хотя бы ценою предательства и унижительной покорности злодеям. Но за Божие дело, – в себе самом, в других, и в мире, – имеет смысл идти на смерть. Ибо умирающий за него – отдает меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие. И именно в этой отдаче, именно этою отдачею он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным, ибо себе, человеку, он придает достоинство Божьего слуги. Вот в каком смысле смерть есть мера для приемлемости меча.

Весь этот раскрытый и утверждаемый нами духовный компромисс неизбежен для человека в его земной жизни. К нему не сводится, но на нем в последней инстанции покоится начало внешне понуждающей государственности: государственное дело совершенно не сводимо к мечу, но меч есть его последняя и необходимая опора. Тот, кто не признает меча, тот разрушает государство; но напрасно он думает, что он избавляет себя этим от компромисса: ибо он только предпочитает безвольный, трусливый, предательский и лицемерный компромисс – компромиссу волевому, мужественному, самоотверженному и честному. Меч, как символ человеческого разъединения на жизнь и смерть, не есть, конечно, „нравственно лучшее“ в отношении человека к человеку. Но это „нравственно нелучшее“ – духовно необходимо в жизни людей. Не всякий способен взяться за меч, и бороться им, и остаться в этой борьбе на духовной высоте. Для этого нужны не худшие люди, а **лучшие**, люди сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча...

Так складывается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно **лучшие люди** призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями, – вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу **нелучшими** средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным. Вести государственную борьбу со злодеями – есть дело необходимое и духовно верное; но пути и средства этой борьбы могут быть и бывают вынужденно-неправедные. И вот, только лучшие люди способны вынести эту неправедность, не заражаясь ею; найти и соблюсти в ней должную меру; помнить о её неправедности и о её духовной опасности; и найти для нее личные и общественные противоядия. Счастливы в сравнении с государственными правителями – монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а бла-

годарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение: ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед грехом оказался бы сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна.

В одном из своих писем св. Амвросий Медиоланский рассказывает о той печали, которая охватывает ангелов, когда им приходится покидать блаженство горнего созерцания, с его покоем и чистотою, и слетать по повелению Божию на землю, принося злодеям суд и кару, и огонь Божьего гнева; безрадостно и скорбно благому существу выходить из плеромы, обращаться к злу и воздавать ему по справедливости... И вот, в этом образе каждый благородный носитель власти и меча должен найти для себя утешение и источник силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятно, что такой исход требует прежде всего и больше всего **целостного характера**. И снова, снова спрашиваю я: что есть характер? И отвечаю: это органическое единство личности – её духа и её инстинкта; это непререкаемый авторитет внутренней святости; это власть над собой и своею страстью.

И эту силу характера вы, русская молодежь, приобретаете, закаляемые страданиями – и здесь, в зарубежье, и там, в подъярмии. Этого требует Россия. В борьбе за родину – вам нельзя внутренне двоиться, разлагаться и путаться в ногах у самих себя; нельзя тянуть и к лесу, и к бесу; нельзя смотреть на все с разных, условных точек зрения и проповедовать, что все относительно; нельзя криво ставить роковые вопросы и давать на них кривые ответы; нельзя отделять **свою** судьбу от судьбы Родины. Одно надо помнить: Россия поругана, гаснут Божьи огни на её алтарях, владеют ею нечестивцы, стремящиеся стереть русский дух с лица земли.

Не стоит любить от бесхарактерности, от безволия, слабости и робости; любить из безволия и долюбливаться до сентиментального расслабления. Учитесь христианской любви – у Преподобного Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского; и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей. Помните: в любви нужна не только му́ка за другого, но и гроза на него; ибо настоящая любовь видит в человеке не только стонущую животность, а ангельский зрак; и знает, что падшему ангелу подобает не сентиментальное сочувствие, а огненный меч.

Где-то в премудрых решениях Творца предначертано нам, русским изгнанникам, обрести нашу чудесную родину через отрыв от нее. И время, отведенное нам, мы должны проводить не в слезах слабости, и не в горделивых фантазиях, а в личной и совместной подготовке к грядущей работе.

Мы должны учиться **грозной любви и гибкой борьбе**. Мы должны быть твердо уверены в нашей победе, ибо за нами **правота** и сила воли. За нами история России, за нас её святыни, за нас пробуждающийся инстинкт национального самосохранения.

Но первое, первое, чему мы должны научиться: честно исследовать все роковые вопросы перед лицом Божиим – и честно выговаривать добытые решения.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Е. Пашнин

ИСПОВЕДЬ

Тьма ласкала еще сон людей, а цепочка богомольцев уже потянулась к церкви. Мое внимание привлек выворачивающий нутро кашель. Конечно же, это был он, Иван Петрович Солодухин, проведенный в заключении не один десяток лет. Я ускорил шаги и поспешил к сгорбленной фигуре, идущей колыхаясь в предрассветную мглу. Мне показалось, что Иван Петрович еще сильнее прижался к земле, согнулся круче, как бы придавленный тяжелой ношей. Знатоки говорят, если ударить камнем о железную болванку, случится великий грохот. Солодухин произвел сшибку с государственным аппаратом. Шуму не произошло, аппарат усилился дополнительными карательными институтами, а Солодухин: „Эх, Иван Петрович, Иван Петрович! Эко тебя, голубчика, пришибло к земле! Эко прижало, придавило!“

— Привет!

Солодухин что-то невнятно произнес в ответ на мое приветствие.

— На исповедь?

— Душу надо очистить маленько, омыться.

— Вчера я был на вечерней. Какая-то габаритная бабуса стала теснить меня назад. Я ей: „Что ты безобразничаешь? Разве так ведут себя в храме Любви?“ Что вы думаете? Она покрыла меня такой бранью, что я, закрыв уши руками, бежал от бабуси.

— Да, нынче христиане не научены закону Божию.

— Я к тому вспомнил этот случай, что он удивительно схож с так называемым русским шовинизмом и антисемитизмом. Живет русский человек верой „в Бога, Царя и Отечество“, землю пашет, любовь сеет. Даже выражение появилось такое: „Русь хлебосольная!“ В хлебосольстве этом выражена и доброта, и свет, и любовь... Но наскочила на него этакая бабуса, орет, теснит, кулаками размахивает, в морду норовит ударить и...

Жемчужин русских нет в сокровищах былых.

И в царских ризницах – порфиры драгоценной,

И в кельях схимников нет посохов святых!

Я пробовал затронуть тему антисемитизма перед несколькими людьми русской национальности и убедился, что они совершенно равнодушны к национализму, в том числе и еврейскому. Антисемитизм действительно наблюдается в державных кругах, и как любое тепличное растение, лишен естественности на русской почве. Русской душе чужды всякого рода „измы“, которые не являются продуктом её исторического, культурного и духовного развития. Они навязаны ей насильственно, как насильственно наклеивают на русского человека тысячи красочно оформленных „тикеток“, так мой знакомый называет этикетки.

Возникает естественный вопрос, почему все это удобно применяется именно к русскому? Здесь необходимо вспомнить притчу Иисуса Христа, в которой Спаситель предлагает богатому раздать имение нищим и следовать за Господом. Вот это-то имение удобно научились стяжать народы более древней национальной формации. Русский народ отличается от них тем, что не научен князем мира сего подобному стяжанию, что не прилепился душой к имению, что сама Русь...

Подожгла усадьбы и хлеба,

Разорила древние жилища,

И пошла поруганной и нищей

И рабой последнего раба...

Ты, бездомная, гулящая, хмельная

Во Христе юродивая Русь!

Совершенно иную картину наблюдаем в поведении тех, кто эту босую и юродивую нарядил в шовинистско-антисемитские трусики. Приобретя опыт социально-политических перемен, они научились стяжанию власти, научились собираться в стаи и – „только тронь!“ – угрожающий стадный оскал надежно охраняет державные интересы.

Мне понятна и близка наша любовь к подвигу святого старца Серафима. О. Чумина некогда радостно воскликнула: „И ярко сияет над Русью родною Христова учения свет“. Но этот свет Саровского старца мы видим и в „тусклом мерцании огарка в тюремном застенке“. Этот свет мы находим в расточившей имение, нагой, оплеванной, с тернием на голове Руси.

Среди паломников немало
И престарелых, и больных,
Которых горе истерзало –
Хромых, безруких и слепых.
Влечет их вера в исцеленье
Чудесной силою мощей,
Живая вера в избавленье
От всех недугов и скорбей.
Ни даль, ни труд, ни зной, ни стужи
Помехи сильной и большой
Не представляют для народа:
Толпой спешит в обитель он.
Что значат время и погода
Тому, кто верой окрылен?

Именно в этих хромах, безногих и слепых и есть Русь хлебосольная и, конечно же, этой хромой, безногой и слепой Руси не до шовинизма, не до сионизма: самой исцелиться бы, самой припасть бы к мощам! Горе – роднит, единит даже врагов. В нем нет ненависти и зла. Именно эта Русь шепчет словами Коперника, основателя современной теории мировой системы: „Не той благодати, какую получил Павел, я желаю, не той благосклонности с какою Ты относишься к Петру, но милости, какой

Ты сподобил разбойника, – о такой только милости умоляю я“.

Иван Петрович внимательно выслушал меня, хотя лицо его передергивало нетерпение.

— Что за галиматья, какую чушь несете вы, милейший!? В своих рассуждениях вы уподобляетесь человеку, который взирает на четырехугольную башню издалека, и думает, что она круглая. Иоанн Златоустый говорит, что внешняя мудрость излишня, и не только излишня, но даже враждебна и вредна. Нам учиться бы у евреев единству, слаженности, взаимовыручке, а вместо этого мы ропщем, ищем внешние причины своих несчастий: то татары виноваты, что правили нами триста лет, то немцы – с их двухсотлетием, а теперь евреи. Никто не хочет задуматься над тем, почему, собственно, татары, а не мы над татарами? Значит мы оказались в чем-то слабее. Вот и усилился, выявив через татар слабость свою. А мы, мы хотим всех и вся обвинить в нашей лени и вражде друг к другу. Мне пришлось общаться со многими евреями и я каждый раз удивлялся их развитости, взаимовыручке. Даже сравнение такое появилось. Еврей еврею: „Слушай Хаим, у Абрама много детишек, а машины нет. Давай купим ему машину!“ Русский рускому: „Иван, ты знаешь, что Никита еще не сидел? Посадим!“

Дети, видя книгу, не понимают значения написанного и не понимают того, что видят. То же бывает и со всяким человеком безграмотным; между тем знающий грамоту найдет в написанном смысл, целые жизнеописания и повествования; также, получивший письмо, безграмотный увидит только бумагу и чернила, а грамотный услышит голос отсутствующего, будет беседовать с ним, и сам посредством письма ответит ему, что угодно. То же бывает и с таинствами: неверные, слыша о них, как будто не слышат; а верующие, будучи научены Духом, понимают силу сокровенного.

Всякое большое освободительное Движение, все новое, основывается на жертвенной крови. Так, общественная жизнь на земле началась убийством Авеля Каином, вывод

евреев из Египта – убийством египтянина Моисеем. Если в основе земного нововведения лежит жертвенная кровь другого человека или группы людей, то в основе Небесного Промысла лежит Кровь Самого Бога Иисуса Христа. В этом и есть существенное отличие телесного от духовного: телесное ищет жертвы другого, духовное – жертвует собой. Приведенные мною мысли указывают на то, что нужно не роптать, а, наоборот, радоваться способности России к самопожертвованию, способности положить живот за други своя.

— Ваши слова, Иван Петрович, увязывают в моем сознании судьбу России с поведением священника Дмитрия Дудко, который как бы перед экраном телевизора, покаянно бьет себя в грудь перед лицом всего мира. Когда Дмитрий Дудко был оставлен наедине с позором, я пришел к нему со словами: „Отче, ты искал славы человека, был рабом настроения толпы, уста которой кричали Спасителю: „Осанна!“ и они же вопили: „Распни!“ Мне кажется, Россия в своей оставленности и позоре умерла для мира сего и воскресла для Бога.

— Я нахожу слишком дерзким сравнивать судьбу России с поведением отдельного человека, равно как сравнивать её с американским или каким-нибудь другим политическим устройством. Людям полезно и необходимо такое государственное устройство, основанием которого является Любовь. Любовь государства как к отдельному человеку, так и ко всем подданным. Всякое государство, в действиях которого проявляется насилие над любовью – есть сила разрушительная, сила тоталитарная, сила темная, неестественная человеческой природе, поэтому-то и воздействует на эту природу насильственно. Взять к примеру Библию. Всякий образованный человек знает, Библия – есть гимн Любви, так как Бог – Любовь есть, сказал Иоанн Богослов. Всякое гонение и насилие над Библией, есть преследование Любви. Там, где выбрасывается вон Библия, там царит раздор, неустроенность, несправедливость, слезы. Христианский мир вытекает из Любви и не содержит в себе ненависти, раздора, претен-

зии на власть одного человека над другим, ибо каждый христианин считает для себя приличным быть слугой брату своему. А где любовь, там нет надобности говорить о мире и создавать денежные сборы для него. О мире говорят там, где властвует раздор, ненависть друг к другу, где друг против друга вооружаются, где... булыжник за пазухой и кукиш в кармане. Вспомним, что говорит апостол Павел: „о временах и сроках нет нужды писать вам, братия: ибо когда будут говорить: „мир и безопасность“, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут“.

— Мы живем в окружении безбожного мира и приходится считаться с поведением неверующей части населения. Вернее, неверующими назвать их нельзя, так как они, например, верят в вечный огонь у сооруженных ими памятников – огнепоклонники – в кумиры и вождей – идолопоклонники. Правильнее назвать их язычниками, потому что их поведение ярче всего раскрывается в языческих формах проявления.

— Возвращаясь к начатому разговору, скажу, что исконную Русь возможно узреть только в веригах. Если скажут, вон там она: не верьте. Она там, где страданиями изводится из тела пот кровавый, где вместо шапочки меховой, терновый венец на главе, где под хохот и визг – плевки на лице, где...

Иван Петрович внезапно замолчал, как-то сильнее пригорбился. Я поднял глаза. Около церковных ворот стоял милиционер с микрофоном переговорного устройства на груди. Мы молча проскользнули мимо представителя власти.

*

Исповедовал сегодня отец Александр, поэтому вокруг него теснилось много народа. Даже создалось две очереди, на что Иван Петрович заметил:

— Современная жизнь очевидно демонстрирует рост очередей и розничных цен.

— Да, толчея-то какая! Куда встанем?

— Давайте в эту очередь.

Рядом разговаривали две женщины.

— Захожу, значит, в продовольственный. Народу — никого, на прилавках, представь себе, яйца выставлены. Подходит к продавцу мужчина. Сколько стоит яичко? Девять копеек. Вздыхая отошел от прилавка, заворчал на дороговизну.

— Заелись нынче люди, раньше бывало...

— Пришатывается к прилавку следующий покупатель. Тычет пальцем в лежащее на прилавке яйцо. Сколько стоят этих два яйца? 25 копеек. Беру оба. Берет с прилавка яйцо, сует в карман и выкладывает 30 копеек. Сдачи не надо. Вышатывается из магазина. Продавец и сама сориентировалась, сдачи так и так не дала бы.

— Да, товары дорожают не только по распоряжению государства, но и по личной инициативе продавцов.

Кто-то грустно заметил.

— Безбожие наполнило землю хитростью, обманом, насилием. Создало такие условия существования, при которых порядочность завоевывается большим напряжением сил и получила характер подвига.

Я вернулся к волновавшей меня теме.

— Отец Дмитрий Дудко пробудил русскую душу, обратил взор её ко Христу, сделал большое и нужное дело. А что расплакался, не все могут мужественно переносить жесточайший режим пыточных тюрем. Отец Дмитрий ушел в раскаяние, но те-то, разбуженные и приведенные, те-то остались на дороге возрождения. Они-то продолжают идти в Свет Преображения. В Дмитриии Дудко ярко олицетворилась падшая, кающаяся Россия, которую врата адавы не одолеют.

Иван Петрович поморщился, как от зубной боли и ничего не ответил на мои слова. Это разозлило меня, и я попробовал подойти к нему с другой стороны.

— Рюриковичи явились в истории Руси теми светильниками, теми носителями восточной христианской культуры, из которой сложилась русская душа. Романовы

дунули на рюриковский светильник, загасили его, и... распахнули окно в Европу, ввергнув Россию в нынешнее её состояние. Николай I и Николай II уже бессильны были запахнуть створки распахнутого окна, через которое по Руси стремительно разливалась ересь, безбожие с его идеями и идейками, католицизм с его социальными иллюзиями. Ф. М. Достоевский в Дневнике писателя за 1877 год пишет: идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях. Давайте рассмотрим участь наций, сложившихся на католицизме: в массе своей католическая религия этих народов выродилась в социалистические идеи, которые, по словам Достоевского, составили в этих нациях верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей. Время показывает нам, что католичество пытается объединить людей не путем любви, а посредством крестовых походов и французской резни, то есть **насильственно**. Лучший образец такого единения Франция, закрывавшая не раз свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировке собрания самого Бога, развившая идеи 83 года: устройство человеческого общества без Христа и вне Христа.

— А как же папа Иоанн-Павел второй?

— Осужденная и ждущая. Я недавно был в больнице и видал там умирающего. Он, вероятно, сознавал, что непременно умрет и ждал смерти. Но как ждал?! Скандально. Поминутно вызывал к себе медсестру, требовал врача (он заплатил врачу перед операцией двести рублей и потому ему особенно раздражительно было уходить на тот свет без денег, а тут еще сосед по койке ехидно подковыривал: „Аукнулись твои денежки, от смерти откупиться хотел“). Так вот, днем он спал, ночью капризничал, будил всех шумом, устрашал ужасом смерти. Католичество, по-моему, похоже на этого больного: беспокоит человечество своими социалистическо-атеистическими идеями. Мне возразят: а вы, православные, чем отличаетесь от католиков? Или у вас нет беспорядков, нет наси-

лия? Есть. Поэтому-то мы так усердно каемся и постимся. Да и сами-то эти беспорядки и насилия идут не из нашей евангельской любви, не из души нашей. Взять, например, Троице-Сергиеву лавру в Загорске. Там, рассказывают, настоятель архимандрит Евсевий распорядился изгонять плачущих младенцев из храмов. И вот, этих **первомучеников** Христовых, из уст которых устроена хвала Господу, которых Иисус Христос **благословил** приходить к Нему и призвал нас подражать детям, распорядители храма энергично выталкивают вон. Получается, что в образе младенцев вон выталкивают Царство Небесное. Определяя лицо мира сего, Господь Иисус Христос сказал: Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков. Если Меня гнали, будут гнать и вас. Так Господь показал: **лицо церкви – агнец, лицо мира сего – волк**. Вот и получается, что Евсевий вознамерился изгнать из храма Агнца и вселить в него волка. История христианской церкви знает множество примеров гонения на христиан, но чтобы Православная Церковь выступала в роли гонителя?!

— А раскол, а ИПЦ?

— Что раскол и ИПЦ?! Здесь столкнулись государственные интересы, внутреннее спокойствие.

— Может быть и поведением архимандрита Евсевия движет внутрив храмовое спокойствие, порядок?

— Для этого существует нравственно-назидательная проповедь, а не насилие. Где есть насилие, там нет Бога, ибо Бог не участвует в зле. Да, у нас наблюдаются беспорядки и насилие. Но эти беспорядки, это насилие исходят от ума, а не из души.

Иван Петрович отсутствующе посмотрел в окно. По двору прохаживался милиционер с переговорным устройством. Сквозь губы Солодухина прорвалось наконец.

— Это ужасно, когда в руки невежества суют ломик. Эх ты, Русь, Русь ломовая! А созидать кому? Кому, спрашиваю, созидать?

Солодухин холодно посмотрел мне в глаза, потом более спокойно продолжал.

— Шла по лесу Красная Шапочка. Песни пела, камушки собирала, ягодки. Вдруг, навстречу Серый Волк. Красная Шапочка не растерялась. Сорвала с головы шапку Красную: „На, ешь!“ Волк: „На хрена мне шапка твоя Красная. Ты мне дорогу покажи, из леса выбраться как!“ Рассмеялась Красная Шапочка... Достоевский подавленно шагал из угла в угол мрачной Петропавловской камеры. Подошел к зарешеченному окну. Грузная идея давила на мозг. Глаза машинально скользнули по тюремной каменной ограде. Вдруг, яркие лучи солнца высветили на сером камне ограды маленький цветочек. Страдание и Красота, изумленно застыли друг перед другом от неожиданной встречи. Камеру сотряс восторженный взглас: **„Красота спасет мир!“** А вы, милейший, о безобразиях говорите и прочей чепухе национальной. Да, Шапочку Красную волк все-таки не съел. Они вместе выбрались из леса. Смеху-то было!

Кто-то тихо шептал своему товарищу, стоявшему недалеко от нас: „Лукавый мира сего изобретателен на самые пакостные козни, гнуснейшая из которых – есть надругательство над святостью. Да и сама правильность веры определяется наличием святых в ней. Если иудаизм может славиться пророками, мусульмане – кораном (разве у них ни святых, ни пророков не обнаруживаем?), то православие славно сонмом святых чудотворцев. Именно на надругательство над святостью и толкает нечистый слабые души, толкает на самый страшный грех: всякий грех и хула простится человекам; а хула на Духа не простится человекам. Свидетелями этой хулы служат памятники разрушенных храмов и монастырей“.

Невдалеке одна женщина говорила другой:

— Послали нас на выкопку картошки в совхоз. Наш секретарь партийный, набрал мешок отборной картошки для себя и спрятал в кузов тракторного прицепа. Бригадир совхоза заметил эту кражу и приказал мастеру вывалить картофель из мешка в общий сбор. По уходе бригадира, секретарь снова наполнил свой мешок, а за ним и остальные рабочие набили ворованным картофелем

сумочки, ведра, мешочки, карманы. Чтобы избежать обыска машины милицией, дежурившей на перекрестке дорог, поехали в объезд милицейского пикета, по полю озимой ржи.

— Матушки! Прямо по ржи?!

— Так и подавили колесами машины сотни килограммов ржи, которую за золото покупаем в Америке.

— Маша, Витьку-то Плюева, судили.

— Что ты? Виктора Степановича? Не может быть! Плюев не может сделать преступление, он — богобоязный, ни одной воскресной службы не пропустил.

— Судили в Иваньково. 15 июня, на Иону, товарищеский суд был. Оказалось, он — Витька — рядом с „Уголком атеиста“ вывесил в клубе какой-то свой листок с объявлением веры. Христа, говорят, пропагандировал, преступление совершил. Не согласовал с партийной организацией и горисполкомом, самовольство проявил, неорганизованность.

— А-ааа, Христа! Я думала украл что. Человек, вроде, не такой, чтоб красть, богобоязненный.

— Ему на суде сказали, гуманно мол подошли к его преступлению, веротерпимость показали, положительный отзыв на работе учли, а могли бы уголовным судом судить и упечь, куда Макар телят не гоняет.

— А мой зять пятеро детишек имеет, получает всего 80 рублей, жена не работает. Так у него на работе шапку сперли. Ну и народец пошел! У своего же и сперли, на пропой.

— Радоваться надо, не он ведь украл, а у него. Господь таких не оставляет Своей милостью. Помоги ему, Господи!

Очередь приблизила нас к отцу Александру, о котором ходило среди верующих мнение „доброго батюшки“, „нутро выворачивающего“ при исповеди.

К ногам отца Александра плюхнулась полная женщина.

— Батюшка, спаси! Родной, за всю свою нелегкую жизнь не материлась, а тут все чаще и чаще хульные матерщины в голову лезут. Скверности эти вторгаются в

меня самым наглым образом, в самое неожиданное время. Я и Богородице, Дево радуюсь, читаю, и Спаси, Господи, люди Твоя: не помогает. Что делать, не знаю.

Отец Александр подпрыгнул со стула, взмахнул руками, приблизил свое лицо к женщине.

— Плохо дело, милая, плохо! Бес хульной хозяйничает в душе гордой, непокорной. Смирять себя Иисусовой молитвой.

— Читаю, не помогает. И какое непокорство во мне наблюдать можно, если я в сторону начальства даже дыхнуть не смею? Говорят: „иди туда“, иду. „Сюда иди“, сюда следую. Вот, Фекла Крапивникова отказалась в фонд мира пять рублей дать, мастеру ответила: „Пошел ты..., мне детишек нечем кормить“, так её через пол-месяца попросили подыскать себе другую работу.

— Ты где работаешь?

— В матерщинном царстве, на стройке. Особенно хульно и бесстыдно ведет себя начальство. Приезжал недавно главный инженер. Таким матом чихвостил, что я, дура, спросила мастера нашего: инженер-то этот, не того, не сидел? Не с тех мест? Отвечает: „Не сидел. На семинарах и конференциях они учатся этому, под народ подстраиваются“. Вот и получается, что мы, народ, в их представлениях выглядим хульниками и матерщинниками. Рассказывают, что еще Ленин о своих противниках забористо отзывался, вот они курс и держат.

— Дура, ты что мелешь своим бабьим языком? Правильно древние славяне варягам говорили: „Страна наша обильная, баб много, а порядка в ней нет“. Вспомни, что сказал Иисус Христос, — отец Александр размахисто перекрестился. — Не судите, да не судимы будете. А апостол Павел к чему призывает? Он говорит: Всякая душа да будет покорна властям, ибо нет власти не от Бога. Посему, противящийся власти, противится Божию установлению.

Отец Александр назидательно поднял указательный палец и тихо добавил.

— И хулящий власть, Бога хулит.

Женщина ткнулась лицом в пол. Сквозь рыдания прорывались отдельные слова. „Апостол... а если присвоили право... если под личиной. Бог сказал, многие придут... дадут знамения“...

— Кто наговорил тебе такого?

— Бог.

— Дура, я спрашиваю, кто в твою голову вколошматил лукавые мысли? Непокорству, если хочешь, политике научил? За такие мысли от церкви отлучают. Тебе какой-то богохульник сектантские мысли в голову внедряет, вишь Ленин, получается у тебя каким-то Ильичем, хульником вроде. Да ты соображаешь, что говоришь? Иоанн Богослов, любимый ученик Господа нашего Иисуса Христа сказал: Бог – Любовь есть. Ленин принес любовь людям, равенство, братство. Как книжники и фарисеи хулили Христа и плевали в Любовь, так ты своим неразумием хулишь Ленина и плюешь в Ильича. А это страшно, хулить Бога, это геенна и скрежет зубов. Может завтра будет поставлен вопрос перед церковью о канонизации Ленина, а ты хульно судишь о носителе любви.

— Батюшка, грешна! Прости меня, окаянную, лукавый душу смутил, на погубу толкнул. Помилуй меня, дуру!

Отец Александр ласково погладил голову женщине, помог ей подняться, отечески спросил:

— Кто возмутил-то тебя?

— Лукавый, говорю, нечистый.

— В чем образе сектантские мышления в твою голову внесены?

— Сашка Полушкин. Крановщиком работает у нас. Бороду носит. Евангелие проповедует. Если, говорит, Бог есть Любовь, а Иисус Христос сказал ученикам что: многие придут под именем Моим, значит, говорит, они придут под именем Любви. Из этого следует, что под именем любви к людям уже пришел марксизм, пророков дал, знамения показал.

— Ну-ну, ты не того! Ты этого?

— Сашку, Полушкина.

— Полушкиных. Как услышишь хулу ими разносимую,

ко мне беги, кайся. Господь милосерден, примет раскаянную душу, как потерянную овцу. В каком строительном управлении работаешь?

— Тридцать четвертом.

— Звать тебя как?

— Елизавета.

— Лиза, Лиза! Меньше слушай полушкиных, погубят тебя! Смиряться, против власти не буйствуй, начальников люби, ибо начальник есть Божий слуга, дается тебе на добро, говорит апостол Павел в послании к Римлянам.

— Какой же он Божий слуга, если он безбожник, матерщинник?

— Елизавета!

— Прости батюшка, грешную, свыкнуться не могу.

— А для чего поставлены мы? Чтобы спасти вас от сети ловца, словеса мятежна. Ты, Лиза, чаще ходи ко мне, я очищу душу твою от проказы. Вон как она искоростилась, душа то твоя!

— Благослови, батюшка!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Иди с Богом!

*

Иван Петрович Солодухин опустился на колени перед отцом Александром.

— Отче, я недавно вышел из заключения и не могу нигде прописаться, а значит и трудоустроиться. Как быть?

— Поезжай на север, люди там во как нужны, туда вербуют даже. Один мой знакомый...

— Меня тошнота мутит, от севера этого, уши там отморозил, руки, ноги.

— Поезжай в Казахстан, на целину. А вы все ближе к Москве рветесь, к столице! Уже все население вопиет к Богу от проказ вышедших.

— У меня здесь семья, дети.

— Иисус Христос говорит: оставь дом свой, и братьев, и сестер, и отца, и мать, и жену, и детей, ради имени

Моего, получишь во сто крат и наследуешь жизнь вечную. Если жалко оставить, значит вера твоя недостаточно крепка. За что сидел-то?

— За политику.

— Ну? Разные приходят ко мне на исповедь, а таких не было: в политику лезут обычно безбожники, потому что для верующего человека святы слова Евангельские, а слова эти суть таковы: существующие власти от Бога установлены. Поэтому, противящийся власти, противится Божью установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Религия и политика понятия несовместимые: одна исключает другую.

— А Иисусов динарий? Разве на нем Господь не показал человеку, что он, человек, должен проявлять в себе две служебные силы, питающие друг друга: душу и плоть, землю и небо, мир человеческий и мир ангельский, Бога и кесаря. Относительно власти от Бога. В свое время митрополит Введенский ответил на аналогичный вопрос Луначарского: „Да, но сатана тоже от Бога!“ Что внушил змий Еве: „будете, как боги“, то есть противниками Богу через самозванство, то есть станут выдавать себя за богов, на самом деле таковыми не являясь. Поэтому и Павел говорит о власти, а не о том, что выдает себя за власть. Я однажды прогуливался возле пруда и увидел в нем свой образ. Я понимал, что это был всего навсего образ, но он представлен был мне живым, двигался, улыбался, имел живой румянец, блестел глазами, повторял каждое движение мимики моего лица. Подумал: вот, принято в качестве образца выставлять перед людьми тот или иной образ жизни, образ рая на земле и тому подобное. **Образ** — но не самую жизнь, не сам рай. Вот и здесь мы сталкиваемся с **образом** власти, но не с самой, установленной Богом властью. Отсюда становятся понятными слова Господа: мир сей мертв есть.

— Вот каков ты! Церковь потому и остается церковью, что устраняется от политических идей, которые на протяжении веков низвергали друг друга, клеветали друг на друга, убивали друг друга, заключали друг друга в

тюрьмы, избивали друг друга. Политика уводит человека в безбожие, ибо является бесовским наваждением, тем самым яблоком, которое выгнало людей из рая. Кто друг мира сего, тот враг Богу! Если Господь сподобит раскрыться глазам твоим, ты несомненно узришь здесь, в нашей стране образ рая на земле.

— Именно, образ!

— Куда ты, куда? Звать-то как тебя? Фамилия как? Имя святое, как?

— С тобой, отче, все ясно: поищу другого исповедника. Имя мое — Русь, исповедание мое — лес!

— В раскол, значит? К тихоновцам? В ересь?

— А ты, отче, не из тех?

— Из каких, тех?

— Которые в пост намазывают хлеб сливочным маслом с икоркой и, не перекрестив лба, говорят о Боге. О таких Святейший Патриарх Тихон сказал: „Остановитесь, безумцы!“ Улавливаешь?

— Врешь ты все, выдумываешь. Колдун! Правильно не прописывают, нечего ересь распространять, свободу дали вам. Да таких...

Отец Александр дал знак рукой женщине, стоявшей рядом, и она тенью двинулась за Иван Петровичем Солодухиным.

*

Двое милиционеров стремительно вошли в отделение связи. Один из них был громадного роста. Молодое широкоскулое лицо его сыто смотрело на присутствующих с нескрываемым нахальством и самоуверенностью. Спутник его был сухопар, долговяз, пожилого возраста, с усталыми, как-бы принужденными движениями. Он первым подошел к столу, за которым сидел Иван Петрович и что-то писал на листке бумаги.

— Ваши документы?

Солодухин поднял к милиционеру задумчивое лицо, как бы находясь еще в мире своих дум.

— Вы мне?

— Тебе, тебе! Что пишешь?

Молодой милиционер широкой ладонью прихлопнул к столу наполовину исписанный листок бумаги.

— По какому праву? По...

— Я покажу тебе право. Один тоже искал у меня право, царствие ему небесное, до сих пор перед глазами как живой стоит. Документы!

Иван Петрович полез в нагрудный карман пальто, достал паспорт и протянул его милиционеру. Молодой ловко перехватил свободной рукой документ, тренированно встряхнул обложкой паспорта, глаза стремительно пробежали по странице.

— Справку тоже давай, живо!

Солодухин снова полез в карман, вытащил из него справку освобождения, протянул милиционеру.

В голове стали воспроизводиться картины пережитого. Знаменитая Владимирка. „Кормушка“ ржаво взвизгнула и в крохотный квадрат просунулась волосатая рука с куском черного хлеба – 450 гр., на котором белела горстка соли.

— Эй, мечтатель! Держи свою суткопайкодачу! Живей, живей! Мать твою перемать... – надзиратель разжал пальцы, пайка намерилась упасть на цементный пол, но узник ловко перехватил её и... теплая, аппетитная пайка черного хлеба ласково прижалась к костлявым ладоням Солодухина.

— Кипяточку бы! – заискивающе обратился к надзирателю, как можно жалобнее модулируя голос.

Надзирателя раздражать нельзя, может открыть дверь и врезать ключом по шее, да еще рапорт сочинить, по которому увеличат срок нахождения в карцере.

Карцер – это железобетонный склеп, стены которого набрызганы цементным раствором под „шубу“. Малюсенькое оконце, переплетенное массивными решетками, убрано железным щитом жалюзийного типа. Стекла в нем выбиты и оно сплошь заклеено клочками газетной бумаги самими карцерниками, чтобы не было так холодно. Низкая температура воздуха сочетается в кар-

цере с повышенной влажностью и рождает страдание для узника, так как помещают его туда в легкой хлопчатобумажной одежде, отнимая головной убор, фуфайку и обувь (взамен выдаются изодранные тапочки, в которые наряжают покойников). Нередки случаи заболевания туберкулезом легких в карцерах.

— Ишь чего захотел, может тебе кофею на блюдечке подать?

— Я, я ничего, так, тепленькой бы, кружечку, согреться бы...

— Для сугрева, это можно. Я счас тя сугрею!

Надзиратель скрежещет ключом по железу, делает вид, что открывает замок. Солодухин, испуганно:

— Да я что, мне и холодная в пользу, даже лучше может, не обожжешься, и вкус, что ни на есть, родниковый. А кипяток, он, тьфу! — дистиллизация какая-то...

— То-то! А то сугреть могу, если здорово хочешь.

Надзиратель, довольный, наполняет кружку тепловатой водичкой, подносит к „кормушке“.

— Держи!

Иван Петрович благодарно заглядывает в „кормушку“, но надзиратель резко захлопывает дверцу. Неожиданно хлопнуть дверцей „кормушки“, излюбленный прием надзирателей. Суть его заключается в том, что узник не ожидает подвоха и упускает момент закрытия дверцы, которая больно бьет его в нос. Кто послабее, у того нос кровянится. Надзирателю потеха и похвальба перед сослуживцами.

Пока Солодухин вымаливал у надзирателя кипяток, незаметно исципал полпайки, оставшуюся часть решил съесть тут же, зачем растягивать на сутки, если в желудке нитье голодное. Жадно испил „кипяточку“. Поморщился. Теплая вода, она любому человеку ни то, ни се.

Вспомнилась Люся. Она, вероятно, ленится молоко есть. Да и мясо, подь, съела неохотно. Люся — едок гурманованный, что попало есть не станет. Мама написала, на булку с маслом и смотреть не желает, сметану подавай ей!

Еще водички?

Вопрос надзирателя вернул Ивана Петровича к действительности. Солодухин удивленно посмотрел на голую ладонь, заглянул в пустую кружку. Не заметил в мечтах как проглотил суткопайкодачу, выпил противную воду. Начал „маячить“ из одного угла карцера в другой. Два с половиной шага туда, два с половиной – обратно. Туда – обратно, туда – обратно.

Люсенька, наверное, по саду гуляет. Яблоками играет. Солнышко ласкает её теплыми лучами. Какая сейчас там погода? – Иван Петрович машинально посмотрел на заклеенное газетными лоскутками оконце железобетонного склепа. На него запыленно уставился обрывок чьего-то портрета.

Озираясь на дверной глазок, Солодухин достал из-под параша кусочек фанерки, положил его на цементный пол, в полуметре от порога двери, которая была обита издырявленным под терку железом. Это чтобы не стучать в дверь. Если в такую дверь стукнешь кулаком, изранишь руку о заусеницы многочисленных дырочек. В стриженной голове Солодухина мелькали строчки:

Стены карцера глупо глядят

На мои поседевшие слезы

Чрез решетку луною скользят

Молодые, невинные грезы.

Дверь в железо одевшись молчит.

Цемент легкие жадно съедает...

Цемент легкие жадно съедает... Цемент легкие жадно съедает... У! проклятушая суткопайкодача, совершенно обессилела голова! Солодухин раздраженно швырнул один тапочек под ступни ног, второй сунул под колени, голову положил на порог карцерной двери, чтобы слышно было как крадется к глазку надзиратель, во время вскочить, спрятать фанерку под парашу, сделать вид, будто и не лежал вовсе на цементном полу.

„Люся, наверное, на травке-муравке нежится. Люся, Люсенька! Ты вошла в мою жизнь недосыгаемой мечтою“.

Солодухин не заметил как уснул.

Карцерная дверь завизжала, заскрипела, загрохотала запорами и медленно отворилась.

— Ах ты, гумозник! – удар в спину сапогом окончательно прогнал сон и Солодухин с ужасом увидел как надзиратель торжествующе вытаскивает из-под него фанерку.

— Суточки, значицца, под бок сунул. Мне литер все башку долбит, ты, дескать, Тупицын, по рапортам план не выполняешь, тюремную администрацию назад тянешь. Не может, говорит, того быть, чтобы в твоих сменах нарушений режима не случилось.

— Гражданин начальник, отец родной! Прости окаянного, ей Богу не буду больше фанерок брать. Хоть единжды в жизни прости! У меня Люська...

— У всех Люськи! А о том, сукин сын, ты подумал, что за энту самую фанерку мне взыскание могло быть: не доглядел, мол, работаешь плохо. Сволочь! – Надзиратель размашисто трахнул ключом по шее Солодухина.

— Ой-ой-ой-ой-ой! Ааааа...

Иван Петрович схватился за шею. Что-то липкое обдало теплом ладонь. Поднес к подслеповатым глазам. В карцере был постоянный полумрак. В целях экономии электроэнергии вкручивались маловаттные лампочки, которые в свою очередь были убраны толстыми железными прутьями и плотной металлической сеткой. Иван Петрович ощутил запах крови на своей ладони.

— А-а-а-а-а, я властям жалобиться буду...

— Я те поскулю, сука! – надзиратель ткнул кулаком в бок Солодухина. – Жалобись. Я для тебя и есть власть И не скули, иначе зубы повышибаю! Живо бери тапчан, и чтобы дыху твоего слышно не было!

Топчан выдают в 23 часа, а в шесть утра забирают. Вернее, заставляют карцерника самому вносить и выносить это деревянное сооружение в железобетонный склеп. Топчан – изобретение сталинских времен. Это щит из толстых деревянных досок, окантованных железными полосами. Коротенькие металлические ножки возвышают

щит сантиметров на 10-12 от цементного пола. В изголовье щита прикреплена болтами большая деревянная болванка, стесанная „под подушку“. Такой топчан очень тяжел, его приходится волочить по полу с большим усилием. Бывают случаи, когда истощенные карцерники отказываются брать топчан из-за недостатка сил и спят ночью прямо на цементном полу.

Дверь склепа захлопнулась. Узник имел уже законное право плюхнуться на топчан и спать, спать, спать.

Солодухин так и сделал, но уснуть не мог: болела шея, в желудке ныло от голода, холод сотрясал тело.

„Люся, вероятно, хорошо поела и теперь нежится на маминой перине“, – Солодухин восстановил в деталях мамину постель, огромные пуховые подушки, ласковое тепло маминых рук. Захотелось хоть часок поваляться на маминой постели, погладить мягкую шерсть Люськи, поиграться с её пушистым хвостом и уснуть под её залихватистый лай...

*

— Бродяга, значит?

— Что?

— Да ты что, того? Я говорю бродяга ты, нигде не прописан и нигде не работаешь.

— Какой бродяга?

— Самый, что ни на есть, обыкновенный. Да ты что, спишь?

Милицционер толкнул Солодухина ладонью в плечо. Иван Петрович пошатнулся, потерял равновесие, падая, стукнулся виском о край стула и застыл на полу.

Милицционер удивленно склонился над Солодухиным, взял его за рукав пальто.

— Хватит дурить, вставай! А то подыму, хуже будет!

Солодухин продолжал лежать на полу, глаза застеклели, уставились куда-то под стол, рот ощерился, словно норовил укусить кусок воздуха.

На широкоскулом лице милиционера появилось выражение растерянности и недоумения. К нему подошел старший его товарищ, успокоил.

— Скажем, пытался бежать, споткнулся, упал, ударился...

Молодой милиционер стал машинально разглядывать на широкой ладони смятый листок недописанной бумаги. Глаза его привычно скользили по строчкам.

— Шпион какой-то. Ну и влетит нам! На читай!

Молодой милиционер протянул долговязому листок недописанного письма.

— Что делать будем?

— Надо позвонить начальству.

— У него была с собой какая-нибудь сумка или портфель?

— Вон, у стула, портфель какой-то.

Милиционер поднял стоявший у стула старый потертый портфель и обратился к присутствовавшим.

— Чей портфель?

Все молчали.

— Значит его?

Старший милиционер попросил присутствующих не расходиться, оставаться на своих местах и добавил:

— Все же видели, как он пытался уйти, как споткнулся?

— Неправда, я видал как его этот толкнул.

Стоявший у окошка стола заказной корреспонденции мужчина указал пальцем в сторону молодого милиционера.

— Я, толкнул? — милиционер подошел к мужчине. — Я, толкнул? Ваши документы!

— И я...

Женщина в темных очках дернула за рукав голубой куртки, стоявшего рядом с нею мужчину, и довольно-таки слышно зашептала в его ухо: „Ты что, рехнулся? Да они... Давеча, у памятника Пушкину один милиционер иностранного телевизионника так шандарахнул, что тот — с копыт долой. Хочешь лежать как этот? Ты ничего не видел, понял? Видел. что хотел уйти, споткнулся, понял?

Учти, не рассчитывай, что стану таскать тебе передачи и волочиться на свиданки, ты слишком лыс для этого, понял? Споткнулся, упал, понял?

— Понял, споткнулся.

Эти слова вернули милиционеру его бывшее нахальство и он увереннее предложил мужчине у окна заказной корреспонденции пройти с ним. Выйдя из помещения почты, милиционер неожиданно саданул мужчину в бок кулаком.

— Чеши отсюда, пока цел! Если ты еще раз появишься мне на глаза, пеняй на себя – выползешь из милиции на четвереньках. И только пикни где о случившемся, найду тебя из-под земли! Получай свой паспорт и чтобы духу твоего здесь не было!

С этими словами милиционер еще раз ударил мужчину ребром ладони в область печени, чтобы больней было. Пусть помнит!

Вернувшись в помещение почты он подошел к телефону и сообщил о случившемся, добавив: “Шпион какой-то, под бедняка замаскировался, а сам связан со всеми странами мира. Что? Хорошо, жду!

При акте освидетельствования места происшествия, особенно тщательно изучалось содержание портфеля.

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)**

Михаил Мондич

«СМЕРШ»

1945 год. Советская армия „освобождает“ Европу. За нею следует СМЕРШ – «Смерть Шпионам», организация НКВД, специально созданная для истребления «врагов народа». В Закарпатской Руси, на этом клочке русской земли, принадлежавшем к довоенной Чехословакии, в СМЕРШ в качестве переводчика забирают местного паренька, автора этой книжки. Мондич умеет правдиво и просто рассказывать. Его описание службы в СМЕРШе, своих переживаний во время этой службы и побега читается с неослабевающим интересом. Записки Мондича – небольшой, но яркий отрывок, как бы луч света, внезапно освещающий читателю страшную правду о насаждении сталинщины в странах Восточной Европы. Сейчас, через 40 лет, минувшая война становится постепенно историей. Сталин умер, НКВД и СМЕРШ переименованы. Но дух угнетения и насилия жив, и книжка Михаила Мондича (опубликованная в первом издании под псевдонимом Синевирского) нужна не меньше, чем в то смутное время, когда она была опубликована впервые.

1984, 2-е изд., 216 стр.

26 нем. марок

Заказы направлять:

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M. 80

М. Каратеев

Норманская болезнь в русской истории*

„Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут“.

Н. Карамзин

Норманизмом в русской историографии называется то её направление, в основу которого положена гипотеза о скандинавском происхождении российской государственности. Эта более чем шаткая гипотеза выдается норманистами за непреложный факт, оказавший, будто бы, огромное влияние на культуру, общественное развитие и даже на язык восточных славян.

Может быть, не все защитники норманской теории отдают себе в этом отчет, но, по существу, она покоится на чисто русофобском фундаменте, ибо под всей словесной шелухой тут лежит совершенно определенная политическая идея: утверждение неполноценности русского народа и его неспособности самостоятельно создать и развивать свою государственность. Были, мол, орды грязных дикарей, которые неизвестно откуда взялись, как народ не имели даже своего имени, платили дань – кто варягам, а кто хазарам, жили по-звериному и резали друг друга, пока не догадались поклониться немцам, которые

*Перепечатка из книги М.Каратеева, „Из нашего прошлого“, Буенос Айрес, 1968 г.

прислали им своих князей, навели порядок, дали им имя Русь, и научили жить по-людски. Историк М. Погодин дошел до того, что даже принятие Русью христианства считал заслугой норманнов, а „Русскую Правду“ Ярослава Мудрого называл „памятником норманского происхождения“.

Таким началом своего исторического бытия мы, как известно, обязаны немцам Фридриху Миллеру, Готтлибу Байеру и Августу Шлецеру, которые, через прорубленное Петром Первым „окно в Европу“, попали в Петроградскую Академию Наук и ревностно занялись „родной“ русской историей.

Она еще не была написана, – предварительно нужно было собрать, изучить и систематизировать подсобные материалы: русские летописи, хроники соседних народов, свидетельства древних авторов, писавших о Руси и множество иных документов. За это взялся в первой половине XVIII столетия русский историк В. Н. Татищев. Человек чрезвычайно добросовестный, он много лет потратил на поиски и исследование первоисточников, – в особенности летописей, хранившихся во всевозможных монастырях, – и потому труд его подвигался медленно.

Немецкие академики утруждать себя подобной работой не стали. Они сразу взяли быка за рога и вскоре „русская история“ была у них готова. На основании совершенно недостаточных, сомнительных и непроверенных данных, пополненных натяжками и домыслами, игнорируя одни русские летописи и неправильно истолковывая другие, – они объявили князя Рюрика скандинавским немцем и основоположником русской государственности, хотя имелось немало своих и иностранных исторических источников, которые явно противоречили этому утверждению и проливали свет на более древние периоды и события русской истории.

Так, например, древнейшая новгородская летопись епископа Иоакима, найденная Татищевым, говорит совершенно определенно, что Рюрик был внуком новгородского князя Гостомысла, а в киевской летописи Нес-

тора, – на которой базировались академики, – по поводу призвания варягов сказано: „звахуся те варязи русью, како другие зовуться свеи, нормане, англяне и геты.“ Иными словами, Нестор с предельной ясностью говорит, что скандинавами они не были и что варягами в то время назывались на Руси многие народы самого разнообразного происхождения. Однако, вопреки этому, Рюрика сделали норманом, а Иоакимовскую летопись, – убийственную для норманской доктрины, – объявили фальшивкой.

История этой летописи такова: её список, – повидимому единственный сохранившийся и неполный, – Татищев получил в 1748 году от Мельхиседека Борщева, игумена Бизюкинского¹⁾ монастыря. Сняв с летописи копию, он возвратил её в монастырь, где она несколько позже сгорела при общем пожаре. Это дало академикам повод объявить Иоакимовскую летопись подделкой игумена Мельхиседека или самого Татищева. Но игумен совершенно историей не интересовался и, судя по запискам Татищева, вообще был человеком необразованным, а Татищев не имел ни малейшей надобности прибегать к подобным подделкам, ибо в его время никаких споров не было, – полемика началась через двадцать лет после его смерти, с появлением „трудов“ Шлецера и Миллера.

Таким образом, норманисты обеспечили себе и своим последователям возможность игнорировать самое важное свидетельство существования древне-новгородского государства. Сказками и вымыслом были объявлены все сведения о древне-Киевской Руси, невзирая на то, что и Нестор и целый ряд польских хронистов ²⁾ труды которых были академикам известны, – утверждают, что в Киеве задолго до призвания Рюрика уже вполне сложилась своя собственная государственность и в течение трех веков правила династия чисто русских князей, потомков Кия.

Благодаря тому же „окну“, зерно норманизма упало на благодатную почву: теорию „русских“ академиков подхва-

¹⁾ Села Бизюкино, Алексинского уезда Тульской губернии.

²⁾ Ян Длугош, Матвей Меховский, Мартин Бельский, Бернард Ваповский и др.

тили и разработали историки Готфильд Шриттер, Эрих Тунман, Иоганн Круг, Фридрих Крузе, Христиан Шлецер, Мартин фон Френ, Штрубе и т.п. Разумеется, она получила полное одобрение и поддержку президентов и вице-президентов Академии Наук, гг. Блюменроста, Кайзерлинга, Корфа, Таубарта и Шумахера. Надо полагать, что очень довольны ею остались сменяющие друг друга временщики – Бирон, Миних, Остерман, да и сама матушка Екатерина, – урожденная принцесса Анхальт-Цербская, – при таких „исторических“ предпосылках чувствовала себя на русском престоле более уютно.

Однако, русские академики (в небольшом количестве были и таковые в русской Академии Наук) – Ломоносов, Тредьяковский, Крашенников и Попов, – горячо протестовали против этих оскорбительных для России измышлений. Когда Миллер на торжественном заседании Академии прочел свой труд „О происхождении народа и имени российского“, они с возмущением заявили, что автор „ни одного случая не показал к славе российского народа, а только упоминал о том, что к его бесчестию служить может“. Ломоносов после этого написал: „Сие есть так чудно, что если бы господин Миллер лучше изобразить умел, он бы россиян сделал столь убогим народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого историка не представлен“.

Основываясь на древних источниках, Ломоносов доказывал, что к моменту появления Рюрика, Русь уже насчитывала много веков своей собственной, славянской государственности и культуры.

Еще большего внимания заслуживает выступление Тредьяковского: в изданном им труде „Рассуждение о первоначалии россов и о варягах-русах славянского звания, рода и языка“, – он обнаружил большую эрудицию и в частности утверждал, что Рюрик и его братья были прибалтийскими славянами, выходцами с острова Рюгена, что позже нашло некоторые подтверждения в трудах других исследователей-антиноманистов.

Эти выступления русских ученых имели временный успех: Миллер был лишен звания академика, а уже напечатанный труд его уничтожили. Но его измышления оказались слишком выгодными для многих сильных мира сего: очень скоро он был прощен и восстановлен в звании. Его „труд“ несколько лет спустя был издан на немецком языке в Германии, а позже снова просунут в официальную русскую историю.

Норманская доктрина восторжествовала: она была признана правильной и научно вполне обоснованной. С той поры все работы историков, которые ей противоречили, рассматривались как проявление назойливого невежества в науке и встречали со стороны Академии пренебрежительное отношение, а иногда и нечто похожее на окрики, – этим особенно отличался Шлецер. Замечательный труд С. Гедеонова „Варяги и Русь“, совершенно разбивающий норманскую гипотезу, испортил ему служебную карьеру.

Богатые и материально независимые люди у нас историей, к сожалению, не занимались, а те, кто избирал её своей служебной профессией, не могли, конечно, вступать в идеологический конфликт с министерством просвещения и с Академией Наук. До самой революции каждый русский историк, если он хотел преуспевать и получить профессорскую кафедру, должен был придерживаться доктрины норманизма, что бы он в душе ни думал. Наглядным примером такой вынужденной двойственности может служить Д. И. Иловайский: в своих „частных“ трудах он был ярким антинорманистом, а в написанных им казенных учебниках проводил взгляды Байера, Шлецера и иже с ними.

*

Читателя, может быть, удивит то, что эта унижительная для русского национального достоинства теория не встретила в верхах нашего культурного общества никаких протестов. Но это тоже имеет свое историческое объяснение. Почва и все условия для пышного расцвета норманизма

были подготовлены на Руси задолго до эпохи немецкого засилия.

Еще в конце пятнадцатого столетия у великих князей Московских, уже начавших титуловать себя царями, возникла чисто политическая необходимость официально возвысить свой род в глазах европейских монархов. Это было вызвано следующими обстоятельствами: в 1453 году турки сокрушили Византийскую империю, а девятнадцать лет спустя великий князь Иван Третий женился на племяннице последнего императора Зое (Софье) Палеолог и в качестве русского государственного герба принял римско-византийского двуглавого орла. С этого момента в Кремле возникает и провозглашается идея: „Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать“. Иными словами, Москва объявила себя прямой наследницей и преемницей Византии, которая была оплотом православия и восточно-европейской культуры. Московским государям надо было чем-то обосновать свои права на такую преемственность и в то же время утвердить за собой царский титул, которого никак не желали признавать за ними другие монархии.

В соответствии с этим, опальный митрополит Спиридон, – известный на Руси как широко образованный человек и духовный писатель, – получил от великого князя Василия Третьего задание: разработать соответствующим образом родословную Московской династии.

Спиридон это поручение выполнил. Вскоре появился его труд, озаглавленный „Посланием“, в котором он взял отправной точкой всемирный потоп: от Ноя вывел родословную египетского фараона „Сеостра“ (Сезостриса), а прямым потомком этого фараона сделал римского императора Августа. У Августа, по Спиридону, оказался родной брат Прус, получивший, будто бы, во владение область реки Вислы, которая по его имени стала с тех пор называться Прусской землей. По прямой линии от Пруса Спиридон вывел род Рюрика, и в результате всех этих „генеалогических“ построений оказалось, что „государей Московских поколенство и начаток идет от Сеостра, первого царя Египту, и от Августа кесаря и царя,

сей же Август пообладал вселенною. И сея от сих известна суть“.

Интересно отметить, что в том же „Послании“ Спиридон выводит родословную Литовских князей, но их, наоборот, старается всячески принизить. Причина этого понятна: Литва являлась тогда главной соперницей Москвы, – под её властью находились обширные искони русские территории до Смоленской, Черниговской и Орловской областей включительно. Европейскому общественному мнению надо было доказать, что литовские князья никаких прав на эти земли не имеют, а для большей убедительности было взято под сомнение и самое право их на княжеский титул. Сообразно этому Спиридон пишет, что род их идет от „некоего Гегеминика“ (Гедимины), бывшего в молодости конюхом у князя Витена, который, в свою очередь, был подручным Смоленского князя Ростислава Михайловича. До власти Гедимина, будто бы, добрался всякими кознями и хитростями, князем же начал титуловаться только сын его Ольгерд, после того как женился на русской княжне Ульяне Александровне Тверской.

Несмотря на полную фантастичность всего этого, версия Спиридона была официально принята при Московском дворе и получила дальнейшую разработку в „Сказании о князьях Владимирских“ и в „Степной книге“ митрополита Киприана. При Иване Грозном она вошла в „Государев родословец“, а потом и в так называемую „Бархатную книгу“.

Разумеется, с научно-исторической точки зрения весь этот материал не выдерживает никакой критики и способен вызвать только улыбку. Однако в политическом отношении он свою роль сыграл, ибо дал Вселенскому патриарху основание признать за Иваном Грозным царский титул, а вслед за ним признали его и европейские монархи.

Но в то же время все это подготовило почву для нормализма и оказалось первым шагом на пути неуважения к своему русскому началу. Грозный любил щеголять

фразой: „я не русский, мои предки немцы“. И с его легкой руки иностранное, а в частности немецкое происхождение, начинает считаться на Руси особенно почетным.

Родоначальник-иноземец становится объектом вожделения каждой аристократической семьи и для отыскания такового широко применяются генеалогические методы митрополита Спиридона, т.е. совершенно невероятные измышления и натяжки, подделка документов и т.п.

Известный генеалог Л. М. Савёлов-Савёлков, член Императорского Историко-Родословного Общества, в своей книге „Древнее русское дворянство“ по этому поводу пишет:

„Главной особенностью родословных древнего русского дворянства являются легенды об его иностранном происхождении, и этот вопрос обойти молчанием нельзя... Отрицать выезды в Россию из Польши, Литвы и татарских царств, конечно, невозможно, но выезды из европейских государств, а особенно „из Прус“, – которыми так изобилуют русские родословные, – даже при наличии документов, подтверждающих „выезд“, должны подвергаться проверке и тщательному исследованию, так-как известны случаи их подделки... Появление подложных документов особенно усилилось после указа царя Феодора Алексеевича о составлении родословной книги. Палата родословных дел потребовала доказательств, их не было, – стали фабриковать и в результате всего этого получилось, что русские дворянские роды ведут свое происхождение откуда угодно, только не из России“.

Савёлов-Савёлков нисколько не преувеличивает: при составлении этой первой в России родословной книги оказалось, что подавляющее большинство высшего русского дворянства ведет свое начало от всевозможных „честных мужей“, некогда выселившихся на Русь „из прус“, „из немец“, „из свеев“, „из фрягов“, „из грек“, в крайности, „из ляхов“ или из Литвы. Всего было представлено 933 родословных и из них 804, – почти девяносто процентов, – оказались иностранного происхождения!

„Род Новосильцевых от Юрия Шалого. А прежде звахся Шель и выеха из Свейского государства“... „Выеха из немец муж честен именем Андрей Иванович Кобыла, от него же род Кобылин“... „Выеха из прус к великому князю Василию Димитриевичу честен муж Христофор, прозванием Безобраз и от него род Безобразов“... и т.п.

В соответствии с подобными заявлениями, потомками немцев оказались Колычевы, Кутузовы, Салтыковы, Епанчины, Толстые, Пушкины, Шереметевы. Беклемишевы, Левашевы, Хвостовы, Боборыкины, Васильчиковы и очень многие другие; потомками шведов – Аксаковы, Суворовы, Воронцовы, Сумароковы, Ладыженские, Вельяминовы, Богдановы, Зайцевы, Нестеровы и пр.; потомками итальянцев – Елагины, Панины, Сеченовы, Чичерины, Алферьевы, Ошанины, Кашкины и др.; греков – Жуковы, Стремоуховы, Власовы; англичан – Бестужевы, Хомутовы, Бурнашевы, Фомицыны; венгров – Батурины и Колачевы. Апухтины и Дивовы оказались французами, Лопухины, Добрыньские и Сорокоумовы – черкесами и т.д.

Несомненно, некоторые из них действительно шли от не-русских корней и о своем происхождении писали правду. Но подавляющее большинство было, конечно, иностранцами такого же порядка, как Иван Грозный. Нередко то происхождение, которое люди себе приписывали, чтобы удовлетворить этой печальной моде, было много хуже подлинного, которое казалось скверным только потому, что оно было чисто русским. Доходило до абсурдов. Так например, всей России известные Рюриковичи – князья Кропоткины показали себя выходцами из Орды. Даже это, очевидно, казалось более почетным, чем происхождение от великих князей Смоленских. Собакины, – тоже потомки Смоленских князей, – стали писаться выходцами из Дании.

При Петре Первом и его ближайших преемниках эта тенденция в русском дворянстве еще усилилась. Меньшиков, до встречи с Петром, как известно, торговавший на улицах Москвы пирожками, оказался потомком литовских

магнатов; Разумовский и Безбородко, – зеведомые малороссы и притом далеко не знатного происхождения, – отпрысками древних польских родов, и т.д.

Стоит ли говорить о том, что порожденная немцами норманская доктрина, при такой настроенности верхушки русского общества, не могла задеть в нем каких-либо специфически-русских национальных чувств, и была принята в лучшем случае с полным равнодушием.

Она вошла во все академические труды и учебники, её стали преподавать в школах и университетах, постепенно отравляя национальное сознание русских людей, прежде справедливо гордившихся своей древней историей и самобытной культурой, а теперь все глубже проникающихся подsunутой им идеей неполноценности русской нации и неспособности русского народа обойтись без руководства и опеки иностранцев. Она была с отменным удовольствием принята и утверждена заграницей, давая нашим соседям „научное“ основание для того, чтобы смотреть на русских свысока, как на низшую расу, пригодную лишь в качестве удобрения для других.¹⁾

Все это привело к тому, что развитие русской исторической науки пошло по совершенно ложному пути, искривленному предвзятой уверенностью, что мы народ без прошлого, из мрака неизвестности выведенный на историческую арену каким-то другим народом высшей категории, – конечно, не славянским.

Приняв летопись Нестора за основу истории Киевской Руси, наши официальные историки вынуждены были в какой-то мере считаться со сведениями, которые имеются в этой летописи об основателе города Киева, – князе Кие и его династии. Однако, допустить, что эти князья были полянами, т.е. русскими, никто не хотел. Академики

¹⁾ Более всего в этом погрешны немцы, навязавшие нам норманскую теорию и старавшиеся ее использовать в своих политических целях. Но многие русские впадают в грубую ошибку, не делая различия между этими „внешними“ немцами и немцами прибалтийскими, которые тут совершенно неповинны. Эти потомки Ливонских рыцарей, с присоединением Ливонии, вошли в состав Российского государства и честно служили ему на протяжении веков.

Байер, Миллер и другие отечественные немцы, конечно, объявили их готами; В. Татищев – сарматами, историк князь Щербатов – гуннами. Только Ломоносов утверждал, что они были славянами, позже к этому мнению не без колебания примкнул Карамзин. Наконец, просто решили объявить все это легендой и таким образом совершенно списать князя Кия и все с ним связанное с исторического счета. На эту позицию твердо встал С. Соловьев, заявивший: „призвание князей-варягов имеет великое значение в русской истории, которую с этого события и следует начинать“. Костомаров, отважившийся верить в „легенду“ и считать Кия исторической личностью, этим испортил свою репутацию серьезного историка. Преуспевающий Ключевский благоразумно обходил спорные вопросы молчанием, хотя по существу норманистом не был. Платонов тоже считал за лучшее о Кие не упоминать и с некоторыми оговорками примкнул к норманистам, – иначе бы ему не бывать академиком. Иловайский, как уже было сказано, сидел на двух стульях.

Итак, под Рюрика был подведен германский фундамент и с него стали начинать официальную историю Русского государства. Все, что было прежде, объявили вымышленным или недостоверным. Даже допущение того, что поляне были способны сами построить свой столичный город, считалось ненаучным и противоречащим всему норманистскому представлению о древней Руси. Основание Киева старались приписать кому угодно, только не славянам. Многие русские историки (Куник, Погодин, Дашкевич и др.) защищали совершенно нелепую гипотезу, согласно которой он был построен готами и есть ничто иное, как их древняя столица Данпарштадт. То обстоятельство, что Константин Багрянородный в одном из своих трудов назвал Киев Самбатом, сейчас же породило целую серию „исторических“ гипотез, будто этот город был построен аvaraми, хозарами, гуннами, венграми и даже армянами, – только лишь потому, что в языках этих народов нашлись слова похожие на Самбат. Но прямое

указание Птолемея на то, что в его время ¹⁾ на Днепре уже существовал славянский город Сарбак (чем легче всего объяснить „Самбат“ Багрянородного), всеми было оставлено без внимания. Вероятно решили, что Птоломей что-то путает, – настолько неправдоподобным казалось норманистам славянское происхождение Киева.

Вопрос, по существу совершенно ясный, в конце концов запутали до того, что только археология могла дать ему окончательное решение. Теперь раскопки археологов и в частности академика Б. А. Рыбакова, неопровержимо доказали, что никакие „высшие“ народы тут не при чем и что Киев был построен своими, славянскими руками. К чести многих иностранных историков следует сказать, что не в пример большинству своих русских коллег, они этого никогда не отрицали.

Конечно, среди русских историков было немало и анти-норманистов (Костомаров, Максимович, Геденов, Забелин, Зубрицкий, Венелин, Грушевский и др.), которые проделали большую исследовательскую работу и нанесли доктрине норманизма чувствительные удары. Борьба между этими двумя течениями не прекращалась со времен Ломоносова вплоть до самой октябрьской революции. Но практически она ни к чему не привела: слишком неравны были условия этой борьбы.

Научные позиции антинорманизма и тогда были гораздо сильнее, ибо их подкрепляли факты, открывавшиеся все в большем количестве и определенно говорившие не в пользу норманизма, который держался больше на рутине и предвзятых мнениях. Но на стороне защитников норманской теории была сила авторитета Академии Наук и сила реальных возможностей. Кроме того, у норманизма был весьма ценный союзник: инертность русского общества, которое считало, что это спор сугубо научный и никого, кроме профессиональных историков не касающийся.

Сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим, начали понимать уже

¹⁾ Второй век христианской эры.

заграницей, очутившись в „норманском“ мире и поневоле сделав кое-какие наблюдения, сравнения и выводы. Нашу эмиграцию принимали в Западной Европе в полном соответствии с учением норманизма, то-есть не слишком гостеприимно и не скрывая расценивали нас как представителей низшей расы. Западно-европейских политических эмигрантов: французов, испанцев, греков и других (кто только не жаловал в трудные для себя времена на обильные русские хлеба!) у нас принимали иначе. Французский эмигрант герцог Ришелье в России получил пост генерал-губернатора; русский эмигрант герцог Лейхтенбергский во Франции работал монтером. Французские офицеры эмигранты, ни слова не знавшие по-русски, у нас получали поместья и полки в командование, а русские заслуженные генералы-академики, в большинстве прекрасно владевшие французским языком, в Париже работали простыми рабочими или гоняли по улицам такси. И этим мы обязаны, главным образом, норманской доктрине, созданной и взлелеянной в нашей же Академии Наук.

Что касается советской исторической науки, то она от норманизма решительно отказалась, объявив норманскую теорию антинаучной. Но оформила она этот отказ не очень убедительно. Сделав много в области исследования и описания древнейшего периода истории Руси, полностью признавая самобытность русской государственности и культуры, советские историки в то же время заняли какую-то невразумительную позицию в отношении признания варягов и личности князя Рюрика: не занимаясь вопросами его происхождения и появления на Руси, о нем просто стараются вспоминать пореже, трактуя в этих случаях как личность скорее легендарную, чем исторически действительную. Как у этого легендарного отца мог оказаться вполне реальный сын – князь Игорь, советские историки не объясняют, хотя Игоря признают безоговорочно и считают его чистейшим славянином. Впрочем, для Рюрика в последние годы выдумали особый термин: его называют персонажем не легендарным, а „эпизо-

дическим“. Это повидимому следует понимать так, что он в действительности существовал, но не заслужил того, чтобы им занимались историки.

Так или иначе, с норманизмом на нашей родине покончено. Но Запад продолжает за него держаться цепко и в течение двух последних десятилетий с завидной настойчивостью старается укрепить обветшалые позиции норманской теории. Западные норманисты, среди которых есть, к сожалению, и выходцы из России, в разных странах выпустили немало книг и публикаций, в которых на все лады повторяют, по существу, все те же псевдонаучные измышления шлецов и байеров, при полном замалчивании непрестанно возрастающего числа исторических открытий и работ, совершенно убийственных для норманской доктрины.

Этот факт весьма показателен и требует самого пристального внимания, ибо за ним кроется не одно лишь тщеславное желание Запада отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой России, вне зависимости от правящей там власти, и служит сейчас чисто политическим целям: с одной стороны, как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой – как оправдание тех действий, которые за этой обработкой должны последовать.

Так ошибка историческая, допущенная два века тому назад и казавшаяся тогда мало существенной, постепенно расширяя круг своего действия опоганила и русское самосознание, и отношение к нам других народов, обернувшись ошибкой политической огромного масштаба.

За неуважение к своему прошлому приходится платить дорогой ценой.

Униатство и украинский сепаратизм в свете исторической правды

Западная Европа не знает примеров государств столь быстро развившихся культурно, как развилась Киевская Русь. Если сравнить Киев времен Ярослава Мудрого, то есть спустя менее 70-ти лет после Крещения Руси, с любым западным государством той эпохи, – гордость охватывает нас за наших предков.

Восприняв от Византии православное учение во всей его первобытной чистоте, определенное и уясненное Отцами семи Вселенских Соборов (семи „столпов“, как говорила древняя Русь), – вся жизнь юного варяго-славянского государства чудесно преобразилась.

«Кормчая Книга» – славянский перевод «Номоканона» или каноническо-бытового сборника, составленного на Трульском Соборе, легла в основу первого русского законодательства «Русской Правды», начатой Ярославом и дополненной Владимиром Мономахом.

Мало кто теперь отдает себе отчет в том, что это древнее русское право подлинно основывалось на законе Православной Церкви, перестраивая грубый и жестокий языческий быт славян согласно христианским правилам. Больше того, пересадив „греческую веру“ на девственную дикую почву, Св. Владимир, с несомненной помощью Свыше, превратил Киев в культурнейший центр Европы, который во времена Ярослава Мудрого достиг особенного блеска и могущества. Д. С. Лихачев, в своем труде «Национальное самосознание древней Руси» следующими

словами определяет это время: „Архитектура эпохи княжения Ярослава также, как книжность, была обращена к будущему Русской земли. Грандиозные соборы Ярослава в Киеве, в Новгороде и в Чернигове были задуманы как палладиумы этих городов. София Киевская соперничала с Софией Константинопольской. Замысел этой Софии был проникнут идеей равноправности Руси Византии, как и вся политика эпохи Ярослава, основанная на стремлении создать свои собственные, независимые от Империи, центры книжности, искусства, церковности. Строя храм Софии в Киеве, Ярослав „строил“ русскую митрополию, русскую самостоятельную церковь. Называя вновь строящийся храм тем же именем, что и главный храм греческой церкви, Ярослав как бы бросал ей тем самым вызов, претендуя на равенство русской церкви греческой. Самые размеры и великолепные убранства Софии становились прямыми „натуралистическими“ свидетельствами силы и могущества русской церкви, её прав на самостоятельное существование. Не случайно, думается, София в Киеве, церковь Спаса в Чернигове, София в Новгороде остались самыми крупными и роскошными церковными постройками в этих городах на всем протяжении русской истории до самого XIX века. София Новгородская никогда не была превзойдена в Новгороде, ни в своих размерах, ни в пышности своего внутреннего убранства, ни в торжественно-монументальных формах своей архитектуры.

Знаменательно, что вся культура эпохи Ярослава, все стороны культурной деятельности первых лет XI века, проходят под знаком тесного взаимопроникновения архитектуры, живописи, политики, книжности.

При Ярославе высоко вырос авторитет Киевского государства. Русь выступает на страницах западноевропейских исторических документов не как отсталая варварская страна, а как равноправное государство. Об этом же свидетельствуют обширные политические связи Киевской Руси со всеми европейскими государствами. Сам князь Ярослав Мудрый был связан со всеми дворами Европы.

Он был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. Старшая дочь его была замужем за французским королем Генрихом I и была одно время регентом Франции при своем малолетнем сыне Филиппе Первом. Вместе со своим несовершеннолетним сыном она подписывала французские государственные документы. Средняя дочь Анастасия была замужем за венгерским королем Андреем Первым. Сын Ярослава Всеволод был женат на греческой царевне Анне; он был высоко образован и владел пятью иностранными языками. Сын Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира. Упорно добивался руки дочери Ярослава Елизаветы знаменитый викинг Гарольд Строгий, впоследствии норвежский король, подвиги которого гремели по всей Европе.

Внешний облик Киева, его замечательное искусство, развитие ремесел, обширная мировая торговля соответствовали при Ярославе международному авторитету Киевского государства, его обширным связям со странами Востока и Запада.“

Действительно, вера, столь пламенно воспринятая нашими предками в X-ом веке уже медленно угасала на Западе, где некоторые духовные его пастыри – римские папы, оскверняли славную римскую кафедру своими чисто мирскими претензиями, ссорами, развратом, убийствами и кощунственной алчностью. Следуя их примеру, архиереи превратились почти повсюду в грубых феодалов, угнетающих своих рабов – крестьян, простых монахов и слабых соседей.

Вся Европа представляла собою шахматное поле мелких, враждующих между собою герцогств и княжеств, а германские императоры, узурпировавшие титул Священной Римской Империи, вмешивались в распри пап, смещали неугодных им и заменяли своими ставленниками. Многие архиереи и игумены, в свободное от междусобных войн время, роскошно пиршествовали, охотились и совершенно открыто жили со своими наложницами.

В конце XI века, энергичный и умный Гильдебранд –

один из главных виновников римского отделения от Вселенской Церкви – кое-как сумел провести свою реформу безбрачия духовенства, но разврат не прекратился, а вместе с тем грубое невежество заволакивало Западную Европу. Кое-где оставались еще смиренные обитатели, где усердно переписывались на варварской латыни творения греческих и восточных Отцов Церкви, но ничего своего не произрастало.

Таким образом, неудивительно, что русская великокняжеская семья, высоко образованная и всячески поощряющая народное образование, представляла тогда в Европе счастливое исключение. Западные принцы наперебой искали чести сочетаться браком с дочерьми Ярослава, а знаменитые путешественники пели дифирамбы Киеву, который украшали шедевры лучших греческих мастеров и художников. От столицы культура переходила и на другие княжества, причем благочестивые князья прежде всего заботились о создании и украшении в них храмов и о постройке монастырей, школ и странноприимных домов. Церковь пригревала и кормила всех обездоленных „изгоев“, больных, освобождала „холопов“ на дарованных ей землях и во все отрасли социальной жизни вносила христианское начало.

Не забудем, что в этот суровый XI-ый век Мономах заботился уже об отмене смертной казни, а «Русская Правда», этот гуманнейший кодекс тех времен, заменял штрафами („вирами“) прежние суровые казни.

Так, по примеру Киева, расцвело культурно и стало известным русское окраинное Галицкое княжество, лежащее между восточными Карпатами и западным Бугом. Древний город Червень дал название этому краю – Червонная Русь. Ставши удельным княжеством в XI-ом веке, после Любечского съезда, колыбель нынешней Галиции получала своих князей из Киева, причем самым славным из них был Ярослав Осмомысл (1152-1187), о котором в „Слове о полку Игореве“ сказано следующее: „Галичский Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своем златокованном столе, подперши горы Угорские

своими железными полками, заступив путь королю угорскому (венгерскому) и затворив ворота Дунаю. Ты отворяешь ворота Киеву и стреляешь с отцова золотого стола салтанов (половецких)“.

Талантливый Ярослав сумел превратить это, первоначально бедное княжество, в цветущее государство, куда потянулись поселенцы – поляки и венгры, спасавшиеся от феодальных латинских порядков под защиту православного закона.

Вскоре, укротив половцев и обезопасив свой удел от западных притязаний, Ярослав завязал самостоятельную торговлю с греками и европейскими странами, причем Галич слал послов в Византию, Болгарию, Венгрию, Польшу и т.д.

В 1199 году, предприимчивый Волынский князь Роман объединил свое княжество с Галицким, за что и получил похвалы летописцев, приветствовавших „собрание“ русских земель, учитывая опасность раздробления Руси на уделы. Волынская летопись величает даже Романа титулом „самодержца“. Укрепив внутренне свое пространное княжество, Роман прославился победоносными походами против Польши, Венгрии и литовских племен, начавших теснить русские окраины. Его слава как полководца и правителя скоро облетела всю Европу и прочно укрепилась в Византии. Папа Иннокентий III, крестonosцы которого в 1204 году кощунственно разграбили Константинополь и осквернили его великолепные храмы, сделал попытку склонить храброго русского князя к латинству. Этим он предполагал – во-первых, обезопасить покорных ему поляков и венгров от столь удалого соседа, а во-вторых, наложить, наконец, руку хоть на одну пядь земли, входящей в систему ненавистного „схизматического“ Киева. Пришедшему в Галич в 1203 году папскому легату князь Роман отвечал высокомерно, что он не нуждается в союзе с еретиком-папой, что митрополия русская принадлежит к греческому патриархату, части Вселенской Церкви, от которой Рим откололся, и что меч его, Романа, не хуже меча папы Иннокентия. Беседа эта,

рисующая нам моральный облик благородного и высоко образованного галицкого князя, изумила папского легата, столкнувшегося вместо чаемого варвара, с искуснейшим латинистом и теоретиком-богословом! Ответ Романа увеселителен в стихотворении А. К. Толстого „Роман Галицкий“.

Татары, по дороге на запад, разрушили княжество Даниила, но, в конце концов, оно осталось вне влияния Золотой Орды, как и Великий Новгород. Даниил, энергичный и умный князь, принялся усердно залечивать следы нашествия Батыевых полчищ, и в скором времени его княжество снова обрело свое благополучие и на его плодородные земли вернулись, бежавшие перед монголами, чужеземные поселенцы.

Однако, с исчезновением Киева Западный Край, в тылу которого вместо могучей православной столицы очутились свирепые татары, попал в трудное положение. Даниилу снова стали угрожать западные соседи, желавшие присвоить его богатые владения, пользуясь изолированностью русского княжества, а также литовцы, теснимые с запада немецкими „Рыцарями-Монахами“, одновременно и завоевывающими литовские земли и крестившими в них „огнем и мечом“ язычников, с благословления папского престола.

Дабы избежать гибели, Даниил в 1246 г. решил просить Рим помочь ему в неслыханно-смелом предприятии: в походе против татар для уничтожения Золотой Орды. Разумеется, папа Иннокентий 4-ый (1243-1254 гг.) не обладал ни средствами, ни престижем, достаточными для созыва нового Крестового похода, чтобы освободить непокорных ему русских. Кроме того, узнав о разорении Киева, он вскоре послал к хану, в знак дружелюбия, своего легата францисканца Плано Карпини, который больше года прожил в монгольской столице. Соседние же с Русью государства боялись татар, как огня, и никакие папские индульгенции не могли заставить их выступить против татар.

Несмотря на все эти обстоятельства, папа поспешил

обнадежить Даниила относительно помощи, но предварительным условием выдвинул принятие князем латинства. В продолжении четырех лет Иннокентий убеждал галицкого князя изменить вере, написал ему 16 посланий, прислал королевский венец и, наконец, с помощью польского и немецкого епископата ему удалось склонить Даниила. В 1255 году Даниил наконец принял королевский венец и объявил, что признает папу „своим отцом и наместником Св. Петра“. Помощи же, разумеется, папа никакой ему не оказал, а потребовал через своего легата, чтобы и все население княжества перешло бы немедля в латинскую веру. Тогда Даниил, раскусив, наконец, лицемерную игру Рима, отверг свой королевский титул и в гневе изгнал из Галича латинских прелатов.

Эта неудача сильно раздосадовала Рим, и с той поры польским и немецким государям было папами предписано всемерно добиваться уничтожения „схизмы“, в Западном Крае.

После смерти Даниила в 1263 г. его наследники оказались неспособными уберечь от западных врагов его цветущее, православное княжество. Кроме того, в его упадке сыграли крупную роль междоусобицы, возбуждаемые властолюбивым боярством, оспаривавшим престол у князей.

Вскоре Литва захватила Волынь, а Галич достался Польше. С тех пор началась новая фаза в истории этого древнего русского края. Польские выборные короли всецело подпали под влияние латинского духовенства, среди коего самыми умными и способными были отцы Ордена Иезуитов, появившиеся в Польше и Литве в XVI веке.

Первой мерой католиков в борьбе против Православия было проведение политического и экономического слияния Польши и Литвы в одно государство, возглавленное королем. Литва времен Гедиминовичей настолько обрусела, благодаря присоединению к ней русских княжеств, что при великокняжеском литовском дворе русский язык считался мерилом культурности, а православная вера повсюду укрепилась вместе с обычаями Киевской Руси,

искусством, школами и даже военными науками.

К моменту «Люблинской Унии» (1569 г.), русская партия в Литве была настолько сильной, что Иезуиты боялись атаковать Православие открыто. Королю Стефану Баторию они внушили мысль постепенно лишать русских всех важных государственных постов, заменяя их поляками. Этот король учредил право „патроната“, т.е. над всеми православными монастырями и приходскими землями и имениями был учрежден государственный контроль. Польские чиновники, даже евреи, стали постепенно забирать в свои руки православное имущество и распоряжаться им, вопреки всем законам. Все жалобы королю и Сейму оставались тщетными. Кроме того, поляки дали королю право назначать самому кандидатов на архиерейские кафедры (вместо прежнего утверждения). Так, вскоре повсюду появились недостойные православные пастыри, часто – скрытые католики, что разлагающе действовало на массу верующих.

С XV-го века папе удалось оторвать от Москвы, вошедшую в литовскую орбиту, древнюю Киевскую кафедру (Киев стал простым воеводством). Сперва там правили православные митрополиты, а с тех пор, как Баторий ввел систему королевского назначения появились и изменники. Наряду с этим, не прекращалась ярая колонизация всех классов населения, под наивным предлогом – ограждения от посягательств Москвы.

Наконец, в 1596 году положение православных сделалось невыносимым и часть епископов, во главе с Киевским митрополитом Михаилом Рогозой, согласилась на „унию“ с Римом, т.е. признали папское главенство, думая этим спасти свои епархии. С тех пор и до Екатерины Великой, история православных в Польше представляется как сплошная трагедия. Нет слов передать все насилия и унижения, которыми католики и униаты пытались заставить православных изменить своей вере. Одно время в Западном Крае не оставалось ни одного епископа, часто власти запрещали не только богослужение, но и преподавание Таинств; детей не крестили, мертвых хоронили без

отпевания, браков не совершалось. Униатам же давались все права и привилегии. Лучшие школы содержались Иезуитами, благодаря чему постепенно почти вся знать, воспитывая у них своих детей, изменила вере.

Только при Императоре Николае Первом в 1839 г. уродливое детище Рима – „уния“ – было упразднено, после того, как литовские архиереи, во главе с епископом Иосифом Семашко попросили Русский Синод принять их в лоно прародительской Церкви, и в Полоцке, в первый раз почти за триста лет, торжественно упомянули вместо папы, православных патриархов. Однако, в Галиции униатство держалось благодаря усилиям австрийского правительства, находившегося под сильным влиянием Ватикана.

Там в прошлом веке возникло и укрепилось пресловутое „украинское“ сепаратистское движение, направленное против Российской Империи. Австрийский генеральный штаб и Рим объединили свои старания и всеми средствами развивали, так называемый, „украинский национализм“.

Главным деятелем этого движения был Митрополит Шептицкий. До сих пор движение это пользуется крупными католическими и иными субсидиями, что дает ему возможность издавать за границей газеты, журналы и повсюду располагать привилегиями, недоступными русским беженцам.

На австрийские деньги с прошлого века стала печататься целая литература, псевдо-научного характера, пытающаяся доказать, что не только Галиция, но вся Киевская Русь была „украинским государством“, врагом коего издавна была Москва.

Мы умышленно столь подробно описали в начале этого очерка дух древнего Галича и его связь с Киевом, горячую веру его князей и населения, и вряд ли стоит останавливаться на абсурдных „украинских“ теориях.

Добавим, однако, следующее. Древняя Русь знала много местных патриотизмов: Киевский, Новгородский, Суздальский, Черниговский, Волынский и т.д. Однако все

областные летописцы, т.е. тогдашние историки, прежде всего неизменно считали эти области – Русскими. Например, в Ипатьевской летописи, слова „Русь“, „Русская Земля“, „русский“ и т.д. встречаются много сотен раз, а слово „Украина“ – всего три раза. Украинцами, ведь, назывались тогда окраинные части русских княжеств или самые окраинные княжества, а вовсе не какое-то отдельное от Руси государство или нация.

Таковых „Украин“ в до-монгольский период нашей истории было несколько. Ипатьевская летопись перечисляет Украину Переяславскую, Украину Полоцкую, Украину Волынскую, что отвечало географическому положению этих княжеств.

Летописи не упоминают ни о каком украинском национальном патриотизме в этих областях окраины. Они сами являлись лишь окраиной или „украиной“ единого целого – Русской Земли.

Все летописи без исключения изобилуют, напротив, утверждениями **национального единства Руси**, причем, одним из органов, скреплявших это единство, явилась единая Русская Православная Церковь.

Так древняя наша история в своих памятниках-летописях опровергает начисто, вымышленную врагами Православной Империи и Церкви, теорию „сепаратизма“.

Кроме того, разве не красноречивее всех доказательств – вековая борьба, проведенная населением Западного Края за свою веру и свои национальные традиции?

Вряд ли кучка платных заграничных агентов-крикунов способна будет когда-либо отдалить от России исконно русский православный край, в котором, верим, продолжает жить дух Романа и Даниила Галицких.

Свящ. Моисей Тарасевич

Отец Павел Флоренский

Путь духовного просвещения и усовершенствования в любви, путь движения к её совершенству, и есть, по учению святых, – подвиг христианский. Но этого пути все больше и больше избегала и чуждалась русская интеллигенция второй половины XIX века. С таким настроением умов не могли примириться отдельные крупные, благородные представители русской мысли, вышедшие из рядов этой самой интеллигенции и дышавшие с ней, в основном, одним и тем же академическим воздухом.

Пусть они мыслили не вполне православно; пусть они ошибались, но они звали к вере в Бога, они будили совесть. И только их голос могли слышать русские „образованные“ отщепенцы, а не голос тех, кто жили и учили в духе верности вере отцов и традиций русского „оправославленного“ быта.

Так далеко, к сожалению, отошло русское образованное общество от Церкви и Бога.

Правда, в начале нынешнего века, начинает пробуждаться интерес к религиозным вопросам, что и выразилось в образовании кружков богословско-философского направления, вобравших в себя целый ряд крупных умов предреволюционной России.

Одним из ярких представителей культурной элиты и был о. Павел Флоренский. Сведующие люди пишут о нем, что „это был для XX века редкий ученый – профес-

сионально владевший множеством областей знаний“. Этот человек, по словам А.Солженицына, был проглочен Архипелагом ГУЛАГ навсегда.

О. Сергей Булгаков сравнивает его с Леонардо да Винчи и с Паскалем. „Флоренский был гений до сих пор не превзойденный в России. Трудно найти область знания, где бы о. Павел не был на высоте полного её овладения. Он был математик, астроном, физик, изобретатель, специалист по электрофикации, музыкант, поэт, искусствовед, лингвист, знавший более 20 европейских и азиатских языков, богослов и мистик“. „На древне-еврейском, греческом и латинском языках читал и писал без словаря,“ – как об этом свидетельствует Ф. И. Уделов.

О. Павел родился в 1882 г. на Кавказе. Отец его русский, а мать – армянка. В 1904 г. он окончил Московский университет, а в 1908 г. Московскую Духовную Академию. Состоял профессором Московской Духовной Академии, а с 1911 г. до 1917 г. был одновременно редактором её журнала «Богословский Вестник». С 1919 г. работал в области техники сначала про заводе «Карболит», а затем при Главэлектро, где занимался вопросами электрических полей и диэлектриков, что возможно имело значение для создававшихся тогда электростанций в стране. Имел не менее 12 засвидетельствованных изобретений в химии, электротехнике и других областях. В начале 20-х годов подготовил к печати курс лекций по „энциклопедии математики“. Тогда же опубликовал работы: „Мнимости в геометрии“ и „Число как форма“.

В эти же годы читал в Московском университете курс лекций по ферросплавам. Был профессором электротехнического института. Лекции о. Павел читал в одеянии священника.

У него много сочинений математических (топологические теоремы, много спустя, доказанные на Западе), искусствоведческих (о русских иконах, о храмовом действе), философско-религиозных. В 1927 г. он высказал идеи, предвосхитившие Винаера.

В 1932 г. в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» была опубликована статья о. Павла о машинах для решения задач, по духу близкая кибернетике.

Он участвовал в работе по первому изданию Большой Советской Технической Энциклопедии, выходившей в 1927-36 годах, где сотрудничал в ряде отделов. По данным Модестова, в его статьях 1930 г. ощущается обращенность к вопросам атомной физики.

В первом томе Энциклопедии помещены статьи о. Павла об асфальтовых лаках, асбестовых массах и аспидных сланцах; в 10-м томе – о копалах, в 12-м – о линолеуме. Печататься в русских журналах он начал не позднее 1903 года, т.е. еще будучи студентом. Кроме основных работ богословско-религиозного содержания, имел работы по электротехнике, промышленной технике, товароведению, астрономии, оптике, математике, истории искусств, теории знания, перспективной живописи, фольклору, филологии и литературе. Мог с полным знанием дела говорить и писать по вопросам медицины, психопатологии, оккультным наукам, археологии, психологии зрения, истории дамских мод, генеалогии дворянских родов.

Самое удивительное в нем было то, что всю эту необъятность он нес – точно религиозное послушание – в тишине совершенной, цельности и скромности. Выступая с лекциями, он часто не читал, а говорил, обладая необыкновенной властью живого слова.

„О. Павел был для меня, – пишет о. Сергей Булгаков, – не только явление гениальности, но и произведение искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ... Самое основное впечатление от о. Павла, было впечатление силы. И этой силой была некая первозданность гениальной личности... при полной простоте и всяческом отсутствии внутренней и внешней позы... Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство...“ Математик и физик Флоренский говорит о Боге с трепетом любви и, при этом, еще явно неуверенный в своем праве о Нем говорить.

В своем основном труде «Столп и утверждение Истины», вышедшем в свет в 1914 г. в Москве, о. Павел ничего не навязывает, что было бы чуждо православно-мыслящему человеку.

Более того, несмотря на необыкновенную ученость, у него нет претензии на непогрешимость; он не противоречит учению Церкви, а во всем следует её указанию. И если в своей основной работе, – этой сверхученой, трудной книге, снабженной 1056 примечаниями и экскурсами, кажется, во все виды человеческого знания проникающей, он становится для многих читателей недоступным, то это только потому, что его познания неизмеримо выше как его читателей, так и его оппонентов. Последним следовало бы помнить мудрое правило Св. Василия Великого, изложенное в его письме к неокесарийцам: „Кто судит о сочинении, с тем же запасом знаний, должен приступить к делу, как написавший оное“.

Кажущиеся непроходимыми зарослями его философские теоремы и метафизические построения, пронизываются вдруг лучами такой простоты и ясности, что – диву даешься.

В его тематике, нет и намека на обеспечение для религии равноправности с наукой. Наоборот, равноправность в отношении к религии должна обеспечить себе наука, выйдя на её вечные горизонты, осознав „огненную лаву иррациональности“. Не религия, а наука должна себя доказать, подчеркивает о. Павел.

Понятая в своем страдании и любви, эта книга читается как запись об уже осуществленной жизни в Боге, доказанной великой тишиной навсегда обрадованного ума. Ум, наконец, нашел свою потерянную родину – Дом Отчий! „Церковность – имя тому пристанищу, где великий покой нисходит в разум“, – пишет автор в предисловии к своей книге. И продолжает: „Религия не рассуждение о божественных вещах, а принятие божественного в свое существо“.

Об этом принятии в себя божественного мира опытно учили святые Церкви. Поэтому те лица, которые действи-

тельно живут сокровенной жизнью Церкви, не имеют нужды в учительстве о. Павла Флоренского. Сама благодать просвещает их ум и сердце. Но много ли мы знаем таких людей, особенно среди интеллигенции? Вот, для нее работы о. Павла и сейчас могут быть „введением в Церковь“. „Кто я, чтобы писать о духовном?.. И если я все-таки придаю некоторое значение своим Письмам, то исключительно подготовительное, пока не будет прямого питания из рук Матери“, – говорит о. Павел.

Но, как известно, у всякого человека есть недостатки, были они и у о. Павла; и все же, всякий человек должен оцениваться не по ошибкам и грехам, а по достигнутому им духовному итогу.

Кормчий корабля оценивается по правильности общего курса, которым он ведет свой корабль к пристани. Если этот курс правильный, и мы благополучно и вовремя прибыли, то мы одобряем кормчего, мы благодарны ему, совершенно не думая о том, что может быть были моменты, когда он уклонялся с пути.

О. Павел принял священство в 1910 г. и служил как священник в домовый больничной церкви Сергиева Посада. Он любил повторять, что „Православие показуется, но не доказывается“. В самой книге приводится очень много ссылок на св. отцов, но немало оригинальных мыслей самого автора. Приведем некоторые из них: „Живой религиозный опыт – это единственный законный способ познания догматов“; „Церковь – самое дорогое, что есть для нас на земле, – мост к небу“; „Не может успокоиться в нигилизме тот, кто хочет Истины“; „Философия высока и ценна не сама по себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе“; „Нет любви – значит нет Истины“; „Культура есть воплощение в земной среде божественного начала“; „Своим грехом человек растлевает воздух мира, бытие природы и твари“.

„Св. Серафим Саровский и великие оптинцы – старцы Лев, Леонид и Макарий, особенно же Амвросий – собирают в себя, как в огненный фокус, святую народную. Они – святые, наполовину уже не монахи в узком смысле

слова. Сквозь них, как сквозь далеко-зрительные стекла, виднеется Грядущий. Весь оттенок их тут новый, особый, апокалипсический. Только слепые могут не видеть этого. Легкомыслие или безумие идти дальше не за ними, а помимо их, потому что это значило бы самовольно стремиться сократить от века намеченный ход мировой истории“.

„Святые посты – начатки просветления тела; св. мощи, которые мы лобызаем, – проблески воскресения; св. таинства – источник обожения. Вот залогов и обручений будущего века. Неврастения, все возрастающая, и другие „нервные“ болезни разве не имеют истинной причиной своею стремление человечества и человек жить по своему, а не по Божьему, жить без закона Божия, в аномии. Отрицание Бога всегда вело и ведет к безумию, ибо Бог и есть-то Корень ума. „Тьма“ синологична „греху“. Грех – начало неразумия, начало непостижимости и тупой, безысходной остановки умозрения. Он, – „льстиво-мудрый“, по песнопениям Св. Церкви, – привлекает в мнимую мудрость и тем отвлекает от подлинной“.

„Целомудренное житие есть цельность и неиспорченность человеческого существа. Геенна – это отрицание догмата троичности. Всякое греховное падение кладет известную печать на душу человека, так или иначе влияет на её устройство... Сумма греховных действий составляет некоторое прошлое человека, которое влияет на его поведение в настоящем, влечет его к тем или другим действиям“.

„В светской литературе дух христианского подвижничества доселе решительно не понят, и то, что говорится о нем, говорится внешне и голословно. Слова светских писателей о духовном упражнении, в громадном большинстве случаев, – „жалкие“ слова, отчасти, впрочем, вызванные неумелостью их церковных противников, а отчасти – невозможностью говорить об аскетическом опыте, вне самого опыта“.

Если „нет на Душе спокойствия и мира, а есть смятение и тяжесть: – первый признак безблагодатной души,

неблагодарной к жизни, отвергающей бесценный дар Божий, горделиво желающей все бытие перестраивать по своему“.

„Богослужение есть цвет церковной жизни и, вместе с тем, корень и семя её“. И дальше: „Я старался передать тебе, как я понимаю эту письменность. Может быть, я ошибаюсь? Было бы хорошо, если бы ты указал мне, – в чем? Ведь предел моих стремлений – в том, чтобы уяснить себе церковное сознание, и нет ничего более чуждого целям моей работы, как желание изложить „свою“ систему. Скажу более решительно: если тут, в работе моей, есть какие-нибудь „мой“ взгляды, то – лишь от недомыслия моего, незнания или непонимания. Столп Истины – это Церковь, это достоверность, это духовный закон тождества, это подвиг, это Триипостасное Единство, это свет фаворский, это Дух Святой, это целомудрие, это София, это Пречистая Дева, это дружба, это – паки Церковь. Священное Писание и догматы – выше плотской рассудительности и, значит, не могли бы быть придуманы человеком, т.е. – божественны“.

Это – тот самый вывод, к которому мы пришли в настоящем сочинении, поясняет о. Павел. И продолжает: „Мир духовный, реальнее мира тленного“, и что „все прекрасно в личности, когда она обращена к Богу, и все безобразно, когда она отвращена от Бога“.

„Любовь ко злу есть наиболее выразительное проявление порчи человеческой природы, и никто не может сказать, что он вполне чист от этой извращенности“.

В этой замечательной книге, из которой мы привели несколько выдержек, всего 809 страниц. Часть их для многих читателей почти недоступны из-за высоты их научного уровня. Но, ведь книга написана не для благочестивых верующих православных христиан, а для „ученых книжников“.

Вот это и нужно иметь в виду, чтобы не ломиться в открытую дверь.

В заключение приведем слова епископа Феодора – Ректора Московской Духовной Академии. Вот, что он писал:

„Читая книгу автора, чувствуешь, что вместе с ней растешь духовно“. Подобное чувство испытывали и мы, читая этот труд.

Отец Павел провел около 10 лет в лагерях. От него требовали публичного отречения от веры, но он не уступил насильникам и умер 15 декабря 1943 г. исповедником и мучеником за веру в Бога в обличение богоборческой власти – партийных гонителей русского православного духа.

Таков, вкратце, духовный облик нового страстотерпца о. Павла Флоренского, человека духовной глубины и универсальной творческой мысли. Думается, что на путях отвержения мертвящей марксистско-ленинской антихристианской идеологии, о. Павел и его труды сыграют положительную роль в деле победы веры над неверием и света над тьмой.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Российский Марко Поло –

Афанасий Никитин

Как странно, как сладко входить в ваши грезы
Заветные ваши шептать имена
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

Н. С. Гумилев

Имя венецианского гостя, путешественника Марко Поло, широко известно за пределами его родины – Италии. Знакомо оно и в России. Но, как ни странно, своему замечательному путешественнику, тверскому гостю – Афанасию Никитину, в России уделено очень мало внимания.

В итальянских городах в честь Марко Поло названы улицы, площади, парки... И хотя Афанасий Никитин заслуживает славы и признательности своих соотечественников отнюдь не меньше, чем прославленный венецианец, редко где в России отмечено имя тверского гостя. Правда, в родном городе Никитина – Твери, бесцеремонно переименованном коммунистами в Калинин, на берегу Волги поставлен красивый памятник. Рядом со стругом стоит на высоком пьедестале бронзовая статуя Никитина. Его взор обращен на Волгу, а в руке он держит сверток – рукопись его повествования о путешествии в Индию, „Хождение за три моря“.

Много общего у Афанасия Никитина с Марко Поло. Оба жили в одну и ту же эпоху; оба были по роду занятия купцами и первыми европейскими путешественниками, проникнувшими глубоко в страны Востока, в то время незнакомо и таинственного: Марко Поло в Китай, Никитин – в Индию. И оба оставили ценные записи о своих путешествиях с подробными описаниями нравов, обычаев и событий, происходивших в этих странах во время их пребывания там.

Нужно заметить, что в то время как Марко Поло свои повествования обильно добавлял фантазией, в записях Афанасия Никитина элемент фантастики отсутствует, если не считать некоторых неправдоподобных рассказов, которые он слышал от местных людей, и в которые, надо полагать, он отчасти и сам верил, хотя по тому времени и был человеком вполне образованным. Так, например, он рассказывает об „обезьяном князе“, защитнике обезьян. Не дай Бог, если обиженная людьми обезьяна пожалуется своему князю: „... и он посылает на того свою рать, а она пришед на град и дворы разволяют и людей побьют, а рати их сказывают, вельми много и язык их есть свой“. Не отсюда ли у писателя Ремизова его обезьяньи князья?

Сообщает Никитин и о мистической птице „гакук“: „а на которой хоромине сидеть, то человек умрет, а кто ее хочет убите, ино у нее изо рта огонь выйдет“.

Однако, все неправдоподобности ничуть не снижают ценности повествования „Хождение за три моря“, как исторического труда.

Весной 1466 года, за четверть века до того, как в поисках пути через океан в Индию, Христофор Колумб отплыл со своими каравеллами от берегов Испании, в Нижнем Новгороде, тоже переименованном еще Сталиным в честь босяцкого писателя – в Горький, от набережной отчалили два корабля, оснащенные парусами и имеющие по 16 весел каждый. На одном корабле возвращался домой на Кавказ шериванский посол Хасан-бек, которого сопровождал русский посол Василий Папин; на

другом корабле плыла торговая миссия из двенадцати тверских и московских купцов, которую возглавлял Афанасий Никитин.

Хасан-бек вез шериванскому хану Ясару живые подарки от великого князя Ивана III – девяносто охотничьих кречетов. Купеческий корабль был нагружен разными товарами: кожами, мягкой рухлядью, т.е. ценными мехами, воском и медом.

Афанасий Никитин был назначен (или выбран) главой экспедиции не случайно. Он был опытным путешественником и успел побывать в Польше, Валахии, Подолии, а по некоторым предположениям – и в Константинополе, еще до захвата его турками в 1453 году. Перед отплытием в Шемаху ему была вручена охранная грамота великого князя Ивана Третьего.

Путь предстоял долгий и опасный. В то время среднее и нижнее течение Волги все еще находилось в руках татарских ханов, и татары редко пропускали торговые суда, как русские, так и персидские, чтобы их не разграбить, а их команды сделать своими рабами. Было решено опасные места проходить ночью. Весенний попутный ветер быстро гнал корабли, так что если татары их и замечали, то вряд ли могли догнать на своих челнах. Благополучно прошли мимо Казани, Сарая, Берекезани и подошли к Астрахани раньше, чем предполагали. Хотели миновать незамеченными и Астрахань – ночью, по-темному; а путь к морю, как более безопасный, выбрали по одному из рукавов Волги – Бузань-реке.

Корабли пошли в темноте под парусами, без весел, бесшумно, но как на зло, взошла луна, и они были обнаружены татарскими стражниками, которые закричали: – „Кочьма, не бегите!“

Не обращая внимания на окрики, русские продолжали путь. Разъяренные татары устремились на своих челнах к кораблям. На русских посыпались стрелы, но путешественники решили не сдаваться. У бортов кораблей завязалась ожесточенная схватка, во время которой несколько

пиратов было убито и ранено. Был убит и один русский, несколько ранены.

Отбившись от татар, корабли стали быстро уходить, но, к несчастью, торговый корабль наскочил на поставленные для ловли рыбы заграждения и вынужден был остановиться. Корабль посольский, которому удалось вырваться далеко вперед, у самого входа в море, сел на мель. Не имея возможности выйти в море, путешественники сдались. Захватив корабли, татары их разграбили, причем было отобрано и личное имущество. Но узнав, что один корабль посольский, а вся торговая миссия находится под покровительством Великого Московского Князя, хан Касым, не желая вступать в конфликт с Москвой, корабли отпустил. Однако, захваченные товары он не только не вернул, но еще и задержал четырех купцов с намерением получить от их родственников выкуп.

Наконец, удалось избавиться от хана Касыма и выйти в море. Здесь путешественников ждало новое испытание. У кавказского побережья их настиг сильный шторм, во время которого корабли потеряли друг друга из виду. Купеческий корабль, несмотря на мужественную борьбу команды с разыгравшейся стихией, был выброшен на берег. Здесь на потерпевших крушение напали кайтаки и увели их в плен. Посольский корабль, на котором находился Никитин, преодолев бурю, благополучно прибыл в Дербент.

Вскоре здесь были получены сведения о судьбе купеческого корабля. Посол Панин обратился к правителю Шемахи, Феруку Ясару, чтобы он содействовал освобождению купцов и команды корабля из кайтакского плена. Они были освобождены и доставлены в Дербент. Положение русских путешественников, ограбленных и оставшихся без всяких средств, было незавидное: одни остались в Дербенте, в ожидании лучших времен; другие, как отмечает Никитин, – „Заплакав, да разошлись кои куды“. Часть отправилась пешком в Баку, уже и тогда большой портовый город, откуда ходили корабли не только в персидские порты, но и на Волгу. Направился в

Баку и Никитин, но долго он здесь не оставался, и пустился в путешествие через Персию к берегам Гондустонского моря, как тогда называли Персидский залив.

Скитаясь по Персии, Никитин услышал, что в Индии лошади стоят больших денег, ибо как будто бы они там не рождаются. Надо полагать, что у Никитина сохранилась какая-то сумма денег, на которые он смог купить коня, чтобы верхом отправиться путешествовать по Индии, а потом коня выгодно продать. Из персидского порта Бедер, он переправился на персидском торговом судне через пролив на остров Орзум. Здесь ему пришлось прожить целый месяц, пока не нашлось судна, владелец которого согласился взять его вместе с конем в Индию.

Плыть пришлось почти два месяца, так как судно заходило во многие персидские порты, а также в Маскат на Аравийском полуострове. Первый индийский город, куда зашло судно, был Контбад, но сошел с корабля Никитин в Чауле – портовом городке вблизи Бомбея.

„И тут есть Индийская страна, и люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родят на всякий год, а детей у них много, а мужи и жены все черны“, – записал первый русский, прибывший в Индию.

С Малобарского побережья Никитин отправился на своем коне дальше на восток, в Бахманское царство. Индусы с изумлением, а подчас и со страхом, смотрели на невиданного ими белого человека с белокурыми волосами и голубыми глазами, и Никитин записал: „...яз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку“.

Первая длительная остановка была сделана в Джунире, где путешественника застала индийская зима. Этот период здесь сопровождается сильными ветрами – муссонами – и обильными дождями. Никитин остановился в „подворье“ – даровом помещении для путешественников. Джунирский хан, узнав, что в городе находится чужестранец, неведомо какой веры, решил перевести его в мусульманство. Конь был отобран, и Никитин приведен к хану...

„...И молвил: жеребца дам, да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу в Махмет дени; а не станешь в веру нашу в Махмет дени, и жеребца возьму и тысячу золотых на главе твоей возьму. А срок учинил на 4 дни, в говейно Успени на Спасов день. И Господь Бог смиловался на свой честный праздник, не оставил он меня милости грешного и не повеле погыбнути в Чюнере с нечестивыми“.

За Никитина заступился приезжий ходжа Мухаммед и уговорил хана, чтобы он русского в мусульманскую веру против его воли не переводил. Никитину вернули жеребца, и он отправился дальше на восток, в столицу Бахманского султанства Бидару. Здесь тверскому гостю повезло: он заводит знакомство в торговых кругах, и большую часть своих путешествий совершает, сопровождая индийских купцов в их торговых поездках. В Индии, конечно, слыхали о далекой России не только в правительственных кругах, но и в торговом мире, ибо навещающие Индию персидские купцы, рассказывали о громадной северной стране, которая подвергалась нашествию монголов. А так как и сама Индия испытала на себе четыре монгольских нашествия, то индусы отнеслись к русскому гостю благожелательно, и оказывали в его начинаниях всяческую поддержку. Но простой люд часто бывал подозрителен к белому чужестранцу, В те времена, как впрочем и в настоящее время, между приверженцами старой буддийской религии и новой – Ислама, шла кровавая вражда, и индусы, подозревая, что чужестранец мусульманин, неохотно вступали с ним в разговоры. Но когда Никитин им заявлял: „есми не бессерменин (т.е. – не бусурман), и есмь христианин, а имя ми Офонасий, а бесерменское имя Хозя Исуф Хоросани (вероятно, так прозвали Никитина в Персии). И они же не учили ся от меня крыти ни в чем, ни в явстве, ни в торговле, ни в манзу (молитве), ни в иных вещах, ни жен своих не учили крыти... А вер в Индии всех 80 и 4 веры, а все веруют в Бога; а вера с верою ни пить, ни ясть, ни жениться, а иные же бонину, да куры, да рыбу, да яйца

ядять, а воловины не ядять никакая вера“.

В то время Индия, раздробленная на множество феодальных царств и княжеств, пылала в огне междусобных войн, и передвижение по стране было связано не только с трудностями, но и с опасностью для жизни. Бахманское султанство, куда прибыл Никитин, вело длительную войну с Виджаянагаром, расположенным на берегу Бенгальского залива. Несмотря на военное положение, Никитин все время находился в пути и посетил сотни городов, крепостей, священных мест, стараясь не пропустить ни одной ярмарки или религиозного праздника. Так, чтобы увидеть религиозную процессию в священном городе Парвате, Никитин провел в пути более месяца. Удивляешься его энергии и неутомимости, когда читаешь его заметку:

“Проезжал на всяк день, по три града, а иной день и четыре грады...”

И все, что ему казалось замечательным, он записывал, не упуская подробностей, чтобы вернувшись в Россию, поведать о сжигаемой солнцем и заливаемой ливнями индийской стране. Приведем выдержку из его повествования о выезде султана Мухаммеда III в Бидаре, чтобы показать, с каким мастерством и точностью он описывал пышную процессию азиатского властелина:

“На баграм (праздник) бесерменский выехал султан на теферич, ино с ним 20 вызерев великих, да триста слонов наряженных в булатные доспехи да в городки, да городки окованы, да в городках по 6 человек в доспехах, да с пушками, да с пищалами; а на всяком слоне 12 человек, на всяком слоне по два прапорца великих, да к зубам привязаны великие мечи, да к рылам привязаны великие гиры... да коней простых тысяча в снастях золотых, да верблюдах сто с нагарами (барабанами), да трубников 300, да плясцов 300, да ковры (наложниц) 300. Да на султане кован весь сажен яхонты, да на шапке чичак алмаз великы, да сагадак золот с яхонты, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золото; да перед ним скачет кафар пеш да играет теремцем, да за ним пеших много, да за ним

благой слон идетъ, а весь в камке наряжен, да обивает кони и люди, чтобы кто на султана не наступал близко“.

Почти три года провел тверской гость в Индии. Его торговые дела большого успеха не имели. Никитин жаловался: „Налгали мне псы-бесермени, сказывали всего много нашего товару, ан нет ничего на нашу землю... Перцу да краска-то дешева, привезти – пошшины не дают... кто морем возит, тот пошшины не платит. Да на море разбойников много, разбивают корабли“.

Весной 1472 года он оставляет Индию и возвращается в Персию. Но его обратный путь на родину лежал уже не через Каспий по Волге, а через Турцию и Черное море. К тому времени громила Константинополя, султан Магомет II, затеял войну с не менее кровожадным туркменским ханом Узун-Госаном. Северная Персия и Армения были наводнены туркменскими войсками – путь к Каспийскому морю был закрыт. Никитину ничего другого не оставалось, как попытаться пробраться в Россию через Турцию.

Ранней осенью 1472 года он переходит границу и прибывает в Трапезунд. Здесь у него не только отобрали все ценности, но и обвинили его в отношениях с туркменами, хотели казнить. После допросов, в конце концов, его отпустили, но из забранных денег не оставили даже на оплату переезда по Черному морю. Мытарства в Трапезунде продолжались целый месяц, пока владелец торговой фелуки, шедшей в Крым, не согласился взять Никитина с условием, что за переезд он заплатит в Феодосии, где была русская торговая колония, на помощь которой рассчитывал Никитин.

В ноябре фелука пришла в Феодосию. Соотечественники тепло приняли Никитина, и здесь, среди своих людей, он мог отдохнуть и привести в порядок свои записи. Никитин хотел прибыть на родину уже с законченной книгой о своем путешествии по стране, где: „В бухане же Буг вырезан ис камня, вельми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко да простер, аки Устьян царь Царяградскы... а гузно у него обя-

зано ширинкою, а виденье обяыянено... а перед Бугим же стоит вол вельми велик, а вырезан ис камени ис черного, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на него цветы“.

Когда „Хождение за три моря“ было закончено, Никитин распрощался с приютившими его земляками и отправился к устью Днепра. Дальнейший путь на родину шел по течению Днепра, древнему русскому пути „из варяг в греки“. Не вез тверской гость дорогих заморских товаров: ни шелка, ни парчи, ни шафрана, ни перца... легкий у него был груз, но груз этот был дороже золота – „Хождение за три моря“.

Но родной Твери Никитин не достиг. Не довелось ему осенить себя крестным знамением перед золотоглавым Спасом. Повидимому, изнурительное путешествие надломило его силы. Он заболевает и умирает в пути вблизи Смоленска.

В середине 30-х годов мне довелось побывать в Индии. В то время, будучи молодым человеком, я плывал на голландском торговом судне, и мы привезли из Нью Кэстля в Бомбей ткацкие станки, а в Бомбейском порту взяли груз хлопка. Судно наше разгружалось и нагружалось ровно десять дней. И каждый день, как только я освобождался от работы, я отправлялся бродить по Бомбею. Громадный, многомиллионный и сказочно-необыкновенный город поражал не только своим азиатским великолепием, но и контрастами. За тенистыми пальмовыми аллеями, окруженные изумрудной листвой деревьев и экзотическими цветами, блестели бежевым и голубым мрамором дворцы, в которых жили люди, носящие на своем теле и одежде по фунту золота и драгоценных камней. А в пятнадцати минутах ходьбы от великолепного вокзала „Виктория“, похожего тоже на сказочный дворец, начинались пыльные и нестерпимо вонючие улицы, где в окнах домов даже не было стекол, и они завешивались грязными тряпками. Тут люди жили не только в домах, но и на улицах. Здесь на грязных панелях они готовили свою скудную пищу, спали, развлека-

лись, молились и мазали свое и без того вонючее тело коровьим пометом; а все их имущество состояло из дырявого коврика, заношенной длинной хлопчатобумажной рубахи и таких же штанов.

Позднее, по возвращении в Европу, перед моими глазами еще долго стояли картины необыкновенной роскоши и нищеты. Но со временем картины эти поблекли, потеряли резкость, как бы прикрылись тенью, потеряли реальность. Но вот недавно мне случайно в руки попала книга Никитина „Хождение за три моря“. Книгу я прочел не отрываясь ни на одну минуту, и Индия опять встала передо мной в полной ясности и резкости, как будто бы я побывал в Бомбее не многие годы тому назад, а совсем недавно – так образно и живописно передает Никитин экзотику Индии. Не знаю как теперь, но до 2-й Мировой войны, мало, очень мало, изменилось в Индии за 500 лет, т.е. с тех пор, когда по ней путешествовал тверской гость. „А люди все черные, а все злодеи, а женки все бесстыдные, да ведь, да тать, да лож, да зельи, господаря морят...“ Автомобили на улицах и океанские корабли в порту, мало нарушали индийскую экзотику, и как во времена Никитина, все еще бегали полуголые и потные рикши со своим живым грузом. „Ханы же ездят на людях, а слонов и коней у них много добрых“, – но теперь они возили не только ханов и магарадж в шелковых одеяниях, но и англичан в белых костюмах и пробковых шлемах.

Нет, „Хождение за три моря“ не обещало за многие столетия, и большое счастье, что труд русского путешественника, прибывшего в Индию, когда еще не начали строить тот корабль, на котором прославленный португальский мореплаватель Васко да Гама совершил туда свое плавание, не пропал. Московская палата Великого Князя Ивана III включила „Хождение за три моря“ в список государственных документов, и рукопись не затерялась среди множества других государственных документов. Но пройдет еще несколько столетий, прежде чем рукопись будет оценена и переведена на иностранные

языки. Историкам она служит пособием к изучению средневековой Индии; филологам – к познанию старорусского языка и древней русской литературы.

Никитин был замечательным русским человеком и первым европейцем, описавшим географическое, экономическое и политическое положение Индии того времени. Еще в прошлом столетии важность путешествия Афанасия Никитина и ценность его записей были утверждены авторитетом знаменитого филолога и археолога И. И. Серезневского. Автор сочинения „Древние памятники русского письма и языка“ отметил: „Записки Никитина – памятник в своем роде и для своего времени... в такой же мере единственный и важный, как „Слово о полку Игореве“.

„Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно, и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и переходящих, от рабства, от векового гнета, от загробелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом...“

Ф. Достоевский

НАША СТРАНА

**ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**еженедельная национальная газета
основанная в 1948 году И. Л. Солоневичем**

Издатель М. В. Киреев. Редактирует редакционная коллегия.

**Неподкупная, свободная от партийных или групповых влияний,
потому что не зависит ни от каких и ничьих субсидий.**

**Незыблемо стоящая на трех исконных русских китах „За Веру,
Царя и Отечество“.**

**Непосредственно связанная с молодыми единомышленниками от-
туда, верящими в возрождение Самодержавия, как единственное
спасение от любого партийного рабства.**

**Документально разоблачающая подвохи, происки и ложь врагов
России и православной Церкви; врагов их прошлого, настоящего
и будущего.**

**Дающая оценку мировым событиям, прошедшим и нынешним, в
свете российских народных интересов.**

**Объединяющая на своих страницах талантливых публицистов, вы-
дающихся знатоков литературы, экономики, истории, политики и
военной науки.**

У газеты нет других хозяев, кроме самих читателей.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой 0,80 ам. долл.

Почтовые переводы и чеки посылать:

**Miguel Kireeff
Monroe 3579-11
1430 Buenos Aires, Argentina**

О. Поляков

О положительном национальном идеале

Что мы называем положительным национальным идеалом? Это то видение будущей России, тот набор идей и суждений, который позволяет нам выбирать правильный путь к построению этой будущей России во всех превратностях нашей личной судьбы, судьбы нашей родины, хитросплетениях и противоречиях как политической борьбы на родине и за рубежом, так и международных отношений. Это, конечно, не детальный проект новой России и не подробный маршрут к ней, а основные устои и основные вехи.

Вопрос положительного национального идеала в основе своей довольно прост. Этот идеал жив в сердцах большинства русских патриотов за рубежом, и, к величайшей радости, он начинает пробуждаться и утверждаться в сердцах многих подсоветских людей. Но и здесь и там имеются определенные трудности, известные отклонения. Здесь, за рубежом, они вызваны, можно сказать, избытком свободы суждений и информации, там, в подсоветской России – недостатком таковых.

В эмиграции, как часто мы видим, что кто-либо, придерживаясь в общем тех идей, которые мы в дальнейшем определим, как основу национального идеала, накладывает на них какую-то частную, специфическую мысль, какое-то особое политическое, часто персональное усло-

вие, гипертрофирует значение какой-либо детали и не только вступает в жесточайшую борьбу с другими эмигрантами, исповедывающими, в самой основе, то же самое, но в результате увлечения этим второстепенным, принесенным (или какой-то, возможно и важной, частью основной идеи), теряет истинную перспективу и начинает принимать неверные решения. Характерными такими случаями – помимо многих других – является образование до войны в эмиграции довольно крупного политического движения „младороссов“, людей, которые во главу угла ставили восстановление монархии и во имя этого пошли на соглашательство с большевиками, или же, в настоящее время, совпатриотизм во имя защиты России от Запада.

В Советском Союзе причины недостаточного или неправильного понимания национального идеала иные. Прежде всего, трудно отрешиться от назойливо и весьма искусно навязываемых догм марксизма-ленинизма. Даже если человек сознательно отрекся от них, влияние их на его образ мышления помимо его воли сохраняется еще продолжительное время. С другой стороны, недостаток свободной информации и обмена мнениями приводит к тому, что те схемы будущей России, которые создаются подсоветскими людьми, страдают однобокостью, приданием чрезмерного значения несущественным деталям и пропуском более существенных черт.

По той причине, что вокруг истинного, коренного положительного национального идеаларосло много лишнего, балластного, и что многое принимается за основное, ключевое, не являясь таковым или же является только частью ключевого, мы начинаем именно с расчистки, освобождения от лишних идей и суждений, обычно вредных для положительного национального идеала. Порядок изложения отнюдь не определяет значимость одного или другого положения.

Наш положительный национальный идеал не может основываться только на антикоммунизме. Прежде всего, понятия „анти“ и „положительный“ несовместимы. Голый антикоммунизм – это только разрушение, а не

созидание. Утверждение, что нужно только убрать коммунистическую власть и наступит общее счастье и благоденствие не только нелепо, но и вредно, так как отрицает потребность самого важного – творческой, созидательной альтернативы советской власти.

Но пока существует советская власть и порабощает нашу родину, пока коммунистическая марксистская идеология калечит душу нашего народа, антикоммунистическая борьба остается нашей важнейшей задачей. Она не часть нашего положительного национального идеала, но необходимое условие для его осуществления на практике, так как наш национальный идеал несовместим с марксистским идейным, политическим и социальным учением, противоречит государственной практике коммунистического государства. Нужно понимать, что коммунизм представляет собой целостную систему, охватывающую все области жизни; наш положительный национальный идеал, как мы увидим ниже, также целостная система. Тут невозможны никакие компромиссы, соглашения – „это нам, это вам“. И никакие временные отступления коммунистов, попытки их использовать в своих целях какие-то элементы нашего национального идеала, никакие „особые“ международные положения не снимают этой задачи – полного освобождения нашей родины и всего мира от коммунизма.

Но безусловное отрицание коммунизма и советской власти не должно приводить к ошибке, в которую многие впадают, особенно в эмиграции – полное отрицание и охаивание всего, что было и что имеется сейчас в Советской России. Некоторые доходят до того, что просто вычеркивают советский период из истории России. Нелепость этого очевидна – и ранее в истории нашей родины были периоды упадка, годы лихолетья, но никому же, например, не приходит на ум вычеркивать из истории России смутное время. Затем нельзя забывать о том, что русский народ в революцию никому не хотел зла, наоборот, он был обманут фальшивыми, несбыточными обещаниями большевиков. Так или иначе, ком-

мунистам приходится считаться с этими стремлениями народа и там, где это не представляло опасности для них, а иногда даже способствовало их целям, они провели ряд реформ, полезных для народа и достойных сохранения в будущей России (особенно когда с них будет снята марксистско-ленинская короста). Второе, чего не нужно забывать: волею судеб, географические и этнические границы советского государства – СССР – совпадают с границами России. Советская власть для своего укрепления вынуждена делать многое в области промышленности, науки и техники и во многих других областях, что полезно для России и русского народа. Замечание, что без советской власти было бы построено и больше, и лучше, вполне обоснованно, но уверять, что не следует обращать внимания на то, что все же что-то построили, просто оскорбительно для тех, кто в это строительство вложил свой разум и труд. Наконец, какие бы ни были притеснения, такой великий народ, как русский, не может не творить, не создавать новые ценности в науке и искусстве. Правда, и тут сказывается тлетворное влияние советской власти, часто она принуждает художников, артистов и особенно писателей служить не правде и красоте, а лжи. Но несмотря на это, за период советской власти русский народ все же сумел создать много такого, что будет вечно составлять гордость России.

Русский народ под советской властью не потерял своей национальной гордости, и ему есть чем гордиться, будь то созданное по воле советской власти, при её попустительстве или против её желания. Есть, конечно, вещи, которые могут не понравиться кое-кому в эмиграции. Например, победа над немцами во второй мировой войне – предмет национальной гордости подсоветских людей.

В общем, все то хорошее и полезное, что имеется сейчас в Советском Союзе, имеет право и должно стать какой-то частью нашего национального идеала.

Для немногих людей (к счастью, их немного), вся антикоммунистическая борьба сводится к одному слову: „отомстить“. Причем отомстить скопом, без разбора.

Безумство такого подхода настолько очевидно, что и говорить об этом не стоит. Словно мало невинной крови пролито на Руси. Кто в Россию собирается не с любовью, а со злобой в сердце, тому не место там.

Реставрация дореволюционной России, восстановление старых порядков, не может быть основой нашего национального идеала, хотя многое, и даже очень многое заслуживает включения в этот идеал. Но просто восстановить старое и начать жить по-старому – невозможно и не нужно.

Невозможно, потому что прошло уже почти 70 лет с момента революции, и нельзя рассматривать революцию, как какое-то крушение поезда – сошел поезд с рельс, нужно его поставить назад на рельсы и он покатится дальше по тому же пути. Увы, уже нет ни поезда, ни рельс и даже нет тех людей, которые были в этом поезде. 70 лет советской власти не прошли бесследно, изменилась и страна, изменились и люди.

Собственно говоря, изменения произошли не только по желанию и под влиянием советской власти. 70 лет – большой срок, весь мир изменился за это время, и если бы не было революции, Россия бы тоже изменилась. Мы не знаем как бы она изменилась. Сейчас трудно оценивать, какие изменения на нашей родине произошли в силу естественного исторического развития, а какие – последствие советской власти, но пытаться повернуть историю вспять – затея безнадежная.

Но помимо того, что в силу неизбежных исторических изменений стала невозможной реставрация дореволюционной России, нам нужно задуматься, насколько такая реставрация разумна и оправдана? Для этого нам нужно осмыслить – что же произошло в 1917 году, в год крушения российской государственности.

В этом отношении имеются различные мнения, которые в своих крайних выражениях, могут быть сведены к двум диаметрально противоположным схемам.

По первой схеме, Российская империя была целостной, без серьезных национальных и социальных против-

речий. В ней царила свобода, справедливость и благоденствие, а божественное начало сливалось с земным, человеческим через помазаника Божия, Царя. Империя выражала высшую волю, отражавшуюся в блеске царско-сельских парадов, в святых подвижниках русской земли, в мирном пахаре, в мужике-богоносце.

По второй схеме, Россия – это тюрьма народов, раздираемая национальными и религиозными противоречиями, страна произвола и насилия, управляемая глупыми царями и блудливыми царицами при помощи самодуров-бюрократов, страна тяжелого экономического и социального положения низших классов, малоземелья крестьянства, неграмотная страна тьмы.

По первой схеме, революция – это бунт черни, случайно удавшийся, заговор „темных сил“ и предателей Бога и нации. По второй схеме, революция была не только неизбежна, но и благодатна, она дала свободу народу, которую обманом узурпировали большевики. Когда выявились плачевные, преступные последствия революции, приверженцы второй схемы разделились на три основных потока – тех, кто ждет все же добра от коммунистической власти, уповая на её эволюцию; тех, кто считает, что революция попала не в те руки, в которые следовало и что они бы довели страну до благоденствия, если бы не большевики; и, наконец, тех, для которых и революция, и марксистский коммунизм хороши, да все **русские** испортили.

Для нас ни одна из этих оценок дореволюционной России не верна, и ни одна из схем революции и оценок её неприемлема. Мы воспринимаем и ощущаем Россию иначе, любим её в её величии, и в её падениях. Это, так сказать, наш иррациональный подход. Но и при рациональном подходе мы не можем принять схему, по которой Россия – царство тьмы. Мы не склонны идеализировать старую Россию, хотя для этого наличествует большой соблазн: действительно, по сравнению с ГПУшником, раскулачивающим, ссылающим, расстреливающим крестьян; помещик, подвергавший порке

крестьян – суший ангел. Но мы знаем, что в старой России было много хорошего, прекрасного, великого и достойного подражанию и восстановлению. Прежде всего, – это сами устои жизни, то, на чем покоился народный характер, чем строилась и жила Россия: религиозный, для русских – православный, – подход к жизни, глубоко моральное, этическое восприятие мира, религиозная, национальная и социальная терпимость, дух милосердия, сотрудничества и взаимопомощи в экономической и социальной жизни, дух служения и миссианства в государственной, внешнеполитической жизни. Но мы также не можем согласиться, что революция, уничтожившая все это, была просто удачным бунтом, не имеющим серьезных оснований под собой, или же заговором враждебных сил. Было, конечно, и одно, и другое, но успех революции предопределен был кризисом, в котором находилось дореволюционное русское общество и вся Российская империя. О причинах кризиса и о его проявлениях писалось и говорилось уже много, нам же кажется, что в условиях изменившихся социальных и экономических потребностей народа, правящий класс России не сумел обеспечить управление страной с соблюдением исконных русских народных традиций и принципов (о которых мы говорили выше), свел эти принципы к пустой формальности, цеплялся за форму, а не за дух. Русская же интеллигенция, вместо того, чтобы помочь преодолению этого кризиса, начала искать решений и вдохновения на стороне и только усугубила кризис, стремясь к внедрению в Россию социальных и экономических принципов, чуждых русскому духу.

Поэтому, отрицая возможность, а также целесообразность полной реставрации дореволюционной России, мы должны признать, что **только** те основополагающие принципы, тот народный дух, на котором строилась сперва Русь, а затем Россия, все то, что было внутренним содержанием социальной, экономической и государственной жизни страны (и что, к великой беде нашего народа, было значительно утеряно – или обесценено – перед револю-

цией), могут стать основой основ нашего положительного национального идеала.

Одной из частых форм стремления к реставрации старых порядков, является стремление к безусловному восстановлению монархии. Не отрицая принципиальной возможности восстановления монархического образа правления, мы должны заметить, что монархия – это не строй, а образ правления, во многих случаях, довольно второстепенная часть системы правления. Монархический образ правления далеко не определяет сущность социального и экономического строя. Мы видели на русском престоле и грозного Ивана IV, и тишайшего Алексея Михайловича, диктатора-реформатора Петра I и либерального реформатора Александра II, и авторитарных консерваторов Николая II и Александра III, немецкую принцессу Екатерину II, возвеличившую Россию, и её сына Павла I, ни в грош не ставившего все русское. Да и реальная власть монарха весьма различна. Все зависит как от его личных качеств, так и от наличия или отсутствия конституции и т.п. Не секрет, например, что власть английского монарха значительно ниже власти президента США. Так что, оставляя вопрос открытым о том, будет ли в России монархия или нет, мы должны согласиться, что это вопрос второстепенный с точки зрения национального идеала.

С вопросом реставрации старых порядков тесно связан вопрос о роли Церкви в управлении государством. Мы очень часто встречаемся с мнением, что будущая Россия должна быть чуть ли не теократическим государством, что власть должна быть на некоторое время передана патриарху и т.п. При этом ссылаются на так называемую „симфонию“, имевшую место в допетровской Руси – согласованное управление народной жизнью Церковью и монархом. К сожалению, как в русской, так и во всемирной истории, подлинной „симфонии“ достигали редко, чаще были поползновения одной или другой стороны верховодить. Как раз стремление передать Церкви какие-то функции гражданской власти будет нарушением

„симфонии“. Кроме того, „симфония“ в чистом виде требует наличия монарха, причем самодержавного – хотя принцип „симфонии“: согласованность действий, взаимопомощь при разделе сфер деятельности Церкви и гражданской власти, применим и к другим формам власти и осуществление его в будущей России весьма желательно. Наш национальный идеал предусматривает решающую роль Церкви в деле духовного возрождения русского народа, но в области политической и государственной роль Церкви должна быть не руководящей, а вдохновляющей.

Наконец, остановимся еще на одном ошибочном представлении о положительном национальном идеале – о стремлении некритически перенести западный опыт в Россию, построить новое российское общество и государство по образу и подобию Запада, в частности, пересадить туда западные либерально-демократические формы социальной жизни, экономику, основанную на духе беспредельного стяжательства и беспринципной конкурентной борьбы, и, что наиболее тревожит, западную духовную (если вообще так можно выразиться) жизнь и мораль.

Наше неприятие западного опыта в качестве основы нашего национального идеала, базируется на двух посылах. Первая. мы не считаем, что положение на Западе – особенно в области духовной жизни – достаточно хорошо, чтобы считать Запад образцом. Второе – многое, хорошее и привычное для Запада, непригодно для России, так как не соответствует духу русского народа,

Как бы ни был высок жизненный уровень в некоторых странах Запада, совершенно очевидно, что нет сплошного благоденствия и что ряд стран, несмотря на то, что они придерживаются западных рецептов устройства своей экономики, не богатеют, а нищают, фактически увеличивается разрыв между богатыми и бедными. Правда, Россия с её несметными природными богатствами, развитой (но в настоящее время малоэффективной) промышленностью и значительным количеством квалифицированных

трудящихся (тоже недостаточно эффективно работающих), при окроплении живительной водой частной инициативы, свободного творчества и личной заинтересованности, быстро войдет в число богатых. Но более серьезную проблему представляют собой социальные и экономические внутренние противоречия, с которыми Запад как-то привык жить (хотя нельзя отрицать и возможности катастрофических последствий такого положения), для России же социальные и экономические потрясения могут иметь самые тяжелые последствия. Еще более существен духовный кризис на Западе. Он настолько очевиден, что и обсуждать его не приходится, и настолько опасен, что новую Россию необходимо всячески оберегать от духовного влияния Запада, а не насаждать там его нравы. Кстати, духовный упадок, потеря нравственных начал Западом неизбежно приведет и к его экономическому упадку.

Но самое важное, что настораживает нас против западного опыта, это наш исторический опыт. Уже несколько раз попытки „привить“ России западные порядки и, главное западный дух и стиль жизни не приводили к успеху, а последняя попытка – февральская революция с последующим большевистским переворотом принесла неисчислимые беды русскому народу. Психология русского народа глубоко отличается от западной, ему чужд беспредельный, анархический индивидуализм, он привык решать свои дела сообща, общинно, солидарно, учитывая и свои, и чужие, и главное – общие интересы. Он чужд ниспровержения авторитетов ради фрондерства и готов признать авторитет власти, если она этого заслуживает. В экономической жизни ему чужд дух личной наживы во что бы то ни стало, всегда внутренне русский человек сознает как бы греховность богатства, а также нет беспощадного отношения к более слабому конкуренту, товарищеская помощь была неписанным законом. Наблюдаемое же на Западе моральное падение, разгул порнографии и блуда, всегда были чужды русскому духу и это, во многом, сохранилось даже под советской властью.

Конечно, нельзя придерживаться той точки зрения, что Запад ничего не может дать России и от него только вред. Но все, что вносится из западного опыта в Россию, должно быть тщательно взвешено, внимательно проверено, насколько оно соответствует русскому духу, историческому опыту России и русскому национальному идеалу.

Великодержавный дух (или имперскость, как его не совсем точно называют, связывая с великодержавным духом не только идейное содержание, но и определенные государственные формы), является важной составной частью нашего положительного национального идеала, но ни в коем случае не исчерпывает его и не может быть предлогом для отказа от других, более важных, фундаментальных принципов нашего национального идеала. Например, нельзя идти на поклон к советской власти из-за того, что сейчас она защищает единство государства, что она создала мировую империю, потому что это означает смену вех, отказ от исторического национального и религиозного бытия русского народа, признание интернационализма и атеизма. Не для славы и величия России защищает сейчас советская власть Советский Союз и создает свою коммунистическую империю. Великодержавный дух не должен превращаться в дух империализма, насилия и стремления к захватам, что мы видим у советской власти и, к сожалению, у многих „имперцев“ в эмиграции. Это не исключает, конечно, что в особых условиях, в основном продиктованными оборонными соображениями, государственная власть России будет распространяться за пределы территорий, заселенных русскими, а также не означает, что не будет даваться отпор насильственному отделению от России народов против их воли. Но основа российского великодержавия не в возможности применения силы, а в духовной и экономической мощи русского народа и Российского государства. Россия несет определенные обязанности за политическую организацию, культурное развитие, экономическое благоденствие, внутренний, в частности, межнациональный мир и внешнюю безопасность не только на собственной

государственной территории, какая бы она ни была, но, более или менее, во всей Восточной Европе, северной Азии и Дальнем Востоке, и, вероятно, в Средней Азии. Огромная духовная сила русской культуры, громадное её притяжение, не потерявшее своей мощи и при советской власти, делают Россию культурным центром этого региона; экономическая жизнь всего этого региона немыслима без России и будет опираться на экономическую мощь России; защита от внешних агрессоров (а таких немало и сейчас, и в будущем), стран этого региона может быть эффективной только при содействии России.

Россия, обладающая огромной мощью, несет на себе определенные обязанности и в мировом масштабе. Как бы ни сложились исторические обстоятельства, Россия останется великой державой. В этой всемирной роли наименее почетно то, что Россия может сделать благодаря своей военной мощи, а наиболее почетно то, что Россия может дать миру в области духовной. Русскому народу всегда был свойствен дух мессианства, и после тяжелых испытаний, которые приходится переживать сейчас России, она может стать светочем добра, правды и справедливости.

Следует считать ошибкой, стремление решить в эмиграции национальные вопросы внутри будущего Российского государства. Это невозможно, потому что это может решить только сам русский народ и другие народности России. Националистически-сепаратистские эмигрантские организации являются специфическими группировками, вскормленными на русофобских заграничных хлебах и ни в коем случае не выражают мнения подсоветских народов и не имеют права ничего за них решать. С другой стороны, скажем, среди русских в Советском Союзе сильно желание освободиться от такой обузы, как Средняя Азия. Мы, конечно, придерживаемся мнения, что необходимо сохранить единство государства – это не только благоприятно как для русского народа, так и для других народностей, но во многих отношениях необходимо и даже неизбежно. Мы рассчитываем на такой же благоразумный

подход со стороны других народов и не приемлем империалистические замашки некоторой части русской эмиграции, проповедывающей удержание национальных окраин силой, но в то же время считаем, что поползновения оторвать какие-то территории силой – будь то вооруженными формированиями сепаратистов-шовинистов или же иностранных интервентов – должен быть дан отпор силой. Но, в общем, вопросы абсолютной целостности и административного устройства государства, степени суверенитета отдельных народов не являются первостепенными в нашем положительном национальном идеале, за исключением одного вопроса – наш национальный идеал немыслим без восстановления духовной и государственной целостности русского народа, то есть единства его великоросской, малорусской (украинской) и белорусской ветвей.

Окончив на этом рассмотрение отклонений от истинной сущности положительного национального идеала (причем мы охватили далеко не все отклонения, а только наиболее важные и чаще всего встречающиеся), мы попробуем сформулировать основные положения этого идеала. Заметим, что в течение нашего обсуждения отклонений, мы уже получили достаточно четкое представление о нем.

Прежде всего, наш положительный национальный идеал основан на идеалистическом мировоззрении, религиозном восприятии мира, на религиозных моральных и этических нормах.

Затем, наш положительный национальный идеал – это восстановление исторической преемственности России, её духовной сущности, основанной на православии, на национальном чувстве и на стремлении к правде и справедливости в отношениях между отдельными людьми или группами людей, на религиозной и национальной терпимости.

Историческая преемственность России, как неотъемлемую часть, включает сознание духовного и исторического единства трех ветвей русского народа (великоросской,

малорусско-украинской и белорусской) и других его ответвлений (например, карпатороссов), а также признание великодержавной роли России, сознание тех великих задач перед соседними народами, которые ложатся на неё, как самое сильное государство в культурном, политическом, экономическом и военном отношении в этом регионе, а также её ответственности за судьбы мира, как великой державы.

В силу всего сказанного выше, наш национальный идеал полностью отрицает и исключает коммунистическую материалистическую, атеистическую и интернационалистическую идеологию. Никакие внешние обстоятельства, никакие заигрывания не могут стать поводом для признания коммунистической идеологии и сотрудничества с её носителем – советской властью. В случае внешнего столкновения с каким-либо другим государством мы можем быть только третьей силой.

Наш национальный идеал не приемлет в социальной жизни принцип классовой борьбы. Наш социальный строй должен быть основан на традициях русского народа, высоко ставящего сотрудничество между людьми и группами людей, взаимопомощь во имя исполнения христианских православных заветов, а также во имя служения общим, более высоким целям, в частности, во имя служения нации и государству – всему тому, что в современной социологии называется солидаризмом, но искони было характерно для русского народа и проявлялось, скажем, в его общинном строе.

В политической жизни наш положительный национальный идеал не может ограничиться равенством прав и прочим, что составляет сущность либеральной демократии. Не отрицая всего этого, но и не фетишизируя права личности, права индивидуума, мы считаем, что свобода и права человека должны быть ограничены высшими ценностями, прежде всего ценностями религиозными и этическими, и не мешать служению этим ценностям, а также служению семье, нации, государству – общественным формациям, которые в нашем понимании выше

личности и которые такими были всегда в народном сознании. Политические решения везде, где возможно, должны приниматься вечевым, соборным способом, а не либерально-демократическим механическим большинством голосов. Верховная власть должна служить прежде всего высшим религиозным и моральным ценностям, а также интересам нации и государства.

В экономической жизни наш положительный национальный идеал признает право каждого на частную хозяйственную деятельность или на коллективное хозяйствование – то есть, свободу хозяйственной деятельности, обеспечение личной заинтересованности и право на личную собственность на орудия производства. Но в то же время мы сознаем, что безудержный дух стяжательства, характерный для капиталистического общества, вреден сам по себе и не соответствует духу русского народа, для которого, как мы уже указали, характерно стремление к взаимопомощи, поддержки слабых, служение высшим ценностям. Экономическая жизнь должна быть основана на народных традициях, а не на принесенных извне западных образцах.

Наш положительный национальный идеал основан на любви к нашей родине – России, великой державе, а также на понимании тех великих задач и обязанностей, которые ложатся на неё, как на великую державу, и великой миссии, которая ложится на великую нацию – русский народ. Мы верим, что будущая великая Россия будет экономическим, политическим и культурным стержнем, организующим жизнь не только на пространствах собственно Российского государства, но и в районах традиционного русского воздействия, а также, пережив лихолетие и познав на практике, что есть добро и что есть зло, сумеет сказать новое слово всему миру и помочь миру выйти из того духовного, морального и социального (и неизбежного будущего экономического) кризиса, в который он все глубже погружается.

Таков наш положительный национальный идеал. Все просто, все довольно очевидно, но при простоте очень

емко. И главное – это цельная система, из неё нельзя изъять ничего, иначе она рухнет целиком. Вероятно, можно что-то добавить, но нам кажется, что сказанного достаточно, что оно не может вызвать возражения ни у одного русского патриота, сохранившего веру в свой народ и надежду на его великое будущее. Во всяком случае, мы всячески старались при определении нашего национального идеала избежать крайних оценок, а также предпочтения той или иной политической группировки, а старались выявить исконно-народные корни русской духовной, политической, социальной и экономической жизни, ибо только на них может быть построена новая Россия.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год – 60,- долларов, на полгода – 35,- долларов, на 3 месяца – 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

Еще раз о врагах и о друзьях

Спасибо г-ну О. Бирюкову: теперь мы, русские, точно знаем, кто наш первый враг. А это – очень важно! Ведь у нас – эмигрантов – нет ни территории, ни армии, ни денег, ни мощного лобби в американском Конгрессе. Мы – разъединены, разобщены, распылены, и нам никак нельзя разбрасываться теми малыми силами, которые есть у нас. Поэтому надо выявить, наконец, этого главного врага и по нему разом ударить.

Кто же он – наш первый враг? Прочтите в «Вече» № 15 заметку О. Бирюкова „Русофобство по псевдо-солженицынски“ и тогда узнаете. Нет-нет – не советская власть, не коммунизм вообще и даже не те темные мировые силы, которым радостно видеть Россию поверженной, её веру Христову поруганной, её народ доведенным до скотского состояния.

Враг этот не восседает в Кремле, не запирает мучеников в тюрьмы и лагеря, не держит крестьян в колхозной кабале, не отравляет детей богохульством и человеконенавистничеством под видом школьного обучения, не разводит в мире террор и классовые „освободительные“ войны. Он не растлевает университетскую молодежь Запада, не сбивает умы средствами массовой информации, не подкапывает последние устои западного мира.

Этот враг играет, как пишет г-н Бирюков, „особенную роль“, действуя „с достойной лучшего применения изощ-

ренностью“, он пробрался даже в «Вече» и там, в двенадцатом номере, напечатал статью, „подлинный образец казуистического завуалированного русофобства“, в которой угадывается жуткий план: лишить несколько сот тысяч русских жителей Эстонии „гражданских прав, права на труд, так сказать, выморить“, „посадить в телячьи вагоны по сталинскому рецепту и отправить на восток, а если попытаются вернуться – расстреливать на границе“.

Этот-то наш наипервейший враг, с которого мы, следуя логике г-на Бирюкова, должны начать, – Сергей Иванович Солдатов! Вот, например, что он писал еще в 1982 году в журнале «Континент» №32 в статье, на которую ссылается для доказательства г-н Бирюков: „Главную задачу для Восточной Европы я вижу в морально-политическом Возрождении, при котором воцарится Свобода, расцветет Любовь и будет достигнуто общечеловеческое Единство. Оно заключается: для нерусских народов в самоопределении и самоочищении; для русского народа – в самоосвобождении и самоочищении; для советских народов восточного блока – в достижении независимости и самоочищении“. А в «Вече» №12 за 1983 год Солдатов рассуждает на такие темы, как „Безгрешны ли страдающие“, „Безвинны ли гонимые“, „Соучастие народов в мировом зле“, „О пределе уступок насилию“, „Смысл народных бедствий“ и др. В главе „Русская вина и ответственность“ Солдатов явно волнует то, что призыв „выдающегося русского писателя Александра Исаевича Солженицына“ к русскому народу жить не по лжи, а по правде и покаяться, не был перенесен на свою национальную почву лучшими людьми других народов. „Казалось бы светлый пример писателя должен был найти отклик среди истинных патриотов других наций, должны были бы прозвучать признания их вины, раздаться призывы к покаянию и за ту долю ошибок и вины, – достаточно тактично, чтобы не впасть в разжигающий вражду спор на тему „Кто хуже?“, пишет Солдатов, – что безусловно падает на эти нации“.

В подтверждение этой своей мысли Солдатов напоми-

нает об отдельных случаях вины, которые могли бы послужить поводом для национального покаяния украинцев, евреев, латышей, чехословаков, и заключает: „За недостатком места мы не коснемся других народов и не называем сотни других незавидных и порочных фактов. Пусть это сделают истинные патриоты своих народов“. Однако г-н Бирюков подытожил: „Нехорошие мысли зреют у Сергея Солдатова, этого русофоба под маской последователя Солженицына“. Но перед тем, как человек терпимый и справедливый, г-н Бирюков скромно заметил: „Не хочу наводить напраслину на С. Солдатова“.

Добавлю и я, справедливости ради, что не всегда Солдатов был врагом номер один. Он начал с того, что был русским мальчиком, как все мы в свое время, кроме тех, кто были девочками, но родился в независимой Эстонии, к народу которой сохранил уважение и любовь. И только уже потом, много позднее, Солдатов посвятил свою жизнь сознательному и организованному сопротивлению злу коммунизма – как умел и как считал правильным по совести. На этом пути его ждали увольнения с работы, обыски, допросы, затем неизбежный арест и шесть лет заключения, которые он отбыл по всем правилам неписанного кодекса арестантской чести. А вот, когда Солдатов оказался на Западе, тут-то г-н Бирюков и распознал в нем „изошренного русофоба...“

Я несколько не сомневаюсь, что г-н Бирюков написал свой разнос г-ну Солдатову, исходя из самых бескорыстных побуждений, в основе которых – любовь к русскому народу и готовность всячески способствовать его освобождению от зла коммунизма. Однако все это не может непременно гарантировать правильности суждений, как, конечно же, и сам г-н Солдатов, со своей стороны, надо полагать, не претендует на непогрешимость. Мне лично бросилось в глаза, что г-н Бирюков, давая волю своим чувствам, незаметно для себя соскользнул с одной темы – национальное покаяние – на совершенно другую тему: „кто больше виноват?“ Каждая из этих тем – правомерна, но если мы их начнем смешивать

вать, да поддадим пару, то получится выяснение вопроса – “Кто хуже?” По этой дороге идти некуда, и ничего, кроме вражды, продлевающей власть коммунистического зла над всеми поработенными им народами, это не создает.

Не случайно поэтому, что г-н Бирюков, положительно отзываясь о книге Ю. Мацкевича „Победа провокации“, не сумел выбрать слов получше, чем написать: „Автор – польский националист и антикоммунист – кусает локти и проклинает Пилсудского, что тот заключил поспешный мир с большевиками, по существу спас их от гибели. И признает, что нынешнее плачевное состояние Польши – прямое последствие политики Пилсудского, историческое возмездие за предательство антикоммунистической борьбы“. Ну зачем же – „кусает локти“? Вот был у вас, г-н Бирюков, и у всех нас, в этом вопросе редкий среди поляков союзник, а вы взяли и оттолкнули его, без всякой на то нужды.

А уж как Вы, г-н Бирюков, будете поправлять Ваши отношения с г-ном Солдатовым – после того, что Вы о нем написали, ума не приложу. А если Вы скажете: „Да на что он мне нужен, русофоб этакий?“ – отвечу: „Во-первых, не русофоб, а, во-вторых, так мы до того людьми своими пробросяемся, что никого возле нас и не останется“. Раз уж мы заговорили о покаянии, так давайте к нему добавим православную молитву о даровании нам единомыслия (духовного, конечно), братолюбия и благочестия.

Если мы хотим быть достойными национально-религиозного возрождения, если мы хотим стать, наконец, силой, способной преодолеть коммунистическое зло изнутри, то, первым делом, нам надо отказаться от вьедливой привычки приступать к совместным действиям с выяснения того, что нас, русских, разъединяет. Надо взять себе за правило каждодневно учиться строить наши внутренние отношения на основе кропотливого и бережного выявления того, что может объединить нас в рамках каждой поставленной конкретной задачи. А вместо этого

мы пока что, как правило, поступаем наоборот: только один из нас наберется духу и начнет подыматься с колен, выпрямляться во весь рост, чтобы заявить о нашем православно-русском деле, мы ему вместо помощи – подножку, или саданем в бок или в душу плюнем, чтобы в другой раз ему неповадно было...

Сейчас перед нами назрела задача создать организованные представительства русских общин, а мы, опять же, норовим начать с того, какие и к каким народам у нас претензии, в чем мы с ними никогда не сойдемся, о чем с ними никогда не договоримся. За примером далеко ходить не надо: тот же г-н Солдатов хочет непременно отдать будущей Эстонии Нарвскую ГЭС, а г-н Бирюков требует (наверное, от редакции журнала «Вече») нипочем не отдавать, хоть кровь из носу!

Нарвская ГЭС пребывает и будет еще пребывать – Бог знает, как долго – под тем же красным флагом, и казалось бы, естественные союзники – господа Бирюков и Солдатов, теперь вряд ли при встрече друг другу руку подадут. С другой стороны, раз уж так захотелось погадать-поспорить о „запредельных“ судьбах какой-то там ГЭС, существуют тысячи способов улаживания такого рода споров между государствами ко взаимной выгоде. Неужели эта Нарвская ГЭС стоит установления добрососедских отношений между свободной Эстонией и свободной Россией! Неужели мы должны открывать новый фронт сейчас, когда мы – русские и эстонцы – гибнем под коммунизмом! Неужели у нас нет проблем поважнее?!

В наших публичных выступлениях и, вообще, в нашей общественной деятельности надо нам научиться, наконец, во-первых, ценить своих, во-вторых, находить возможность взаимодействия с несвоими – они ведь тоже под Богом ходят – даже при наличии разногласий, не поступаясь при этом собственными законными интересами. Но это – высший пилотаж в политике. Пока что нам нужно научиться не создавать себе на ровном месте врагов – их у нас и без того хватает!

„Россия не блистала ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиваться в этом отношении самобытно, и не принимала чуждого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая едва может дать правильное основание наукам... Это просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства научной жизни, но внутреннее, духовное; это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; это обычаи вековые, без писанных кодексов, исходящие из Церкви, и крепкие согласием нравов с учением веры. Эти святые монастыри (всегда связанные с народом), рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения; эти отшельники из роскошной жизни уходили в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов Христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший; эти образованные сельские приговоры, эти городские веча; это раздолье Русской жизни, которое сохранилось в песнях...“

И. Киреевский

Наращивать мощь или жить по справедливости О будущих путях России

„Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения, признать их, и приступить к внутреннему очищению и исцелению... Мы должны строить себя заново; внутренне, духовно... России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. и в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры. Нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения, покаяться в своих соблазнах и в своем падении... вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но это будет осуществлено и достигнуто.“

И.А.Ильин, „Что нам делать?“, Вестник РХД № 139.

Я с большим интересом прочел сердитую статью О. Бирюкова (видимо, псевдоним!) „Русофобство по псевдо-Солженицынски“ (см. «Вече» № 15), где автор резко критикует ряд моих прежних статей и выступлений.

Охотно продолжу уже начатый разговор. Но бросается в глаза поразительное сходство:

Когда-то, советские чекисты мое стремление к демократизации общества называли **антисоветской пропагандой**.

Теперь русский публицист мое выступление за Возрождение народное называет **антирусской деятельностью**.

Там за мечту о Свободе провозгласили „врагом народа“.

Здесь за мечту о Любви объявили „ненавистником народа“.

Ничего удивительного в этом нет.

Можно принадлежать к различным идейно-политическим лагерям. Можно даже бороться и воевать друг с другом. И в то же время обладать одинаковым строем мышления, в котором нет свободы; и равным нравственным чувством, в котором отсутствует подлинная любовь. В том числе и к своему народу. Несвободное мышление и нелюбовная нравственность – истинный бич многих людей и народов!

И – да! Страдающие – не безгрешны, а гонимые – не безвинны! Не говоря уже о тех, кто гонит и мучает.

Можно лишь надеется, что все это будет преодолено в очистительном пламени грядущего Возрождения народов, а в том числе – и русского народа! И только на этом пути обретут они Благо.

Перехожу к основным положениям статьи О. Бирюкова.

1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

О. Бирюков ссылается на книгу (или раздел из книги) М. Хейфеца „Русский демократ С. Солдатов“, которую мне до сих пор даже не посчитали нужным передать для ознакомления.

Я, действительно, мог М. Хейфецу в лагере говорить, что в деятельности ВЧК-КГБ и Гестапо проявлялись определенные черты народов, представителями которых они были укомплектованы. В этом нет ничего особенного.

Общеизвестно, что характер, темперамент, обычаи и привычки нации, составляющей большинство в каком-либо государственном учреждении, налагают свою печать на его деятельность. При одинаковости целей и идеологии, тактически и методически по разному действовали, например, политические полиции сталинской России, маоистского Китая, полпотовской Камбоджи, хошиминовского Вьетнама и кастровской Кубы.

По разному действовали они и в гитлеровской Германии, муссолинистской Италии и франкистской Испании, хотя их одинаково называют, порой, странами „фашистской диктатуры“. И в наши дни по эффективности и методике по разному действуют, например, полицейские органы ФРГ, США и Франции.

И нет ничего необычного, если в деятельности каких-либо подразделений ВЧК, ГПУ или КГБ, укомплектованных, в основном, этническими русскими, проявлялись положительные или отрицательные черты национального характера русского народа. Каждый народ своеобразен и неповторим, как в добре, так и в зле.

Отрицать это было бы просто бессмысленно.

Да, немецкое Гестапо стремилось методично и точно выявить действительную, а не мнимую вину арестованного немца-соотечественника (с точки зрения законов Рейха, конечно). И за 12 лет нацистского господства из почти 80-ти миллионного немецкого населения Германии было арестовано лишь около 600 тысяч человек, к тому же вскоре, в большинстве своем, амнистированных. Это, конечно, ни в коей мере не оправдывает жестоких репрессий против не-немецких народов, в том числе по расовому признаку.

А в 1937-39 гг. советское НКВД, возглавляемое этническим русским Н. Ежовым и значительно очищенное уже от не-русских кадров, **сознательно** обрекало **заведомо** невинные миллионы соотечественников на страшные муки и казнь. Вину им **придумывали!** Скажут: да ведь когда это было!

Да, сейчас немного „полегчало“! В середине 70-х годов, „либерализированное“ и еще более свободное от не-русских кадров КГБ осуждает русского патриота и редактора неполитического, национально-культурного журнала «Вече» Вл. Осипова – уже повторно! – на 8 лет заключения, а в начале 80-х годов Ирину Ратушинскую за её невинные стихи – к 12 годам лишения свободы. Скажут: да ведь в КГБ сидят не русские, а советские, отрекшиеся от национальных начал!

Хорошо, а как объяснить небывало высокую преступность в городах собственно России – против здоровья, жизни, достоинства и имущества своих соотечественников? Или многочисленные расправы, истязания и убийства в лагерях, совершаемые союзниками-соотечественниками над своими же? Скажут: да это же, уголовники! А почему их так потрясюще много? Только в лагерях их 5-6 миллионов, в то время как в царской России число заключенных не превышало 200-250 тысяч. При неэффективности советской милиции и всей правосудной системы – сколько же миллионов уголовников должно еще находиться на воле?!

Ну, а неуголовники? И не советские? Как объяснить выстрелы в спину многим русским офицерам во время Первой мировой войны и расправы в 1917 году? Как объяснить массовые поджоги помещичьих усадеб в 1917-1918 годах? Почему так легко было уговорить массы крестьян-соотечественников горсткой спецуполномоченных ГПУ и городских активистов на расправу с односельчанами (с „кулаками“ и „подкулачниками“!), во время кровавой коллективизации 1929-33 годов? А миллионы беспартийных доносчиков в годы сталинского террора? Да и сейчас тоже хватает!

О чем все это говорит? Русский народ много веков славился своей участливостью и состраданием. Но в **этом веке** он в значительной мере утеряти свое чувство жалости и сострадания к ближнему вообще и к соотечественнику в частности.

В этом тоже нет ничего нового, или свойственного

лишь русским. Многие народы испытали это. Например, французы в эпоху религиозных войн и Варфоломеевской ночи в XVI веке, а также во время революции 1789-1794 годов. Сказать об этом – не значит питать недобрые чувства, не значит осудить весь народ, но лишь зло, в него проникшее.

Это так же, как нельзя ненавидеть несчастье или болезнь. Несчастье надо преодолеть, а от болезни попытаться излечиться. А этого не может быть раньше, чем несчастье не осознанно, а болезнь – не определена. Молчать или заставлять других молчать об этом – значит усугубить болезнь и продлить несчастье. А это значит – совершить духовное преступление перед народом. Пока же видят причину **абсолютно всех зол** только в советском режиме, в советской номенклатуре и т о л ь к о в подрывных действиях инородцев, – спасения России не видать!

И возможная политическая перемена – была бы переходом из огня, да в полымя!

2. РУССКИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Особую неприязнь вызывает у О. Бирюкова моя статья „О раскаянии народов“ («Вече» № 12), из которой он делает неприложный вывод о моей, якобы, „русофобии“. От кого-то я уже получал такую кличку, только тогда она звучала как „антисоветчик“.

И не могу отделаться от впечатления, что г-н О. Бирюков либо, сам не прочитав, что-то слышал о статье в недобросовестном пересказе, или читал её, как говорится, с пятое на десятое.

Начать хотя бы с грубых ошибок в цитировании.

Отмечая мимоходом факт, что, согласно криминальной статистике Нью-Йорка, бо́льшая часть правонарушений и преступлений падает на долю негритянского населения, я писал: „Остается предположить лишь несовершенную нравственную природу **какой-то части** (курсив мой – С. С.) негритянского населения“ («Вече» № 12). О. Бирю-

ков же излагает мою фразу так: „...видит (т.е. я вижу – С. С.) причину этого в „несовершенной природе негров“ («Вече» № 15). Такое сознательное искажение (ведь у Бирюкова получается не „часть“, а **все** негры, без исключения!) понадобилось ему лишь затем, чтобы ложно обвинить меня в расизме, хотя я могу питать только чувство уважения к, **в целом**, набожному, одаренному и работоспособному негритянскому населению США.

И эпиграфом к своей статье я взял не слова С. Соловьева, как пишет О. Бирюков, а призыв великого русского мыслителя Владимира Соловьева – „Ищите исцеления!“ О. Бирюкову следовало бы лучше знать духовных вождей народа, патриотом которого он себя считает.

Не понял или не захотел понять О. Бирюков и основного содержания моей статьи, которая ни русофобии, ни русофилии вообще никак не касается. 84% текста (!) моей статьи (т.е. 13,5 стр. из 16-ти!) посвящены народам Европы, которых я призываю к чувству ответственности, к признанию собственной доли вины и к раскаянию. При этом я высказался, что недопустимо всю полноту ответственности за Мировое зло единодушно взваливать на один лишь русский народ.

Русскому вопросу я посвятил только 2,5 страницы (стр. 51-53) и лишь в 8-ми верхних строках (стр. 51) бегло перечислил всему миру известные духовные, социальные и политические беды русского народа.

Сам О. Бирюков все же честно признает, что, на первый взгляд, он не обнаружил в моей статье никакой русофобии. Но, видимо, по мере разгула фантазии, он обнаружил в ней то, чего там никогда не было. Из всё тех же злополучных 8-ми строк, он неведомо каким путем – мистическим озарением или седьмым чутьем, что-ли? – делает вывод о моей русофобии.

Если понимание и перечисление бед, слабостей, ошибок и болезней русского народа может служить основанием для обвинения в русофобии, то, с таким же основанием (или так же необоснованно) меня можно было бы

обвинить в „фобии“ против всех народов земли.

Как верующий, немного знающий историю, я убежден, что на нашей падшей земле нет **ни одного** совершенного и безгрешного народа, могущего служить примером для всего человечества.

Этому учит нас христианство. Об этом свидетельствует нам вся залитая кровью человеческая история.

Но каждый народ может и должен самоисцеляться, может и должен стремиться к совершенству. Была бы добрая воля проявлена. А её-то, чаще всего, и не хватает.

Но дело не только во мне. Следуя непримиримому закону О. Бирюкова и его сторонников, пришлось бы в русофобы зачислить и А. И. Солженицына, наблюдавшего однажды святотатственное поведение населения в канун Пасхи Христовой и метко определившего все то, что он видел в народной жизни, словами – „тяжело больное общество“.

Заодно пришлось бы к „нечистой касте“ русофобов причислить и всех честных русских патриотов и доброжелателей России, видящих её внутренние и внешние беды, говорящих о них и искренне желающих ей исцеления.

Это еще не все. Заодно пришлось бы назвать всех врачей земли, начинающих лечение больного с диагноза его болезни, **человекофобами**.

Вот до какого абсурда может довести последовательное применение нетерпимой философии О. Бирюкова к явлениям жизни. Воплотись она в жизнь – гореть бы нам всем, горемычным, на кострах с выжженным на лбу тавром – „Враг России“!

Не может удержаться О. Бирюков в рамках джентльменских правил и передавая (вернее, фальсифицируя!) содержание моего доклада „Политическое освобождение и нравственное обновление“, сделанного в 1983 году во Франкфурте на Майне на ежегодной конференции журнала «Посев». Если бы я испытывал особую неприязнь или неверие в силы русского народа, то вместо этого целеполагающего заголовка, я сказал бы, или написал бы, просто: „Политическое рабство и нравственное

падение – неизменные свойства русского народа“.

А я верю, что русский народ политически освободится и нравственно обновится. Без этой светлой и твердой веры я вообще не занимался бы общесоюзной политической борьбой и, тем более, публицистикой на русские темы.

В своем докладе я указал на потрясающее, невиданное в истории, количество жертв в России (по подсчетам швейцарской газеты «Дер кларе блик» – 33,5 миллионов за 1917-1953 годы, без военных потерь во Второй мировой войне. По проф. Курганову – общее число жертв равно 60 млн. человек!). Эти десятки миллионов были перекрошены в гигантской мясорубке не внезапно высадившимся десантом из Космоса, увлекшим за собой нерусских людей и загипнотизировавшим сейчас уже 140-миллионный русский народ. Очевидно, что миллионы русских, наряду с нерусскими, по тем или иным причинам, в прямой или косвенной форме, принимали участие в уничтожении своих соотечественников и сограждан.

При всех потугах, **всего этого** на одних только инородцев свалить нельзя.

В том, что произошло – большая национальная трагедия. Она частично искуплена, как правильно замечает О. Бирюков, жертвами, погибшими в активной борьбе за освобождение своего народа и других народов от Мирового зла. Но все-таки они – эти герои и мученики, – оказались в меньшинстве. Основная масса народа пошла не по этому пути...

Поэтому – нравится или нет, – но наряду с винами других народов, есть, к сожалению, и русская вина. И вина эта по-прежнему ждет раскаяния и искупления.

Это было бы справедливым, благодетным и единственно верным решением. Такое раскаяние – не уступка или одолжение кому-то. Оно прежде всего нужно для лица или сообщества, которое кается.

Ибо оно обращено во спасение кающегося.

О. Бирюков же, решив в очередной раз ввести читателя в заблуждение, утверждает, что я, якобы, выдвинул тре-

бование... „чтобы русский народ покаялся раньше всех других народов и перед всеми другими народами“.

Полнейшая ложь!

Каждый читатель в твердой памяти и при ясном рас­судке легко может убедиться, что именно **таких** особых требований я никогда не выдвигал, прочтя стр. 36-39 журнала «Посев» № 3 за 1984 год.

Нравится или нет, но из песни слов не выкинешь. Послед­ние сто лет на огромных просторах России творится что-то неладное. Предельно упрощая, можно сказать сле­дующее:

До 1917 года на уровне сознания определенной части народа и интеллигенции происходило **обезбоживание** человека. Беда надвигалась медленно и обернулась страшной пагубой.

Этот катастрофический путь пророчески предрекали в прошлом веке еще Ф. Достоевский, Вл. Соловьев и дру­гие духовные вожди России. Не вняли! Как об уже све­ршившемся факте писали об этом Н. Бердяев и другие авторы сборника «Вехи» в 1909 году. Не послушались! Как о бедствии, подлежащем преодолению, писали о нем А. Солженицын и другие в сборнике «Из под глыб» в 1974 году. Прислушаются ли?

В ясном осознании катастрофической полосы развития нет ничего предосудительного или оскорбительного для русского сознания и самолюбия. Такие испытания были в жизни многих народов Европы и Азии и в прошлые вре­мена. Ничего – справились!

Справится и русский народ. Тем более, что в послеста­линское время и по наши дни наблюдается пока еще очень медленный, но безостановочный возврат лика чело­веческого и все бóльшее обращение к Богу.

И в этом – залог спасения России!

3. ЭСТОНСКИЕ БЕДЫ.

Не обошел О. Бирюков своим любезным вниманием моей статьи „Эстонский узел“ («Континент» № 32) и доклада в Нью-Йорке в июне 1982 года, где я касался эстонских бед.

Я касался и касаюсь еще раз эстонского вопроса **не случайно.**

Во-первых, сущность отношений к другим народам и способ обращения с ними является **главным показателем** зрелости или незрелости нравственно-политического сознания нации, особенно если она могущественна или влиятельна.

Вопрос стоит так: безжалостна ли нация, пренебрегает ли законными интересами других народов и заботится ли только о собственных, узких выгодах? Или она сострадательна, учитывает законные интересы других и, спрavedливо удовлетворяя свои нужды, не мешает то же самое делать другим? И здесь главным, справедливым и законным интересом малочисленных и территориально малообеспеченных народов часто является – **самостоятельная и свободная жизнь на своей, исконной земле.**

И очень важно – будет ли могучая, раздольно обеспеченная пространством нация, этому справедливому стремлению других народов препятствовать, или помогать осуществлению их?

Именно здесь – основной нравственный водораздел, а не в бухгалтерском подсчете, что относить к советскому, а что к русскому. Именно этим будет определяться истинное место великой нации в общечеловеческой семье народов.

Во-вторых, на союзно-республиканском уровне, эстонский народ является **самым** малочисленным народом Советского Союза. Он в 140 раз меньше русского народа. И то, как обращаются и как намерены обращаться с народом меньшим, слабым и неспособным физически защитить себя, – тоже определяется уровень нравственно-

политического сознания русского народа или влиятельных представителей его.

Вернемся, однако, к эстонским делам, раз они подняты оппонентом. В этом вопросе О. Бирюков снова остается верным своему черно-белому видению мира и манихейскому разделению людей либо на „ангелов“, либо на „чертей“. Если раньше я изображался им как „русофоб“, то теперь за одно лишь перечисление бед и интересов эстонского народа, за призыв к справедливому и человеческому решению их, он сходу объявляет меня „эстонским шовинистом“. Вот так, вот!

Не могли и слова сказать в защиту угнетенных народов. Но тогда меня следует, в смысле совершенно по-иному определенного Бирюковым понятия „шовинист“, объявить „шовинистом“ **всех народов**, с кем обращаются несправедливо или чьи законные требования, не нашли еще удовлетворения. А таких народов в мире – многие десятки. В том числе и русский!

Повторяю общеизвестные вещи. Эстонское племя живет на берегу Финского залива и Балтийского моря с третьего тысячелетия до Р.Х. В XIII веке Эстонию завоевали немецкие рыцари-крестоносцы, в начале XVIII века её завоевали войска Петра I-го. В 1918-20 годы эстонцы с оружием в руках отвоевали независимость. Двадцать один год жила и процветала Эстонская Демократическая Республика. Была полноправным членом Лиги Наций. В 1940 году в нее вторглась чужеземная сила и начала терроризировать её население. Эта **сила**, каким синонимом её не называй, пришла, к сожалению, **со стороны России**. От действия этой силы за 9 лет, в 1940-1949 годы, эстонский народ потерял убитыми, расстрелянными, погибшими, депортированными и вынужденными бежать из страны почти **одну треть** своего состава.

Гибель каждого невинного человека – трагедия. Но потеря миллионов человеческих жизней для **великой** нации не грозит еще её национальному существованию. Потеря же сотен тысяч для **малой** нации, не насчитыв-

вающей и одного миллиона человек, может приблизить её к гибели.

И меня до глубины души потрясает полное отсутствие у О. Бирюкова чувства жалости и сострадания к бедствию малого народа. Наоборот, в случае неугодного поведения, он угрожает эстонцам „новой трагедией“ («Вече» № 15). Не по-христиански это. И не по-человечески, тоже.

То, что Кремль, в своих же великодержавных интересах, приказал понастроить в Эстонии заводов, электростанций, военных баз и шахт, почти до полного опустошения использовать её недра и безостановочно вывозить её природные богатства, изображается О. Бирюковым как некое экономическое благодеяние, что-ли... Ему и невдомек, что вопрос: как, где, в какой степени и очередности развивать производительные силы, осваивать природные богатства на национальной территории, – должен решать не Кремль, а сам народ через и при помощи национального правительства, руководствуясь потребностями нации и нуждами будущих поколений.

Вопрос народонаселения Эстонии. Самый больной. Эстонцы по праву считают Эстонию суверенным государством, чья территория вот уже 40 лет как оккупирована иноземными войсками. До оккупации в Эстонии проживало 8,9% неэстонского населения, пользуясь всей полнотой прав граждан свободной страны. За 40 лет, по директивам Кремля, в **организованном порядке** в Эстонию переселены сотни тысяч людей из России. По советским же данным в крохотной стране сейчас 35% неэстонского населения, а вместе с воинскими частями в Эстонии – более 50% иностранцев. И львиную долю из них, конечно, составляют русские, обладающие в 380 раз бóльшей национальной территорией, чем эстонцы.

В этих условиях эстонцы, вполне естественно, желают и просят, чтобы излишки неэстонского населения вернулись на свою исконную родину, где колоссальные просторы ждут освоения. Это совпадает с патриотической идеей А. И. Солженицына, который в своем „Письме к вождям Советского Союза“ призвал к освоению пус-

тующих и огромных пространств Севера и Востока России. Добавлю от себя, что одновременно пустеют и забрасываются исторические, ядровые области России, как Псковская, Орловская, Костромская, Вятская и многие другие.

А может быть, идея ограничения числа иностранцев на своей территории совершенно чужда странам свободной Европы? Ничего подобного! Численность иностранцев у северных и западных соседей Эстонии – в Финляндии (7%), в Швеции, Дании и Норвегии (2,5%) – нигде не превышает 7%. Даже страны, широко распахнувшие двери иностранным рабочим, как, например, Франция и ФРГ, все-таки имеют соответственно лишь 7,7% и 7,4% иностранцев от общего числа населения.

А что делать, если в ближайшие годы в Эстонию, в том же организованном порядке, переселят новые сотни тысяч жителей России и жить станет еще более тесно, и коренной народ станет „досадной“ помехой к заселению? Вынудить его покинуть страну, сбросить в море, как тех 75 тысяч горемычных беженцев в сентябре 1944 года? Или погрузить в товарные вагоны и переселить в Сибирь, как тех несчастных 100 тысяч в марте 1949 года?

Мягко говоря, это было бы по-псевдорусофильски, но, видимо, по-истинно бирюковски. Видимо, такого решения жаждет патристическое сердце О. Бирюкова?!

Нет, справедливым и гуманным решением представляется эстонцам, да и всем европейским, цивилизованным людям, если в Эстонии останется жить 140-160 тысяч иностранцев (14-16% – это тоже достаточно много!), а остальные, получив финансовое пособие и взяв с собой все свое достояние, в доброй, благожелательной обстановке репатрируются на свою родину. Именно это – и только это! – заложит прочные основы эстонско-русской дружбы!

Чего же хочет патриот О. Бирюков: чтобы русские строили новую достойную Россию на **своей** необъятной, национальной территории? – или, как чернильное пятно, растекались бы по всему земному шару, приводя в запус-

тение и упадок центральные области России?

Но это уж действительно было бы трагично для России и не на пользу другим народам.

И последнее. Ничего толком не зная, – да, видимо, и не желая знать! – О. Бирюков обвиняет меня в том, что лишь эстонский народ я считаю, якобы, безгрешным и безвинным. В своих статьях „Ошибаются ли пророки?“ (газета „Ваба Ээсти Сына“ / „Свободное слово Эстонии“ / № 43, 27.10.83; „Мейе Элу“ / „Наша жизнь“ / № 43, 27.10.83.), и „Пусть говорит история и умолкнут пророки“ (газета „Ваба Ээсти Сына“ № 2, 12.1.84 и „Вялис Ээсти“ / „Зарубежная Эстония“ / № 11-12, 12.12.83) я подверг критическому разбору как политику эстонского правительства, так и поведение эстонского общества в предвоенный период и в 1939-40 годах. Я также призвал эстонцев к политическому и моральному Возрождению. Многие эстонские деятели, наряду с положительными откликами, восприняли мою критику с обидой и публично излагали свои возражения. Но никто из них не шельмовал меня эстонофобом и русским шовинистом. Этих приличий, к сожалению, не соблюдает О. Бирюков.

4. О БУДУЩЕЙ РОССИИ.

В конце своей статьи О. Бирюков прямо-таки по-полицейски запрещает мне „проповедовать“ и „указывать“, т.е. высказываться по русскому вопросу. Знакомые замашки! Очень даже хорошо знакомые.

Там мне запрещали высказываться и как-то влиять на судьбу Советского Союза. А для надежности упрятали на многие годы в тюрьму.

Здесь мне публично запрещают говорить что-либо о России. А вот, в тюрьму пока-что никак не упрятать! Руки еще коротки! Да и будут ли когда-нибудь длинные?

От какой же России пытается отделить и отлучить меня О. Бирюков? От России единой и неделимой?

Но такой нет. Есть Россия не единая, делимая и очень многоликая!

От России империяльной, Филофея-Ивана Грозного-Иосифа Сталина? От такой России я давно отделился, считая её преступной!

От России социалистической Герцена-Лаврова-Керенского? К ней не принадлежу, ибо считаю её непригодной!

От России либеральной Пестеля-Чаадаева-Милюкова? В ней сомневаюсь, ибо вижу её несовершенство!

От России реформистской Радищева-Сперанского-Столыпина? Её считаю полезной, но требующей непомерных усилий!

От России христианской Сергея Радонежского-Соловьева-Солженицына? Считаю её наиболее близкой и хорошей, но трудноосуществимой!

Будущая, искомая Россия должна быть гармоничным сочетанием России либеральной,

России реформистской,

России христианской!

Новая возрожденная Россия призвана осуществить идеал Свободы, Преобразования и Любви!

В пользу такой России стоит без усталы проповедовать!

Во имя такой России стоит многое сделать!

5. МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДОВ.

Мы живем в удивительное время. Наш век – переломное событие в истории человечества. Такие переломные века человечество переживало не раз. И всегда они были предвестниками и началом какой-то новой эры.

XX-й переломный век тоже начало, еще неведомой нам, эры. Будет ли эта грядущая эра новой катастрофой, или новым подъемом для человечества, зависит от всех нас, от всех народов земли.

Одно из поразительных явлений нашего переломного и быть может, более судьбоносного, чем когда-либо ранее,

века – все бóльшая сопряженность, взаимозависимость и взаимообусловленность судьбы малых и великих народов как всего мира, так и нашего материка.

Принципиально новые условия материкового и глобального существования народов требуют **нового духовного сознания, нового нравственного мира и нового жизненного порядка.**

Мы не можем больше замыкаться границами своей страны и пределами своего народа. Мы не можем больше жить интересами одной лишь своей страны, и лишь для своего народа искать блага, достоинства, пользы, успеха, процветания, мощи и побед.

Мы должны их теперь искать и для ближайшего нам **сообщества народов.** В нашем случае – это сообщество народов континента Европы, сообщество народов Запада и Востока, к единству и сотрудничеству которых мы должны неуклонно стремиться.

Народы как Востока, так и Запада Европы, могут идти совместно или порознь, в разных направлениях.

Открыты три пути.

Один, отрицательный путь, ведет к катастрофе народов. Это – путь постоянного возрастания поработченности, вражды и противостояния. Другой, положительный путь, ведет к Возрождению народов. Это – путь неуклонного утверждения Свободы, Любви и Единства на всех уровнях жизни народов.

Третий, нейтральный путь, ведет к застою и загниванию народов. Это – путь удержания зыбкого равновесия между Возрождением и катастрофой с постоянной опасностью сорваться в пропасть.

Морально-политическое Возрождение народов, к которому властно зовет наше время, может и должно свершиться.

Оно есть историческая необходимость! Оно есть средство выживания, средство утверждения и возвышения жизни народов!

Велика его ценность. Но велики и его требования.

Морально-политическое Возрождение требует не только раскаяния народов, но **Искупления** имеющихся вин и содеянных грехов. Оно требует от народов не только национального самоограничения, но – **Самоотречения и Самосовершенствования**. Оно требует не только жизни не по лжи, но – **действия во имя Истины и Справедливости**.

Оно требует, наконец, **всеобщей целостности жизни** на основе Единства, Свободы и Любви!

На этих незыблемых основах Запад может и должен воссоединиться с Востоком, а Восток – с Западом.

Через это великое **Воссоединение** родится общеевропейское, морально-политическое целое, возникнет **Единый Континент!**

А через это – открыт путь к Единому, сплоченному Человечеству!

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA

К 125-ЛЕТИЮ А. П. ЧЕХОВА

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ЧЕХОВГРАД“

1. Э. Бройде. – **ЧЕХОВ**. О христианских традициях, противостоящих марксизму. ФРГ, 1980. – 15 НМ.
2. **К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЧЕХОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ** (того же автора). Классика, современность. 6 НМ.
3. Д. А. Антонов. – **ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ**. Повесть о российской интеллигенции, восставшей против революционных догм... Персонажи эти встречаются и в последующих повестях Д. А. Антонова:
4. **ВОССТАНИЕ**. О русском Возрождении и польской „Солидарности“.
5. **ЗАПАДНЯ**. Повесть о жертвах „соц-патриотизма“ (СССР – Израиль).
6. **БЕДНЫЕ ЛЮДИ**. Культура и партийщина.
7. **ВОЛЯ**. 1984. Повесть о военной разведке и „Окаянных днях“...
8. 1988. „Дракон“ и 1000-летие Крещения Руси. „Батум“ Булгакова, Цветаевой... Л. Бородин.
9. Готовится к печати заключительная повесть Д. А. Антонова: **ДЕНЬ ПОБЕДЫ...** 1985.

Заказы – во всех магазинах русской книги.

Аннотации – в каталогах Нейманиса

К ЧЕХОВСКОМУ ЮБИЛЕЮ
цена каждой повести – 10 НМ

Озлобление и предубедительность

После выхода в свет альманаха «Вече», на него ополчился публицист Владимир Рудинский за то, что, мол, альманах занял позицию непредрешенчества, а это – что ни есть, самое скверное, ибо непредрешенчество, якобы, вредит делу восстановления в России монархии.

Примечательно, что в то же самое время левые диссиденты набросились на «Вече», решив, что альманах этот сугубо монархический, и даже не просто монархический, а самодержавно-монархический. Например, Ефим Эткинд, атакуя «Вече» в русскоязычном журнале «Время и мы» (№ 67), озаглавил свою „антивечевскую“ статью: „Православие, самодержавность, народность“.

Не будем однако пускаться в рассуждения, какой политической линии придерживается «Вече». Тому, кто этим интересуется, достаточно прочитать хотя бы один номер альманаха. Занимательно то, что Рудинский за непредрешенчество разносит только, **и только**, «Вече», но ни в коем случае, рецензируя другие русские издания, явно непредрешенческие, он их за непредрешенчество не упрекает даже намеком. Мало того, сам В. Рудинский является постоянным сотрудником «Голоса Зарубежья», журнала не только непредрешенческого, но явно никакой симпатии к монархии не проявляющего. Не так давно Г. Петровский писал в газете «Наша страна», что «Голос Зарубежья» прославляет февразизм, хотя даже противники

монархии признают, что именно февраль и привел к упразднению русского государства.

Поэтому спросим мы г-на Рудинского, какое моральное право он имеет нападать на «Вече», если даже альманах и является непредрежденческим, когда он сам сотрудничает в журнале, который настроен против восстановления в России монархии? Как это совмещается у Рудинского?

Но, конечно, в моей защите против злобных, желчных и неумных выпадов Рудинского «Вече» не нуждается и я бы о Рудинском не писал, но в «Голосе Зарубежья» №34, в своем постоянном „Обзоре печати“ он подверг критике мою статью „Ликвидаторы российского государства“, опубликованную в «Вече» № 13, за то, что я, якобы, всю вину за торжество коммунизма в России сваливаю только на евреев и латышей. Он пишет: „Нефедов старается вину за революцию свалить на евреев и латышей /.../. Но ведь ясно, что не в них одних было дело“.

Здесь Рудинский явно и бесцеремонно передергивает, ибо в этой статье я писал, что „не в них одних было дело“. В «Вече» № 13 на стр. 151 у меня яснее ясного написано: „Мы далеки от мысли всю вину за ликвидацию Российского государства сваливать на евреев и красных латышей, а весь русский народ обелять – часть его, как крестьянство, так и городское население, включая и интеллигентов-либералов, несет большую ответственность за утверждение коммунистического режима, за его преступления. И не только большевики, но и те русские, которые во время революционных событий и в Гражданской войне заняли нейтральную позицию. Они не видели, не хотели видеть разницу между революционерами и контрреволюционерами, между красными и белыми, между Лениным и Троцким, Деникиным и Колчаком. И за свой индифферентизм, за „моя хата с краю“, – когда русские патриоты вступали в Белые армии и, не щадя живота своего, бились за честь и свободу России, – российский народ жестоко поплатился и продолжает плачиваться.“

Так я написал, а Рудинский после этого имеет наглость утверждать, что я, якобы, сваливаю всю вину только на евреев и латышей. Выдергивать отдельные, выгодные для „разноса“, фразы из контекста статьи, а невыгодные замалчивать, как известно, метод нечистоплотный.

Еще Рудинский обвиняет меня в озлобленности, преубежденности. Да, возможно, озлобленность у меня чувствуется, и эту озлобленность я всегда готов проявлять... но только против коммунистов, причем, коммунистов любой национальности, в том числе и коммунистов русских. И это может подтвердить выдержка из той же моей статьи, раскритикованной Рудинским:

„Ну, а что касается ликвидации большевистских вожakov, то высказанное Гордоном сожаление о их гибели мы не разделяем. Все эти ликвидаторы России,назависимо от их национальности – будь то русские Бухарин и Тухачевский; латыши Рудзутак и Эйдеман; литовцы Уборевич (ус) и Путна; евреи Зиновьев, Якир и прочие еврейские коммунисты – в конечном-то итоге получили по заслугам. Как говорится: за что боролись, на то и напоролись.“

А против отдельного народа, как, например, латышского, из которого во время русской смуты хотя и вышли десятки тысяч отменных борцов за советскую власть – красных стрелков и чекистов, тем не менее никакого озлобления, как бы не старался представить это Рудинский, у меня нет. Наоборот – латышский народ я ценю и уважаю. Среди латышей у меня было и есть немало самых наилучших друзей. Чтобы не быть голословным в опровержении утверждений Рудинского, приведу выдержку из моего труда „Красные латышские стрелки“ («Вече» №№ 4;5;6):

„И русские не должны забывать, что такие светлые и героические личности латышской национальности, как ген. Гоппер, полк. Бредис, полк. Больштеинс; замученные в подвалах Чека в 1918 г., поручики Рубис, Пупа и др. как и группа латышских офицеров, возглавляемая капитаном Скраббе, принявшая участие в Ярославском восстании,

отдали свои жизни не только за свою родину – Латвию, но и за свободу России“.

В заключение критики моей статьи, Рудинский прицепился, что я неправильно написал фамилии – „Фонтаин“ и „Штоеберг“, и следовательно, мой язык не безупречен. Он ехидно подсмеивается: „Что за француз Фонтаин и немец Штоеберг? Как говорится: таких фамилий не бывает(!). Вероятно, нужно читать Фонтен, Штеберг“.

Не бывает таких фамилий? А вот, знаменитая английская балерина Margo Fontaine. Во всей русской печати её фамилия пишется как Фонтаин или Фонтеин. Это зависит от того, какого произношения придерживаться: если британского, то по-русски пишется „Фонтаин“; если же американского, то – „Фонтеин“. Ибо обычно, где англичане выговаривают свое „а“, как русское „а“, американцы произносят „а“, как „э“. К примеру, англичане „can“ произносят, как „кан“, а американцы – „кэн“ или „кен“.

Так что, г-н Рудинский, фамилия Фонтаин **бывает**. И, вообще-то, писать иностранную фамилию через „а“ или „е“ абсолютно ничего не значит, ибо в разных местах она произносится по разному.

Однако признаюсь – в русском языке я не безупречен. Но кажется мне, что не пристало Рудинскому укорять других и нагло надсмехаться над другими за языковые промахи, ибо он сам в русском языке разбирается плохо. Вот, например, критикуя мою статью, он пишет о евреях и латышах так: „Обе эти народности по разному...“ Видимо, Рудинский не знает, что слова „народность“ и „народ“ содержат разные понятия. Народность – это исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации или народу. В далеком прошлом, в процессе объединения близких по своему происхождению и языку народностей, образовывались народы. И ныне существуют еще народности, не превратившиеся в народы. Народности – это относительно небольшие этнические группы. На Кавказе к народностям относятся чеченцы, ингуши, кабардинцы и др. В Сибири – остяки,

коряки, юкагиры, чукчи и ряд других. Но называя еврейский и латышский народы **не народами, а народностями**, Рудинский показывает, что в русском языке он не особенно силен. Его, неоднократно хвастливо кичившегося своей эрудицией и университетским образованием, уместно спросить: „чему вас учили, господин хороший?“

Уверен, если бы Рудинский сказал латышу в разговоре, что латыши не народ, а – народность, то получил бы от него по шее.

И еще я уверен в том, что если бы моя статья „Ликвидаторы Российского государства“ была опубликована не в «Вече», а в каком-либо другом журнале, то Рудинский и не подумал бы её критиковать. Не у меня „чувствуется на каждом шагу озлобление и очевидная предубедительность“, а у Рудинского... против «Вече».

От редакции: Заметка Н.Нефедова публикуется в порядке исключения. Редакция «Вече» не намерена обращать внимание на заведомо предвзятые, злопыхательские, вздорные и примитивные нападки на альманах со стороны нечистоплотных борзописцев, по явно низменным побуждениям.

**НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
АЛЬМАНАХА „ВЕЧЕ“**

приобрести замечательную, единственную в своем роде книгу

СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

2. Издание

Автор книги Юрий Александрович Ветохин — русский, глубоковерующий православный человек — рассказывает о своей беспримерной, героической, длившейся 20 лет борьбе за свободу.

После двух неудачных попыток бегства из Советского Союза: вплавь из Батуми в Турцию, а затем на надувной резиновой лодке из Крыма в Турцию, Ветохин отбыл девятилетнее заключение в советских тюрьмах и в Днепропетровской психиатрической больнице специального типа. Непреклонная воля, непоколебимая вера в Господа Бога и железная целеустремленность помогли Ветохину выдержать жесточайшие пытки палачей от медицины, жертвой которых он стал в Днепропетровском психконцлагере КГБ.

Последняя попытка бегства вплавь с советского теплохода „Ильич“ в Индонезию в Молуккском море окончилась успешно. В конце 1979 года Ветохин обрел долгожданную свободу.

На 544-х страницах своей живо и увлекательно написанной книги Ветохин рассказывает о пережитом, перечувствованном, обдуманном и выстраданном им на пути к свободе, длившемся двадцать лет.

Книга прекрасно издана, в твердом коленкорovém переплете с иллюстрациями и фотографиями. Цена книги, включая пересылку, 18 американский доллар. Заказы направлять автору по адресу:

Mr. Yurii Vetokhin
P. O. Box 16084,
San Diego, Ca. 92116, USA

И. А. БУНИН

Миссия русской эмиграции*

Соотечественники.

Наш вечер посвящен беседе о миссии эмиграции.

Мы эмигранты, – слово „émigrer“ к нам подходит, как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули её. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Миссия — это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, помятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: „миссия есть власть (pouvoir), данная делегату идти делать что-

* Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г., неоднократно публиковавшаяся в русской зарубежной печати. Поскольку многие положения этой речи и по-ныне сохранили свою актуальность, воспроизводим её в уверенности, что она привлечет внимание читателей «Вече» в России.
Ред.

нибудь“. А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера — напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже зазорным. Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжелая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть однако их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша еще далеко не все. Есть еще нечто, что присваивает нам некое назначение. Ибо это н е ч т о заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: „Взгляни мир на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских

душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния её захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, воспринять все мыслимые унижения и заушения на путях чужеземного скитальчества: взгляни мир, и знай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, быть может, роковых для тебя страниц!“

Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, – были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц. Однако это не все: русская эмиграция имеет право сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне **сознательно и действительно** против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязающего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими **смертями** запечатлели свое протоборство – и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства.

В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще – от имени России: не той, что предала Христа за тридцать серебрянников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих зло-

деяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страждущей России, он только порою уподобляется тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Германию. Но когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские „внутренние дела“, то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла даже до того, что **узаконяет** этот погром. И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: „Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покроет землю и мрак – народы... И **лицо поколения будет собачье...**“ **Но тем важнее миссия русской эмиграции.**

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась, во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех её зверствах Сибирь? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское.

Была Россия, был великий, ломившийся от всякого

скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, во веки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как не безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло её. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая „планетарным“ злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства её истинно в религию, Россия уже сошла с ума, – сам министр-президент на московском совещании в августе 17 года заявил, что уже зарегистрировано, – только зарегистрировано! – **десять тысяч** зверских и бессмысленных народных „самосудов“! А что было затем? Было величайшее в мире поправление и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшееся с убийства Духонина и „похабного мира“ в Бресте и докатившееся до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского „дикаря“ и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину. И „дикарь“ все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самые Святая святых своей родины, в место страшного и благословенного таинства, где века почивал величайший Зижде-

тель и Заступник её, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения их земного существования.

Боже, и это вот к этому самому „дикарю“ должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои „заветные чаяния“ за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней „земельки“? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка, Ключевского: „Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры“. Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле — и нельзя, **преступно служить её тьме.**

Да, колеблются устои **всего** мира, и уже представляется возможным, что мир не двинулся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом и был бы выкинут сам Гроб Господень: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем узаконении даже самым римским наместником Христа. Мир одержим еще не бывалой жадой корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморе. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют, Содом и Гомора ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют её блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием её зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гомору, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже самого себя, свою

совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей.

И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников „новой“ жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устройства человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу — тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобна великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу „опиума религии“, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот „планетарный“ скот — другое дело.

Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее: он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужеснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: „Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!“ Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву —
Под руки и по Тверскому...

Кометой по миру вытяну язык,
До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду,
Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить в одно — и эту матерщину, и шестилетнюю державу бешенного и хитрого маньяка, и его высывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга, и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь ноги-то раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело.

В свое время непременно падет на все это Божий гнев, — так всегда бывало. „Се Аз восстану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...“ И на Содом и Гомору, на все эти Ленинграды падет огонь и сера, а Сион, Божий Град Мира, пребудет во веки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?

Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. „Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!“ Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем его, — это наше право и даже наш долг, — и расцениваем с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. „Они не хотят ради России претерпеть большевика!“ Да, не хотим — можно было претерпеть ставку Батыя, но Ленинград нельзя претерпеть. „Они не прислушиваются к голосу России!“ Опять не так: мы очень прислушиваемся и — ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника да глухие вздохи.

Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда. И пребудут в крепости заповедям Синайским и Галилейским, а не планетарной метершине. Пребудут в любви к России Сергия Преподобного, а не той, что распевала: „Ах, ах, тра-та-та, без креста!“ и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. „Народ не принял белых...“ Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. Но, слава Богу, это не совсем так: не принимали хулиганы, да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленное.

Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех забавах, которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убили однажды какого-то нищего старика (по их подозрениям, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собаченкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и выла эта собаченка, вокруг трупa и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебываясь от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании её.

Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится во веки его память! Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В

дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба её.

Будем же ждать этого дня. А до того, да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России.

А кроме того есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно её материальных интересов. Это — мой Бог и моя душа. „Ради самого Иерусалима не отрекусь от Господа!“ Верный еврей ни для каких благ не отступится от веры отцов. Святой Князь Михаил Черниговский шел в орду для России; но и для нее не согласился он поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть.

Говорили — скорбно и трогательно — говорили на древней Руси: „Подождем, православные, когда Бог переменит орду“.

Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый „похабный“ мир с нынешней ордой.

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118- 120 (West Germany)**

Письмо графа Б. Н. Коковцева генералу А. П. Кутепову

В иностранной печати в двадцатые годы неоднократно появлялись статьи, в которых содержались утверждения о якобы значительных капиталовложениях, помещенных Императором Николаем II в заграничных банках. Председатель Общевоинского Союза генерал А. П. Кутепов, в связи с публикацией такой статьи в одной американской газете, обратился к бывшему Председателю Совета министров и министру финансов Российской Империи графу В. Н. Коковцеву с просьбой дать пояснения по этому вопросу. На обращение ген. Кутепова последовал, приводимый ниже, ответ графа Коковцева.

Париж, 9-го ноября 1929 г.

Многоуважаемый Александр Павлович.

Я невольно промедлил ответом на переданную Вами газетную статью, сообщенную Вам из Америки Генералом Будбергом и просьбу последнего снабдить его сведениями, которые могли бы опровергнуть распространяемые заграницей, не без участия наших соотечественников, прискорбные и обидные сведения о громадных капиталах, сосредоточенных будто бы покойным государем в заграничных банках.

Продолжительное отсутствие из Парижа Генерального Секретаря Союза ревнителей памяти Императора Николая II лишило меня возможности собрать заседание Совета Союза, а придавать моему ответу характер моего единоличного освещения этого печального вопроса мне просто не хотелось, для устранения сомнения в точности того освещения, которое мне хотелось ему придать.

Только на последних днях я мог внести этот вопрос на рассмотрение Совета и могу теперь передать Вам заключение последнего, которое есть, вместе с тем, и мое личное заключение, тем более потому, что Совет Союза ревнителей сам не располагает достаточными сведениями по этому печальному слуху и должен основывать свое мнение главным образом на сообщенных ему моих сведениях, находившихся в моем распоряжении, по моей должности Министра Финансов в течение 10-ти лет, предшествовавших войне и 3-х лет моего совмещения в должности Председателя Совета Министров.

Я должен впрочем сказать при этом, что сообщаемое мною освещение вопроса находится в полном соответствии с теми данными которыми располагает и Председатель Сопещения Русских Послов М. Н. Гирс, который также интересовался в начале текущего года тем же вопросом и подверг его обсуждению в особом Сопещании, между прочим, также при моем участии.

Сообщенная Генералом Будбергом вырезка из одной американской газеты соединяет в одном коротком изложении небольшую правду с целым морем лжи и клеветы, в котором легко разобратъся сколько-нибудь знакомому с русской жизнью и русским прошлым человеку, но совершенно не в состоянии разобратъся легковесные и легковесные иностранные читатели газетных заметок сенсационного характера, когда они касаются такой страны, как Россия, которой они до сих пор не знают, да и не желают знать.

Правда в этой статье та, что Русский Императорский Дом и его глава Государь Император обладал весьма значительными имуществами, доставшимися ему, в истории

ческом процессе образования России и ее распространения на пространстве веков. Но какие это имущества, в чем они заключались и что стало с ними после революционного переворота 1917 года, об этом статья американской газеты упоминает только вскользь и не дает им той характеристики, которая должна была бы в корне устранить возможность говорить о несметных богатствах Императорского Дома и даже об огромных доходах, принесенных ему этими богатствами.

Действительно, Российский Императорский Дом, Императорская Семья и сам Государь, в лице Удельного Ведомства, Кабинета Его Величества и Министерства Двора, распоряжавшегося некоторыми из этих имуществ, – располагал весьма обширными имуществами, заключавшимися в земельных угодиях, лесах, целых обширных районах, главным образом на Востоке и юго-востоке Империи. Достаточно упомянуть на выдержку, Алтайский горный округ в Западной Сибири, Нерчинский горный округ в Восточной Сибири, известное обширное земельное, так называемое, „Государево имение на Мургабе“ в Закаспийской области, – разбросанные во многих местностях Европейской России обширные земли Удельного Ведомства, – чтобы иметь право сказать, что земельный фонд, принадлежавший Российскому Императорскому Дому был на самом деле огромный. Но отсюда до заключения автора, упомянутой выше статьи американской прессы о том, что эти богатства определяли собою также и несметные богатства, фактически находившиеся в распоряжении Императора и служили ему для его личного обогащения, а тем более могли быть использованы им для перемещения их за границу – целая огромная пропасть, которую не могут заполнить никакие соображения и никакие ошибочные и даже умышленно ложные выводы.

Прежде всего, нельзя забывать простую истину, что все эти земли остались в России и поступили в распоряжение той власти, которая сменила царскую. Никакая пядь земли не ушла из России и Императорский Дом

никогда не продавал ни одного гектара доставшейся ему, в порядке исторического процесса, земли и следовательно не получил в свое распоряжение никаких сумм, которыми бы он мог располагать для своих потребностей. Напротив того, он обращал часть своих свободных средств из других источников на улучшение своего земельного фонда и на подготовку его в будущем, для увеличения государственной культуры. Достаточно указать хотя бы на поступившее в распоряжение Кабинета Его Величества обширное Мургабское имение в Закаспийской области, которое представляло собою огромную безводную степь, ненаселенную и никогда не обрабатывавшуюся, но пригодную по её географическому, климатическому и почвенному положению для высокой хлопковой культуры, но только при условии целой сети орошения. Для последнего, задолго до войны, Кабинет Его Величества приступил к затрате весьма значительных сумм для совершения ирригационных работ, но они остались незаконченными и пригодятся в будущем для России, так как этих работ не может расхитить власть, сменившая царскую, если только они не будут уничтожены временем, невежеством и непреодолимыми силами природы. Из всего большого земельного фонда, принадлежавшего Императорскому Русскому Дому, проданы были только в известной их части, удобные для земледелия удельные земли в некоторых внутренних губерниях России и – притом – проданы государственному Крестьянскому Банку, для передачи их крестьянам, по крайне низкой оценке, по которой сдавались эти земли тем же крестьянам по срочным договорам на периодическое землепользование. Вырученная за продажу этих земель сумма в пять миллионов рублей была уплачена Крестьянским Земельным Банком Удельному Ведомству не наличными деньгами, а свидетельствами Крестьянского Банка, которые, в свою очередь, не были проданы Удельным Ведомством на бирже, а сохранены в виде неприкосновенного капитала этого Ведомства в его кассе и поступили, после отречения Императора, в распоряжение Вре-

менного Правительства, а затем, после Октябрьского переворота 1917 года, захвачены большевиками и в январе 1918 года подверглись аннулированию, одновременно с уничтожением всякого вида государственных фондов.

Этим и ограничивается та относительная правда, которую можно найти и то с величайшими оговорками, в статье американской газеты, на которую обратил свое внимание Генерал Будберг. Все прочее, содержащееся в этой статье, есть сплошной вымысел, либо основанный на заведомо злостной клевете, совершенно недопустимой по отношению к тем, чья страшная и незаслуженная судьба должна была бы вызывать особо бережное отношение к их поруганной памяти, либо результат того поразительного невежества, которое вообще характеризует собою все, чем оценивает иностранная печать наиболее очевидные стороны русской былой жизни.

Вымысел прежде всего все то, что говорится в статье о несметных богатствах Русского Императора и его семьи в виде исторических бриллиантов и всякого рода драгоценностей этого рода.

Не касаясь совершенно ни на чем не основанной оценки этих предметов, которые никогда не подвергались так называемой рыночной оценке, нужно прежде всего иметь в виду, что все упоминаемые драгоценности отнюдь не составляли личной собственности Императора или членов его Семьи и не находились в непосредственном его распоряжении, а составляли собственность Государства. Это были, так называемые, коронные бриллианты. Они никогда не находились в руках Императора или членов его Семьи, а хранились в совершенно особом порядке, исключавшем всякую возможность непосредственного распоряжения ими, – в Москве, – и поступали в распоряжение Императора и Императрицы только в особо торжественных случаях, строго определенных государственных церемоний, после которых они снова водворялись на место их постоянного хранения. Ни одна из этих драгоценностей не поступила в обладание Импера-

тора и не могла быть им не только присвоена, но и тем более отправлена куда-либо вне России. Все русские, действительно величайшие исторические и материальные ценности, – коронные бриллианты, – поступили в руки большевиков, когда они захватили власть и одним из первых их действий было именно завладеть сокровищами, хранившимися в Москве, которые и поступили в их обладание. Что сделали они с ними – пусть обратятся интересующиеся этим вопросом к советской власти, но большим актом несправедливости является предположение о том, что не только такие исторические ценности, о которых упоминается в американской газете, но даже что бы то ни было из государственных, так называемых, коронных бриллиантов, поступило в руки Императора, или кого-либо из членов Его Семьи, когда даже ничтожные драгоценности, составлявшие личную собственность Императрицы и её дочерей, вывезенные ими, как воспоминания их жизни, из Царского Села в изгнание в Тобольске, отобраны от них в Екатеринбурге, а то, еще меньшее, что они успели скрыть от взора их палачей, отнято от них, уже после их мученической кончины, когда совершилась над ними гнусная расправа в подвале дома Ипатьева.

Такой же вымысел и уже, прямо можно сказать, злостный – представляет собой сообщение газеты о том, что во время мировой войны в 1915 и 1916 годах, Русский Император отправил за границу, через Мурманский порт в Англию, принадлежавшие Ему сотни миллионов рублей золота в слитках и монете.

Никакого золота в слитках и монете у Русского Императора и Его Семьи не было, ничего Он и никуда отправлять не мог, и вся эта часть газетной статьи основана на смешении и неправильном освещении действительно существовавшего факта, не имевшего, однако, никакого отношения к Императору и Его несуществующему богатству.

Во время войны были совершены на самом деле отправки золота и, в частности, через Мурманск, – ибо

другого сообщения не существовало, — и при том, именно в Англию, но только не золота, принадлежащего Царю и будто бы направленному Им скрытно за границу для собственного Своего и семьи Своей благополучия, а золота, принадлежавшего Русскому Государству, в лице Государственного Банка, и хранившегося в особом хранилище, в Петрограде и Москве и притом в сумме 600 миллионов рублей, для выполнения соглашения, заключенного с Англией относительно оплаты русских военных расходов, производимых во время войны за границей. Этот факт не составляет теперь никакого секрета и он давно известен мировому общественному мнению, но остался только, к сожалению, до сих пор неизвестен автору газетной статьи, который дает ему простое объяснение, относя эту, весьма известную операцию, к не существовавшему никогда стремлению Императора прятать Его богатства за границей.

Наконец, такой же вымысел и весь рассказ о том, что Русскому Императору принадлежали за границей также чуть ли не несметные богатства в форме капиталов, вложенных в иностранные банки, очевидно на случай обеспечения Своей, или Семьи Его, судьбы после государственного переворота.

Никаких капиталов Русский Император ни в какие банки ни до войны, ни во время её не помещал и все, что принадлежало Ему или Его Дому находилось в России и погибло там, как погибли и капиталы, принадлежавшие частным лицам, вложенные ими в Государственный Банк, в частные банки, или хранившиеся ими на дому.

Подписывая это письмо моим именем и принимая за его содержание полную мою моральную ответственность, я заявляю категорически, что мне, как бывшему в течение десяти лет, с 1904 до 1914 года, Министром Финансов, в точности известно, что в 1905 году, во время первой революции, Министерством Двора, не только без разрешения Государя, но и без Его ведома, был переведен за границу небольшой по своей сумме капитал, принадлежавший Великим Князям, дочерям Государя,

сложившийся по закону из скромных отчислений в пользу каждой из них, из средств Казны и Удельного Ведомства. Еще в бытность мою Министром Финансов, следовательно до Великой войны, Государь приказал перевести весь этот капитал, состоявший к тому же из русских государственных фондов, обратно в Россию и мне пришлось принять личное участие в разрешении некоторых формальных вопросов, связанных с возвращением этих фондов в Россию, причем я имел случай лично слышать совершенно определенные суждения Государя, отнесшегося совершенно отрицательно к самой мысли о пересылке даже этого небольшого капитала за границу.

Я могу еще присоединить к изложенному, вполне точно известный мне факт, что Временное Правительство, в короткий период его существования, под влиянием таких же слухов о существовании за границей крупных сумм, внесенных будто бы Императором на Его и Семьи Его имя, производило официальные розыскания справками в английских и других банках, о размере внесенных капиталов, о природе их и об условиях вноса и хранения и получило отовсюду совершенно определенные заявления о том, что никаких капиталов не имеется и самое существование их совершенно неизвестно банкам.

Мне хочется думать, что приводимые мною сведения окажутся достаточными для генерала Будберга, чтобы исполнить его намерение и опровергнуть прискорбные легенды, слишком давно циркулирующие, не в одних малоосведомленных заграничных кругах. Полагаю я также, что и среди нашей эмиграции было бы не бесполезно распространить эти сведения, в особенности среди наших военных кругов, мало осведомленных, в их молодом поколении, о том, что было в прошлом России. Мне приходилось слышать, что и здесь время от времени обращаются те же легенды о несметных богатствах Русского Императорского Дома и о спасенных им средствах за границую и на этих неверных слухах строятся всевозможные комбинации, одинаково нежелательные, как по

их несправедливости, так и по тем целям, во имя которых такие комбинации могут возникнуть.

Я направляю мою заметку непосредственно к Вам, вместо того, чтобы передать её прямо генералу Будбергу, так как с ним я совершенно незнаком, и Вы лучше решите, что именно из сообщаемого мною следует передать ему.

Прошу Вас верить моему искреннему уважению и сердечной преданности.

Граф В. Кокотцев.

„Мы, русские люди, исстари ищем все какой-то Земли Обетованной, где молочные реки текут в кисельных берегах, все ищем какого-то заветного слова, которое откроет нам врата в заколдованный Сезам и в погоне за пестрой и обманчивой химерой этой и зашли мы в то кровавое болото, в котором страдает теперь наша несчастная Россия. С нами случилась, точно по наущению дьявола, странная история: мы искали волшебной страны то за далекими морями, то в отдаленном будущем, между тем как она все время была у нас перед глазами. Эта Земля Обетованная, полная всякого довольства, красоты и радости, у нас была перед носом: вот эти самые истощенные поля наши, жалкие перелески, серенькие деревушки, а волшебное слово, которое превратило бы эту юдоль скорби в пышный и прекрасный рай, это: свобода, знание и труд...“

И. Наживин

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече» на Австралию

GATEWAY TRAVEL PTY LTD.

48 The Boulevard, Strathfield N.S.W. 2135 – Telephone: 745 3333

Просьба оформлять подписку на альманах «Вече» для Австралии через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

Стоимость подписки на альманах «Вече» на 1 год:
40 австралийских \$

Цена отдельного экземпляра «Вече»
12 австралийских \$

В стоимость подписки включена
пересылка «Вече» воздушной почтой

В Генеральном Представительстве можно
заказывать отдельные номера «Вече»

О разведческой педагогике и идеологии

В 1984 году, когда наша разведческая организация отпраздновала свою годовщину – 75-летие своего существования, мы не только оглянулись назад, вспомнили славный путь, пройденный за три четверти века, наши успехи и неудачи, особо помянули наших героев, тех, чьи имена звучат на дне памяти верных, тех, кто посвятил свою жизнь русской молодежи, – а во многих случаях пожертвовал ею, – но также старались осмыслить, как это получилось, что детская, юношеская организация оказалась столь стойкой, что пережила многие другие общественные и политические организации, в которые входили люди, явно по своим знаниям и общественному опыту превосходящие средний уровень разведчиков. Что это был за неисчерпаемый источник энергии, жертвенности и упорства, который позволил русской молодежи сохранить свою разведческую организацию в самых трудных условиях – в годы гражданской войны, в лагерях русских беженцев после гражданской войны и в лагерях „ДиПи“, в зарубежном рассеянии русской эмиграции, при суровой немецкой оккупации в течении второй мировой войны и даже в условиях большевистского террора, когда русские скауты-разведчики сумели сохранить свою организацию и отстаивать свои идеалы в течении более чем 10 лет.

Один ответ – разведчество замечательная система воспитания молодежи, одухотворенная замечательной идеологией. То, что оно стремится к высоким духовным и идейным целям, к добру и верности, причем осуществляет это весьма совершенными, хорошо соответст-

вующими духу и характеру молодежи средствами, – источник его силы.

Итак, что же такое разведчество – или скаутизм, как его называют во многих странах?

Прежде всего, это система внешкольного воспитания молодежи, направленная на то, чтобы максимально использовать свойственные детскому и юношескому возрасту психологические и эмоциональные свойства и стремления, умственные и физические способности молодежи для её **самовоспитания**. В разведческой педагогической системе нет уроков, нет навязывания молодежи воли и знаний старших, а стимулируется (и регулируется) естественное развитие детей и юношества, по возможности незаметно направляя это развитие по должному пути. Разведческая педагогическая система превращает процесс воспитания характера, развитие эстетических и гражданских качеств, усвоение знаний, физическое развитие и закалку в увлекательную игру для младших, в захватывающее, доминирующее над всеми другими интересами стремление для юношей и девушек более старшего возраста.

Разведческая система воспитания устраняет основную проблему воспитания – противоречие между отцами и детьми, между взрослыми и детьми. Принцип разведческого воспитания „не приказ, не рассказ, а показ“, – то есть, увлечение собственным примером. В разведческой организации есть и дисциплина, причем достаточно строгая, имеются незыблемые порядки и законы, и правила, – но в организации не может быть руководителей, для которых эта дисциплина, этот порядок, эти правила и законы недействительны, независимо от возраста и положения в организации. Часто слышны замечания про взрослых дядей, которые бегают в коротких штанах и всерьез выполняют законы и правила, созданные для детей, и вообще, не по возрасту, играют в индейцев... Но именно это сопереживание руководителя и детей всего процесса воспитания создает атмосферу любви и доверия, чувство единства, которого так часто нехватает ни в

школе, ни в семье... Руководитель не вне и не над массой разведчиков, которых он воспитывает, а внутри её.

Важнейшая черта разведческой системы воспитания – это поощрение естественного стремления молодежи к самоутверждению, но не вообще, а самоутверждения в добре, в высоком национальном и религиозном сознании, в достижении высокого морального и гражданского уровня. Разведческий руководитель всячески поддерживает стремление разведчиков к самостоятельности, к независимости в творении добра, в стремлении „догнать и перегнать“ отцов. Более того – разведческая педагогическая система всячески поощряет и развивает свойственное всем одаренным и волевым детям и юношам стремление к лидерству, используя таких прирожденных вожakov – лидеров, для воспитания ребят. Эти вожаки являются проводниками воспитывающего воздействия руководителей на разведчиков, маскируя трудно преемлемое для молодежи и нелюбимое ею главенствование взрослых. Передавая детям и молодежи часть своих функций, часть своих прерогатив, разведческий руководитель воспитывает своих подчиненных ответственностью и независимостью. Подлинная цель разведческой работы – не делать все идеально, как бы мог сделать взрослый, особенно профессионал, – а делать как можно больше руками и умом самой молодежи, причем так, чтобы ей казалось, что она это делает по своей воле и по своей инициативе. Конечно, это не исключает стремления, чтобы молодежь все делала как можно лучше и совершеннее. Исключается только подмена молодежи взрослыми.

Такая система воспитания снимает еще одну, очень существенную проблему. Если стеснять стремление молодежи к самоутверждению, если подавлять прирожденных лидеров в детской и юношеской среде, то молодежь начинает самовыражаться чаще всего в подражании порокам взрослых – курении, потреблении алкоголя, нездоровом интересе к сексуальной жизни. Стремление же к лидерству прирожденных вожakov выливается в то, что

они становятся, в лучшем случае, „заводилами“ шалостей и беспорядков в школе, а в худшем – атаманами хулиганствующих, даже преступных, шаяк молодежи на улице.

В отношении организационного устройства следует отметить, что и тут соблюдается принцип максимального приближения к естественно образующимся группам – в зависимости от возраста. В отношении самой системы воспитания необходимо подчеркнуть важную особенность – очень большое внимание обращается на жизнь в природе, походы и лагеря – важнейший компонент работы. Не говоря о тех преимуществах, которые дает жизнь в природе в отношении здоровья и физического развития, природа оказывает благодатное влияние на психику ребят, способствует их моральному росту, эстетическому воспитанию и накоплению знаний. Но самое важное то, что в походах и в лагерях ребята предоставлены сами себе: сами себе ставят свой дом-палатку, сами себе строят кровать и прочую нехитрую лагерную „мебель“, сами себе готовят еду, сами себя охраняют, сами себя развлекают – одним словом, освобождаясь от часто излишней, иногда даже вредной, чрезмерной опеки родителей и учителей, учатся быть самостоятельными, уверенными в своих силах и возможностях, и действительно получают массу знаний и навыков во всех областях жизни.

Но было бы ошибкой считать, что разведчество только педагогическая система. Разведчество – это также сильное, ярко очерченное духовное движение молодежи. Оно имеет свою идеологию, благодаря чему оно значительно выше – в духовном отношении – любой другой системы внешкольного воспитания.

„Разведчик верен Богу, предан родине...“ – так начинается первый закон российских разведчиков. В этих словах о Боге и родине сконцентрированно выражена существенная часть разведческой идеологии. Приверженность к религиозным, моральным и этическим ценностям, любовь к родине и служение ей – важнейшие черты русского разведчества. Оно с самых первых дней своего

существования выгодно отличалось от своего старшего собрата, своего образца – английского скаутизма – именно своей духовной, идейной углубленностью. Несчастья, обрушившиеся на нашу родину, поспричинили в ней духовных, религиозных и национальных ценностей усиление в русском разведчестве стремление к более высокому духовному содержанию работы с молодежью, как в советской России, где скауты-разведчики пытались препятствовать духовному растлению молодежи, так и за рубежом, где российские разведчики служили делу сохранения извечных духовных ценностей русского народа, сохранению русской эмигрантской молодежи. Они всегда были „лицом к России“. Были, правда, печальные, к счастью кратковременные, отступления от этого, когда русское разведчество становилось „лицом“ к международному скаутизму, но это не повлияло на общую высокодуховную, национальную линию в российском разведчестве, особенно в ОРЮРе.

Верность религиозным ценностям, национализм и патриотизм присущи многим молодежным организациям. Но разведчество имеет еще одну, весьма существенную черту, отличающую его от других молодежных движений. Это – а к т и в и з м, активное служение добру, постоянное стремление делать добрые дела, не быть пассивным созерцателем или сторонником добра, а активно работать над собой для укрепления себя в добре и прилагать все силы для осуществления в окружающем мире принципов братства, любви, взаимопомощи. „Ни одного дня без доброго дела“ – таково правило разведчиков, и юному борцу за лучшее устройство мира напоминает об этом узелок на его галстуке, который он может развязать вечером только если он действительно совершил что-то хорошее, а не просто был хорошим.

Разведчики – это юные рыцари, дети, юноши и девушки, давшие обет служить добру, правде, справедливости и любви между людьми. Они чувствуют свою принадлежность к особому ордену, к особой корпорации, отличающей их от своих сверстников. Эта общая, органи-

зованная и сознательная причастность служения добру возвышает их в собственных глазах, придает им силы, уверенность и, что самое важное, – способствует их самоутверждению в добре, а не в пороках и зле, делает их нечувствительными к насмешкам по поводу того, что они недостаточно взрослые, что они „маменькины сынки“, потому что они, например, не курят.

Дальнейшая важнейшая черта разведческой идеологии это – оптимизм, радостное восприятие жизни и всего окружающего мира. Разведчики верят, что при приложении достаточных усилий, каждый из них может стать человеком „с большой буквы“, что нет в окружающем мире затруднений, бед и несчастий, которые нельзя преодолеть, победить. Нет слова „не могу“, есть слово „не хочу“ – говорит разведческая поговорка. Этот оптимизм вырабатывает у ребят твердость духа, настойчивость, уверенность в своих силах – с одной стороны – и способность воспринимать незамутненные пороками радости жизни, наслаждаться красотой окружающего мира, природой, искусством и поэзией, жить полнокровной жизнью.

Наконец, все разведчики и разведчицы – братья и сестры. Это чувство братства – важнейший элемент разведческой идеологии. Оно распространяется не только на всех членов организации, но и на всех людей, да и не только людей, – любовное, бережливое, заботливое отношение ко всему живому, ко всей природе характерно для разведчиков. Чувство братства, взаимопомощи, сотрудничества, отказа от своих эгоистических, узких интересов, во имя интересов своего звена, своего отряда – на более низком уровне, и интересов своей организации, своей родины – на более высоком уровне, создает из разведчиков, из разведческой организации, своеобразный орден, стремящийся к братскому служению общим высоким целям. Братское, вежливое отношение ко всем людям, ко всему окружающему, устраняет массу конфликтов, делает жизнь чище и радостнее.

Педагогическая система разведчества и его идеология

неразрывно связаны. Разведчество – это не пустая педагогическая форма, в которую можно внести любое содержание. Наоборот, – это сосуд, заполненный до краев своим специфическим духовным содержанием. Попытки использовать только разведческую педагогику, лишив воспитательную работу разведческого духовного настроя или пытаясь заменить его чем-либо другим, обычно приводит к неудаче самой педагогической системы. В эмиграции было много попыток использовать разведческую педагогическую систему для достижения каких-либо особых целей воспитания, например, для военно-патриотического или религиозного воспитания, с полным или частичным устранением разведческой идеологии или заменой её другой. Все эти попытки были безуспешными, и когда от разведческой педагогической системы оставляли только её внешние признаки, её практические приемы, она оказывалась менее эффективной, чем обычные методы военного или школьного воспитания. То же самое можно сказать о попытках политизации организации (разительный пример – создание в Советском Союзе пионерской организации по примеру скаутской, но из-за того, что она ставит перед собой задачи политического воспитания, абсолютно не пользующейся успехом). Помимо пагубного отхода от разведческой идеологии, все попытки специфического воспитания молодежи разведческими методами грешат нарушением этих же самых методов – в воспитательный процесс вносятся элементы, несвойственные возрасту детей, их естественному развитию, руководители превращаются в учителей, в менторов – со всеми отрицательными последствиями этого.

Каково же значение русского разведчества в будущем? Что касается эмиграции, то положение ясное – разведческие организации, в частности ОРЮР и объединившийся с ней НОРС, единственные, кто еще в широких масштабах ведет национально-воспитательную работу среди русской молодежи за рубежом, печется о сохранении русскости, русского национального самосознания русской молодежи, воспитывает её в духе приверженности и любви к России.

Но громадное значение имеет и другая, чисто скаутско-разведческая сторона их работы. В дни нынешнего религиозного и морального упадка всего общества на Западе и во всем мире, духовного обнищания молодежи, попраiania извечных идеалов человечества, разведческая идеология и педагогика, вся разведческая организация служит мощным барьером, защищающим русскую молодежь от тлетворного влияния современных антидуховных, антирелигиозных и нигилистических идей, от порока и разврата, алкоголизма и наркомании, от духовной и физической деградации.

Для будущей свободной национальной России, для религиозного и национального возрождения народа, разведчество может иметь решающее значение. Моральное обнищание народа, вызванное коммунистической пропагандой и тяжелыми условиями жизни, алкоголизм, распад семьи, отход от религиозных ценностей – обусловленный, во многих случаях, простым отсутствием знаний о них – требуют коренного изменения **духовного и морального климата** в стране. Переучивать, перевоспитывать взрослых людей – особенно, если они уже вступили на стезю порока – трудно. Несравненно более благодарный труд воспитывать в нужном духе молодежь. Именно она, воодушевленная разведческими идеалами, стремящаяся – как всегда молодежь – сказать „новое слово“, может изменить духовный облик подсоветского человека, создать такую среду, в которой порок не сможет процветать.

О. П.

А. Шпарэнго

НОВЫЙ ГОД (Быль)

Крупные звезды горят в синем морозном небе. По заиндеветой, зачарованной таежной чаще, хрустя по мерзлему валежнику, пробирается по сугробам и бурелому, седой Дед-Мороз. Проверяет, достаточно ли высоки снежные сугробы и прислушивается как на Ухте взрывается метровой толщины лед. Где-то вдалеке, резко нарушив ночную тишину, голодно проревел медведь-отшельник, плохо залегший с осени. И снова ледяная тишина. Туман, мостом перекинувшись через Ухту, расплзается по тайге. И ничего больше не смеет нарушить мертвую полярную тишину...

Так прошли здесь тысячелетия за тысячелетиями. Здесь не ступала нога человека и эхо не повторяло стук топора. В лютую стужу, здесь во мраке полярной ночи, рождались сказки...

Но вот, сказочного Деда-Мороза сменил новый Мороз в форме майора НКВД. Мороз Яков Моисеевич. Появились и люди. Завизжали пилы. Со стоном валились вековые ели. Люди, прокладывая через тайгу тракт, разбросали на своем пути одинокие стоянки, и на берегу Ухты возник город Чибью. Город заложен на костях заключенных, проложивших сюда тысячекилометровый тракт сквозь нетронутую вековую тайгу. Оборванные, голодные в лютую стужу ночевали они в тайге без крова над головой, погибали сотнями и тысячами от голода, изнурения и цынг. Но этап за этапом спешил на пополнение и „похо-

ронная процессия“ продвигалась вперед и вперед, усыпая трупами каждый километр своего пути. Да, на человеческих костях проложена дорога в Чибью...

Когда наш этап подошел к этому тракту, все невольно остановились и сняли шапки как перед святыней, не смея ступить на землю, впитавшую кровь отцов и братьев. Стоящие впереди колонны, опустили на колени и через минуту весь этап, с непокрытыми головами, стоял на коленях перед трактом. Конвой растерялся. Забегали между рядами коленопреклоненных конвоиры, стараясь узнать причину происходящего.

— Пусть простят нам наши братья наш грех невольный, — сказал, поднимаясь седой старик. Мы медленно, при гробовом молчании вступили на тракт, проложенный на костях наших товарищей, ранее нас здесь прошедших и погибших в неравной борьбе. Мы шли, чтобы дальше устилать своими костями дорогу сквозь дремучую и молчаливую тайгу.

*

Последние дни декабря 1936-го года. Весь город лихорадочно готовится к новомуднему празднику. Все бегают, суетятся, все перемешалось как в водовороте. Художники, столяры, электрики, возчики и плотники. Они с раннего утра спешат, лазят, строят, метут... Бесперывно слышен скрип полозьев. Везут пушистые ели к парадному подъезду театра имени И. И. Косолапкина. Чуть в стороне, в маленькой накуренной избушке, где живет старенькая чета князей Оболенских, сейчас нечто вроде бутафорской. Здесь, уже больше недели, с утра до ночи, лепят маски и раскрашивают карнавальные костюмы. И здесь же театральный портной Ежов подбирает костюмы, подгоняет их и приговаривает:

— Вот, так-так, милый гражданин...

Зека не имеет права называть энкаведиста или „вольного“ товарищем.

— Вот, здесь мы подберем и здесь... Так, так, — бормочет Семен Иванович, скалывая булавками и схватывая иголкой.

На крыше театра, на ветру, карабкаясь на шестах, лезят, опутанные проводами с болтающимися разноцветными лампочками, электрики. Столичные художники взбираются на подмости, чтобы украсить фасад театра. Другие бродят по тайге, по колена в снегу, в поисках суков и ветвей, нужной формы и изгиба, подбирают кору и мох разных цветов и оттенков...

*

Сумерки обступают отвоеванный у тайги город. Зарево солнечного заката бледнеет и гаснет. По небу расплывается густая черная синева. Равномерный, спокойный шаг печатают по улице патрули. На столбе одиноко, сам с собой, разговаривает черный репродуктор. На темном горизонте загораются первые звезды.

И вдруг, все преображается. Как по мановению волшебной палочки, вспыхнул яркий электрический свет и стало светлее, чем днем. И снова все ожило, задвигалось... Снежинки кружатся в ярком электрическом свете и горят мириадами искр на воротниках, шапках, на земле и в воздухе. Большие стеклянные двери ярко освещенного театра услужливо открывает, переминающийся с ноги на ногу, швейцар Челбаш, в расшитой галуном ливрее.

— Эх... Увидел бы все это товарищ Сталин, — вздыхает Д. — бывший красногвардеец и член партии, а сегодня такой же зек, как и мы, но все еще верящий в советскую власть.

— Сталин бы понял, в чьи руки он нас отдал.

*

Чибыю — это центр и Главное управление Ухто-Печорских лагерей, где вся власть в руках Якова Моисеевича Мороза. Он здесь неограниченный властелин. Его жена —

Гesia Наумовна – директор театра имени И. И. Косолапкина, славного стахановца-бурильщика на Бакинских нефтеприискаx. Этому театру может позавидовать любой республиканский театр. В репертуаре театра имени И. И. Косолапкина – опера, драма и оперета. Какой театр на „воле“ может иметь такой размах, такие финансовые и артистические возможности?

А у Геси Наумовны все эти возможности налицо. Кто станет протестовать? Её муж Мороз? Или муж её сестры – Мотя Берман? Берман – начальник ГУЛАГа. В творческих, артистических и художественных силах недостатка не ощущается. Лагеря изобилуют этой категорией заключенных. Профессора, литераторы, драматурги, художники, артисты всех жанров, музыканты, режиссеры, дирижеры – только выбирай!

*

Входишь в театр и глаза разбегаются. Море света, все как в сказке. Все кругом веселятся, смеются, конфетти, серпантин... Под палочкой дирижера поет и вздыхает оркестр. Маски, карнавальные костюмы перемешались с вечерними туалетами дам и строгими мундирами военных. Танцующие пары, нарядные и надушенные, скользят между столиками с белоснежными скатертями, на которых цветы, вазы с фруктами и бутылки с дорогими винами. Стены зрительного зала для этого вечера художники разукрасили мотивами на темы „Ночь под Рождество“ и „Нового Года“. Самоварами, пирожками, танцующими в присядку бутылками и стаканами расписаны стены буфета и повсюду портреты вождей. Над всеми висит портрет Сталина. Он отечески улыбается со стены, глядя как празднует и веселится „бесклассовое общество“. Контрреволюционеры развлекают чекистов. Идиллия или позор? А как обстоит дело там, на „воле“, ведь там каждый из нас работал, а значит и укреплял власть.

Концлагерь – это Советский Союз в миниатюре. Разница лишь в том, что здесь все властимущие не нуждаются в маскировке, им не нужно врать нам, что все делается для блага народа, а не для господствующей в стране интернациональной шайки марксистских космополитов.

В вестибюле красуется огромный портрет И. И. Косоплапкина. Он прославленный стахановец-бурильщик на нефтепромыслах в Баку. Никто не знает почему его именем назван театр Ухто-Печорских лагерей. Фойе разукрашено северными мотивами. Одна стена – заснеженная тундра с бегущими в упряжке оленями и сидящим на нартах самоедом с длинным хореом в руке. Вторая стена – тайга с простирающимися над головой, чуть ли не на половину фойе, кривыми древесными ветвями, со свисающим с них седым мхом. За одной таежной сосной, обхватив лапой ствол дерева, стоит большой бурый медведь, готовый другой лапой схватить кого-либо из проходящих. Все здесь из настоящей фактуры.

К ярко освещенному подъезду подкатывают одна за другой легковые машины. Это съезжается крупное начальство. Многие гости входят в театр заснеженные, лохматые, неповоротливые как медведи, в малицах и пимах, другие в валенках и тулупах, а из раздевалки выходят элегантные, гладко причесанные, надушенные. На дамах шелестят шелка. Они в замшевых и лакированных туфельках скользят по паркету в сентиментальном танго. На лестничной площадке, прикрываясь веерами, беседуют парочки. В комнате отдыха на мягких диванах лениво расположились гости, слушая передачу из Москвы. Огромный пушистый ковер поглощает звуки шагов. Из-под абажура торшера льется розовый свет, слабо освещая сидящих.

На кругу сцены устроена из живых елей беседка. На большом круглом столе вазы с цветами и фруктами, шоколадом и конфетами. Буфет бойко торгует мороженым, пирожными и другими сладостями, все время хлопают откупориваемые пивные бутылки.

Сегодня здесь будет и сам Яков Моисеевич Мороз. Здесь будет встречать Новый Год все начальство Ухто-Печерского лагеря.

*

Полночь. Зал медленно погружается в голубой полумрак. Неожиданно из глубины зала, со стуком и грохотом, ослепляя фарами гостей, мчится световой „транспарант-паровоз“. Он с нарастающей быстротой приближается к столикам... Женский визг и раскатистый грохот мужского смеха. Семафор открыт, раздается свисток, паровоз остановился. Точно по расписанию прибыл Новый 1937-й год.

Зал и елка залились потоками разноцветного света. Паровоз исчез в причудливых складках задрапированной стены. Оркестр гремит интернационал. Звенят, брызжащие шампанским, бокалы чокающихся. Летят поздравления: „С Новым Годом, с новым счастьем!“ Столики перекликаются тостами. Здесь все только свои.

На сцене, в беседке сидят выхоленные чекисты из 3го отделения с пышно разодетыми, декольтированными дамами. Пенится шампанское, сыпятся шутки, стучат ножи и вилки. Вдруг, беседка начинает вращаться. Оркестр грохнул туш. Цветным снегом, из подвешенного над сценой рога изобилия, сыпется конфетти, образуя вокруг вращающейся беседки ажурную стену. Зрительный зал в восторге, летят остроты. Внимание всех приковано к этой оригинальной карусели, на которой восседает счастливое, веселое лагерное начальство со своими дамами...

*

В это время, под сценой в полумраке по узкому кругу галереи, вереница актеров театра имени И. И. Косолапкина вращала тяжелый круг сцены, с пирующими на ней владыками страны „свободы и равенства“. Конвоир, сидящий на ступеньках лестницы, ведущей под сцену, широко улыбается. Ему нравится эта пестро одетая толпа

артистов, вращающих круг сцены. Он даже изредка делает свои простодушные замечания. Вот прошел мимо него артист в расшитом фигаро с красной косынкой на голове, игравший в предновогоднем концерте испанца, а за ним, блестя газырями, в надвинутой на глаза папахе, чеченец.

— Басмач, видно, какой-то, — говорит конвоир.

Тут же и лирический Ленский. За ним белый, седой старичек-генерал, времен героической защиты осажденного Севастополя — артист Кучеров. Потом проходит мимо, изо всех сил нажимая на деревянную балку основания поворотного круга сцены, певец Александр Дудченко, во фраке с бумажной хризантемой в петлице. Когда же мимо нашего конвоира прошел режиссер Владимир Евтихевич Карпов в своей азиатской тубетейке и в лагерном бушлате, это явно не понравилось ему.

— Чего еще и этот сюда всунулся? Как есть всю музыку портит. Сидел бы там наверху, тут и без него обошлись бы...

И он, зажав между колен винтовку, начал сворачивать из газеты козью ножку. А мы продолжаем идти по кругу, как минутная стрелка часов в одном и том же направлении. Поплыл над нами из козьей ножки дымок и конвоир снова принялся с интересом нас рассматривать. Когда я, по пояс обнаженный, в широких восточных шароварах проходил мимо него, то услышал за спиной.

— А это невольник с турецкой неволи, — метко подметил он.

Действительно, мы были как рабы, прикованные к веслам галеры. Скованные одной цепью. Цепью ненависти и неволи.

*

Наверху танцы и игры чередуются с выступлениями артистов. Конферансье Михаил Иванович Одинцев объявляет следующий номер концертной программы в исполнении артистов Капустиной и Незванова. Капустина из

Александринки, Незванов – из МХАТа. После них и наша очередь. С харбинской балериной Валентиной Ратушенко мы исполняем восточный хореографический этюд. Танцевать приходится в невероятно трудных условиях, лавируя между столиками, под пристальные взгляды упитанных дам и циничные реплики чекистов.

Программа подходит к концу. Мы сидим в грим-уборной. Дышим запахами жаркого, вина, цветов и хороших папирос. Все они сливаются в одно и вызывают голодную боль. Скорей бы „домой“, за Ухту, где жарко натопив плиту, ждет нас наш дневальный, Алексей – высокий плотный старик-северянин, пересыпающий свой поморский говорок шутками и поговорками. Мы знаем, что там „дома“ сейчас празднично уютно. У каждого в тумбочке, соблазняя уже со вчерашнего дня, лежит целая пайка хлеба, которую можно будет, порезав на ломтики, поджарить на горячей плите и за кружкой подслащенного чая, хоть и с опозданием на много часов, поздравить друг друга с Новым Годом.

*

Наконец, мы „дома“. Поздравили друг друга, пожелали несбыточного счастья. Настроение затуманилось под тяжестью действительности. Мысли полетели к родным и друзьям, которые сейчас далеко, на воле, тоже встречают Новый Год, и возможно, вспоминают о нас, заброшенных в далекую тайгу. Тишина входит в наш домик на правах хозяина. Алеша Попов, ничего не видящими глазами, устремился в одну точку, лицо застыло, но на губах улыбка. Сейчас он дома, там, в маленьком заснеженном городке Козловске... Опершись на локоть, задумался Дудченко. Незванов, скрестив руки на груди, стоит возле печки. Откинувшись на подушку, молчит всегда грустный Загорулько.

В 4-й комнате, как в молитвенном экстазе, плачет и стоит виолончель под смычком Николая Николаевича Каринского. Бравич, кончающий десятый год, лежит

прикрыв лицо стеганкой и лишь художник Алексеев бегают из комнаты в комнату, показывая фотографии семьи. Он радостно возбужден. На днях кончается его срок, и если отпустят, то он уедет домой, на волю!

Вторая комната, обычно самая веселая, там хозяйничает Сергей Иванович Кучеров. В этой комнате собираются, чтобы пошутить, поспорить. Карпов тут как тут, он что-то рассказывает, чуть-чуть покашливая и хитро улыбаясь. Рассыпает остроты и заразительно смеется, похожим на кашель смехом, над разыгранным собеседником, которым чаще всего бывает Эдуард Евгениевич Понс. В этой комнате лишь один человек всегда горячится и хмурится. Это – ищущий правду и сам себя раздражающий, Консовский. Позднее, за свой спор с Гесей Наумовной был он Морозом отправлен на асфальтитовый рудник на Крутой горе, где три месяца спустя и умер.

Здесь сегодня среди нас и Владимир Иванович Харчев, вольнонаемный актер, год назад отбывший заключение. Он принес нам из своего скудного запаса новогодний подарок: хлеб, сахар, немного крупы и даже подсолнечного масла. Наш Алексей, засучив рукава, шеф-поваром расхаживает.

— Ну, господа! Что готовить будем? Говорите скорее, заводите пора.

В домике царит тишина. Стынет в кружках недопитый чай. Цыгарка Карпова лежит на спичечной коробке и торопливо дымит. У метеорологической станции, разрывая морозную тишину, глухо проревел медведь. Предрасветный мороз дошел до полуста.

Над тайгой, извиваясь полыхает широкое, иглистое полотнище северного сияния, как знамя какой-то далекой неведомой планеты, приплывшее сюда по бесконечному Млечному пути. Плита потрескивает смолистыми плашками. Подперев голову, с закрытыми глазами, Вебер поет грустные песни Вертинского. Новый Год. Мы вступили в новый, долгий год северной каторги.

ГОРОДСКОМ ТЕАТР ИМЕНИ И. И. КОСОЛАПКИНА

9 МАРТА
1937 г.

9 МАРТА
1937 г.

ПРОГРАММА

КОНЦЕРТА

ПОСВЯЩЕННОГО

МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ
ДНЮ

1 ОТДЕЛЕНИЕ

1. Ария Грязного из оперы „ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА“ —
Риминго-Корсакова : исп. **А. С. ДУДЧЕНКО**
2. Отрывок из романа „ВОСКРЕСЕНИЕ“ — *Л. Толстого*
прочтет **М. М. НАЗВАНОВ**
3. Драматический отрывок из пьесы „ЖЕНИТЬБА БАЛЬ-
ЗАМИНОВА“ — *Островского*.

Действующие лица:

АНФИСА	А. Т. ОНИЩЕНКО
РАИСА	В. Э. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ
ХИМКА	Г. Ф. ВАСИЛЬЕВА
БАЛЬЗАМИНОВ	Я. Л. БАБЕНКО

4. Кюи — „СВАТ И ЖЕНИХ“ исп. **С. А. БРАВИЧ**
Валентинов — „БАЛЛАДА“
5. А. Чехов — „КАНИТЕЛЬ“. Инсценировка.

Действующие лица:

СТАРУХА	М. А. СТРИЖОВА
ДЬЯЧЕК	В. И. ЛАВРОВ

6. ВОЯРСКИЙ ТАНЕЦ исп. **В. В. РАТУШЕНКО**

II ОТДЕЛЕНИЕ

1. Некрасов — „РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ“. Инсценировка.

Действующие лица:

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ . . . В. С. ЛУКЪЯНОВА
ГЕНЕРАЛ . . . С. И. КУЧЕРОВ

2. Отрывок из повести „МАТЬ“ — М. Горького.
прочтет В. И. ДУНАЕВ

3. Давиденко — „МАТЬ“ . . . исп. А. С. ДУДЧЕНКО

4. Монолог Клары из пьесы „СТРАХ“ — Афиногенова.
прочтет Е. Г. ГАРТМАН

5. Драматический этюд Мики

„ГОРОД В ИСПАНИИ“

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭМИЛИЯ . . . А. И. МАЯМСИНА
МАРИЯ . . . М. А. СТРИЖОВА
ЖУАНИТА . . . В. Э. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ
ЭВЕЛИНА . . . А. Т. ОНИЩЕНКО
РАФАЭЛЬ . . . М. М. НАЗВАНОВ

6. Отрывок из обращения съезда жён специалистов к женщинам Советского Союза, прочтет В. С. ЛУКЪЯНОВА

7. РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ исп. Г. Ф. ВАСИЛЬЕВА

8. РУССКИЙ КОМИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ
исп. А. Т. ОНИЩЕНКО, А. Н. КНИСОВТ-ШПАРЭНГО,
П. Л. БАБЕНКО

Драм. отрывки поставлены режиссером В. КАРПОВЫМ

Конферансье М. В. ОДИНЦОВ У рояля Г. С. ШИ

Оркестр под управлением С. Ф. ЛЕВАЦКО

НАЧАЛО В ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Одна из программ театра им. И. И. Косолапкина, в котором происходила, описываемая в рассказе А. И. Шпарэнго, встреча Нового года.

Б. К. ГАНУСОВСКИЙ

„10 ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ“

Эту книгу следует отнести к разряду т. н. „страшных книг“ Автор книги — старый эмигрант из „первой волны“, в 1943 году, желая активно бороться против коммунизма, поступил добровольцем в формирующуюся Казачью Кавалерийскую дивизию, позднее превратившуюся в Казачий Кавалерийский корпус.

По окончании второй Мировой войны этот Казачий корпус был выдан англичанами в руки Сталину. Был выдан на расправу и автор этой книги. Он рассказывает в своей книге о трагических годах, проведенных в советских концлагерях. Книга эта посвящена миллионам мучеников, страдавших там вместе с ним и продолжающим страдать и сейчас.

В 1955 году случилось чудо: наступила „хрущевская оттепель“ и автору, никогда не бывшему советским подданным, удалось вырваться из советского „рая“. Прощаясь со своими лагерными друзьями, он дал им обещание рассказать „свободному миру“ о том, что он видел и пережил там, ничего не прибавляя и не выдумывая.

Русское книгоиздательство „ГЛОБУС“ в Сан-Франциско издало воспоминания Б. К. Ганусовского с 14 фотографиями и 6-ю зарисовками из лагерной жизни, сделанными художником Юрием Зигерн-Корн, так же отбывшем десятилетний срок в советских концлагерях.

Книгу можно выписать из книгоиздательства „ГЛОБУС“ по адресу: „Globus Publishers“, P. O. Box 27471 San Francisco, Ca. 94127, USA. Tel. (415) 668-4723.

Цена книги 16 ам. долларов и 1 ам. доллар за пересылку.

В О З З В А Н И Е

К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Дорогие друзья! Соотечественники!

Заплечных дел мастера из советских органов госбезопасности – раньше ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, теперь КГБ – вот уже более шестидесяти лет делают все, чтобы подавить сопротивление народа коммунистическим оккупантам, чтобы парализовать антикоммунистическую деятельность русской эмиграции – как части народа.

Тем, кто ведет активную работу, направленную против коммунистического режима, советские органы государственной безопасности жестоко мстят, прибегая к террористическим актам, к провокациям, ко лжи и клевете.

Нет таких низких средств, какими бы не пользовался наш враг в борьбе против русской эмиграции, свидетельствующей одним фактом своего существования против коммунистического режима.

Так, еще в 30-х годах были похищены и замучены белые генералы Кутепов и Миллер.

Война советских органов государственной безопасности против эмиграции продолжается все время, не утихая.

Освободительное Движение периода Второй мировой войны свидетельствует о том, что народ наш – против коммунизма, что борьба продолжается.

После войны нашим врагом были захвачены руководители Движения во главе с генералом Власовым, был захвачен казачий генерал Краснов и его соратники – и все замучены. Были захвачены сотни тысяч рядовых участни-

ков Движения, многие из которых тоже погибли мученической смертью. Однако, многим участникам Освободительного Движения удалось спастись. Так образовалась вторая эмиграция, единая теперь с первой, Белой эмиграцией.

После Второй мировой войны советские органы государственной безопасности продолжают атаковать русскую эмиграцию, прибегая к испытанным средствам: террору, провокациям, лжи и клевете.

Используются все средства, используются и некоторые иностранные факторы.

Так подвергся ожесточенной атаке со стороны КГБ русский эмигрант, убежденный антикоммунист и русский патриот, литератор и общественный деятель **В. Д. Соколов-Самарин**.

Его неоднократно атаковала советская печать.

С особой силой кампания против Владимира Дмитриевича вспыхнула в 1976 году. В феврале этого года против него выступила «Комсомольская правда». Вслед за тем, в апрельском номере журнала «Советише геймланд», выходящего в Москве на йдиш, появилась пространная статья генерала КГБ Аркадия Сахнина, заместителя редактора Арона Вергелиса.

На основании публикации в «Советише геймланд» против Владимира Дмитриевича начала злобную кампанию Нью-Йоркская газета «Джуиш дейли морнинг фрайхайд». Началась кампания в Йельском университете, где он преподавал русский язык и литературу, и за год до пенсионного срока Владимир Дмитриевич должен был уйти в отставку, на урезанную пенсию.

Кампания в печати сопровождалась требованиями „покинуть эту страну“ и угрозами расправы.

Через отдел специальных расследований Министерства Юстиции США КГБ начинает новую кампанию, и в январе 1982 года Владимиру Дмитриевичу вручается обвинительный акт на предмет предания суду – лишения гражданства и депортации.

Дело против него возбуждено на основании материалов, полученных из КГБ, в связи с тем, что в период Второй мировой войны он был заместителем редактора русской антикоммунистической газеты «Речь», выходившей в занятых немцами областях и будто бы скрыл что-то из своего прошлого перед получением американского гражданства.

Как видно, Отдел специальных расследований Министерства Юстиции США намерен создать из этого дела прецедент для преследования других эмигрантов, антикоммунистов. Известно, что число намеченных жертв все растет.

Владимир Дмитриевич первым принял удар в этой новой кампании КГБ, направленной против эмиграции. Он очутился один на передовой, и ему нужна и моральная, и финансовая помощь.

Оказать эту помощь – наш долг, долг русской эмиграции!

Вот уже третий год ведется предсудебная тяжба между адвокатами Владимира Дмитриевича (их двое: адвокат и помощник) и обвинителями, стоившая уже многих тысяч долларов. Предстоят еще большие расходы, связанные с судом.

Наш долг, наша обязанность помочь русскому патриоту, убежденному антикоммунисту!

Предстоящий процесс должен быть выигран нами, русской антикоммунистической эмиграцией!

Конгресс Русских Американцев создал специальный фонд, собирающий средства для дела защиты В. Д. Соколова-Самарина. Чеки и почтовые переводы просим выписывать на:

C. R. F. Sivil Rights Defence Fund
и направлять по адресу:
Congress of Russian Americans, Inc.,
P. O. Box 958
Teaneck, NJ 07666

*„Российская империя – не голая зоологическая сила, не чуждая „акула“ бесцельно, эгоистически поглощающего „империализма“, а мощный многонародный организм, носящий в себе благородное и святое призвание – явить собою лик христианского по духу и православного по стилю государства, то есть максимально воплотить в человеческом общежитии правду Христову, которой всегда алчет и жаждет русская совесть. Достичь внутри мирного сожительства всех классов, племен, народов с их культурами и сообщить блага этого святорусского мира и миру внешнему, человечеству: *paх christiana, paх sancto-russica.*“*

А. Карташев

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

ОБРАЩЕНИЕ

К БЫВШИМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ КРАСНОЙ АРМИИ ПЕРЕЖИВШИМ ПЛЕН В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ (1941-1945)

Друзья-соотечественники, братья по плену!

За истекшие, после окончания Второй мировой войны, сорок лет ни в русской, ни в иностранной печати не было опубликовано обобщающего труда, посвященного очень сложной и исторически чрезвычайно важной проблеме – пленению миллионов солдат и офицеров Красной Армии во время войны Советского Союза с гитлеровской Германией. Остаются без ответа многочисленные вопросы, касательно причин этого, по-истине, феноменального явления. По разным побуждениям, но с одинаковым результатом, в СССР и в, так называемом, „свободном мире“ эти вопросы замалчиваются, их стараются предать забвению, или же преуменьшить их историческое значение. Об общем количестве попавших в плен советских военнослужащих, об условиях их существования в немецких лагерях, о массовом вымирании их от голода, холода и болезней до сих пор нет опубликованных, проверенных фактически, данных.

Наряду с этим, во всех воевавших государствах, даже оказавшихся после войны в советской сфере влияния, широко и подробно освещена судьба их граждан, оказавшихся в положении военнопленных. Что же касается советских военнослужащих, оказавшихся в плену, то они даже не имели официального статуса „военнопленных“ – факт этот малоизвестен и по-ныне не объяснен.

По самым приблизительным подсчетам, количество погибших в плену советских военнослужащих, превышает три миллиона человек. Эта чудовищная цифра многократно превосходит число погибших как в германском, так и японском плену военнослужащих всех других союзных государств вместе взятых. Окончание войны принесло освобождение, возвращение домой и горячую признательность нации, всем пленным американцам, англичанам, французам, бельгийцам, сербам, канадцам и другим. Даже немцы встречали своих солдат, возвращавшихся из плена, с распростертыми объятиями!

Иная участь ждала советских военнослужащих, попавших в плен. О тех, кто добровольно или же в результате насильственной репатриации, вернулся на родину, малоизвестно, а то, что известно – весьма прискорбно. За теми, кто „выбрал свободу“, кто пытался избежать жестокой расправы только за то, что очутился в плену, по всей Европе охотились, как за дикими зверями, советские репатриационные комиссии.

Только мы – те, кому посчастливилось пережить плен и избежать насильственной репатриации, можем восстановить истинную картину событий, связанных с пребыванием в германском плену советских военнослужащих и этим вписать в историю войны Советского Союза с Германией, недостающие там трагические страницы о судьбе советских военнопленных. Следует однако помнить, что нас осталось уже немного. Не только с каждым годом, но с каждым месяцем, количество живых свидетелей, переживших трагедию плена, уменьшается. Еще есть возможность собрать документы, материалы, мемуары, свидетельства и издать монографию или сборник под общим

названием „Плен“ , хотя бы на двух языках: русском и английском.

Инициативная группа бывших военнопленных, настоящим обращается ко всем своим товарищам, где бы они не жили, с просьбой откликнуться на наш призыв, прислать свои соображения по поводу издания монографии „Плен“, а также имеющиеся материалы, могущие быть использованы в этом издании. Важно все: начиная с общих данных и документов, до личных наблюдений и переживаний, рассказов о самых незначительных деталях пребывания в плену.

Для осуществления задуманного нами потребуется много усилий, энтузиазма и практического проявления чувства ответственности перед Историей. Предстоит осуществить большую редакторскую и издательскую работу, собрать средства, необходимые для издания этого исторически важного, уникального документа. Однако, все вместе, мы можем и должны это сделать в память брошенных на произвол судьбы и погибших миллионов наших товарищей по плену, в знак благодарности Всевышнему за дарованную нам до преклонных лет жизнь.

Инициативная группа

Отклики, вопросы и пожелания, а также материалы для предполагаемого издания, просим присылать по адресу:

P.O. Box 29084, Los Angeles, Ca. 90029, USA

С О О Б Щ Е Н И Е

РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ в ФРГ

Е. А. Вагин обратился в Правление РНО в ФРГ, как к издателю альманаха «Вече», с заявлением о выходе из редакции альманаха. В своем заявлении Е. А. Вагин указывает, что решение его принято в связи с неслыханной в российском Зарубежье и оскорбительной для него клеветнической кампанией, поднятой вокруг прискорбных событий, связанных с ликвидацией бывшей русской Библиотеки им. Гоголя в Риме.

Правление РНО в ФРГ выразило Е. А. Вагину благодарность за участие в редактировании альманаха «Вече» (№№ 1-15) и назначило О. А. Красовского главным редактором «Вече».

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Альманах «ВЕЧЕ»
можно купить в Сан Франциско в
книжном магазине „Глобус“

GLOBAL - SLAVIC BOOKSTORE
332 Balboa Street
San Francisco, Ca. 94118, USA

В Лос Анжелесе альманах «ВЕЧЕ» можно приобрести в киоске при Свято-Покровском храме

2041 Argyle Avenue, Los Angeles,
Ca. 90068, USA

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

альманаха «ВЕЧЕ»

в Венесуэле

T. ROTINOV
Artesania Kazbek S.R.L. Apartado 76.184,
El Marques, Zona Postal 1070 A
C a r a c a s

В представительстве можно оформлять подписку и
заказывать отдельные номера «ВЕЧЕ».

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм

подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.

подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройком значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**